

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЛУЧШИЕ КАНДИДАТСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Д.Г. Миронов

МЕМЕЦКАЯ
АНАЛИТИЧЕСКАЯ
ОНТОЛОГИЯ

2016

Книга написана на основании текста диссертации, победившей в конкурсе на лучшую кандидатскую диссертацию философского факультета МГУ 2015 г. Диссертация защищена в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова в 2013 г.

ISBN 978-5-93883-309-8

9 785938 833098

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Лучшие кандидатские диссертации

Д.Г. Миронов

Немецкая аналитическая ОНТОЛОГИЯ

Москва

Издатель Воробьев А.В.

2016

УДК 1(091)
ББК 87.3
М64

МИРОНОВ Д.Г.

М64 Немецкая аналитическая онтология / Под ред. Е.А. Войниканис / Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. — М.: Издатель Воробьев А.В., 2016. — 152 с. (— Лучшие кандидатские диссертации философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова)

ISBN 978–5–93883–309–8

Книга написана на основании текста диссертации, победившей в конкурсе на лучшую кандидатскую диссертацию философского факультета МГУ 2015 г. Диссертация защищена в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова в 2013 г.

В исследовании анализируются основные подходы немецких аналитических философов к проблемам онтологии. Определяется характер онтологических исканий в современной немецкой аналитической философии, для чего реконструируется семантический проект онтологии, а также предлагаемые способы дополнения и корректировки семантического проекта. В итоге исследование характерных особенностей немецкой аналитической онтологии, во-первых, позволяет существенно расширить понятие самой аналитической философии, во-вторых, предоставляет возможности для более полного изучения истории развития современной немецкой философии.

SUMMARY

The Study examines the main approaches of the German analytic philosophers to the problems of ontology. It determines the nature of the ontological quest in modern German analytic philosophy, for which purpose it reconstructs the Semantic Project of ontology as well as the suggested ways of modifying and correcting the Semantic Project. As the result, the examination of the characteristic features of the German analytic ontology firstly, allows to significantly expand the concept of analytic philosophy, and secondly, provides opportunities for a more complete study of the history of the development of modern German philosophy.

© Миронов Д.Г., 2016

ISBN 978–5–93883–309–8

© Воробьев А.В. & ЦСК, оформление, 2016

Научное издание

Подписано в печать 01.04.2016. Формат 60x88/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 9,5. Уч.-изд. л. 7,83. Заказ № 162.

Оригинал-макет и обложка подготовлены *А.В. Воробьевым*, корректор *Е.В. Феоктистова*

Издатель Воробьев А.В. 7720376@mail.ru

г. Москва, ул. Профсоюзная, 140–2–36. 8(495)772–03–76

Типография ООО «Телер». 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 12.

Лицензия на типографскую деятельность ПД № 00595.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
РАЗДЕЛ 1. Семантический проект онтологии	10
ГЛАВА 1. Метаонтология Эрнста Тугендхата	12
§1. Формальная семантика как онтология	13
§2. Формальная семантика и феноменология	22
§3. Семантика ассерторических предложений и единичных терминов	27
§4. Проблема универсальности формальной семантики	37
ГЛАВА 2. Онтология абстрактных предметов Вольфганга Кюнне	41
§1. Критерии абстрактности	41
§2. Проблема существования абстрактных предметов	49
§3. Проблема познаваемости абстрактных предметов	56
ГЛАВА 3. Основные подходы к анализу понятия существования	64
§1. Роль глагола «быть» в предложениях	64
§2. Проблема унивокальности глагола «быть»	67
§3. Проблема интерпретации экзистенциальных предложений	70
РАЗДЕЛ 2. Несемантические проекты онтологии	85
ГЛАВА 1. «Онтология полей» Даниэля фон Вахтера	87
ГЛАВА 2. «Повседневная онтология» Христиана Канциана	96
§1. Категория событий и ситуаций	98
§2. Категория вещей	104
ГЛАВА 3. Онтология «положений дел»	109
§1. История понятия положение дел	110
§2. Онтология Густава Бергмана	116
§3. Онтология Эрвина Тегтмайера	131
§4. Формальная онтология Уве Майкснера	138
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	142
ЛИТЕРАТУРА	148

ВВЕДЕНИЕ

Под аналитической онтологией мы понимаем многообразие онтологических исследований, которые проводятся в рамках аналитической традиции философствования. На наш взгляд, для самой аналитической традиции характерно не столько то, что аналитические философы используют формальные логические методы, сколько то обстоятельство, которое сближает аналитическую философию с классическим рационализмом: аналитические философы, по нашему мнению, убеждены в том, что философия должна (последовательно и контролируемо) давать рациональные ответы на поставленные вопросы, что стандарты рациональности едины для всех без исключения, и что, в конце концов, несмотря на разнообразие подходов и стратегий, мы способны приходить к единым решениям. Для философов аналитической традиции также характерна убежденность в том, что философское исследование только тогда приводит к удовлетворительному результату, когда все ключевые понятия (термины, которые используются при формулировке как проблем, так и решений) определены, а аргументация ясна и доступна проверке.

В современных Германии и Австрии аналитическая философия — одно из наиболее активно развивающихся направлений. Исключением не является и аналитическая онтология. Необходимо отметить, что в нашей монографии речь пойдет о таких немецких аналитических исследованиях, которые лишь опосредованно связаны с аналитической традицией, характерной для Германии и, особенно, для стран бывшей Австро-Венгрии в период до Второй мировой войны. Приход к власти национал-социалистов прервал эту традицию и послевоенное возрождение утерянных аналитических стандартов философствования было тесно связано с рецепцией англо-американских исследований. Также стоит отметить, что возрождение интереса к австрийской философии (прежде всего, философии Brentano и его учеников) во многом было иницииро-

вано работами английских и американских исследователей, желавших понять истоки аналитической традиции¹.

Исследование онтологических концепций, разрабатываемых немецкими аналитическими философами, на наш взгляд, имеет двойную актуальность: во-первых, такое исследование актуально в рамках историко-философского изучения основных направлений современной немецкой философии, во-вторых, оно актуально для понимания характера современной онтологии (и, в частности, для понимания того, как современными аналитическими философами обсуждаются классические философские проблемы). Полноценное описание и последующий анализ ключевых тенденций в современной немецкой философии невозможны без учета тех исследований, которые осуществляют немецкие аналитические философы. Более того, на наш взгляд, обсуждаемые ими вопросы и предлагаемые варианты решений зачастую обладают такими измерениями, которые нехарактерны для англо-американской традиции. К примеру, глубокий синтез феноменологической и аналитической перспективы, осуществленный Э. Тугендхатом, позволяет взглянуть на обе традиции и через них на традиционную онтологическую проблематику с весьма необычной стороны.

Заметим далее, что некоторые идеи, развиваемые немецкими аналитическими философами, вносят важный корректив в стандартные способы обсуждения той или иной онтологической проблемы. Некоторые решения, как нам кажется, просто не могли не появиться именно в работах немецких философов, умеющих наблюдать сильные и слабые стороны формально-логических, герменевтических и других подходов. В связи с этим стоит также отметить, что зачастую формально «ученические» работы некоторых исследователей помогают обратить внимание на ключевые тенденции в развитии аналитической философии. Обилие работ, в которых обсуждение собственно онтологических проблем было тесно связано с проблемами формально-семантического анализа, характерно для периода 60-х и 70-х годов; в работах 80-х и 90-х

¹ См., напр.: *Dummett M. Origins of Analytical Philosophy. Cambridge/Mass., 1993*; или *Smith B. Austrian Philosophy. The Legacy of Franz Brentano. Chicago/LaSalle, 1994*.

уже намечается некоторая тенденция, которую можно условно назвать поворотом от «лингвистических онтологий» к онтологиям «экстралингвистическим».

Мы хотели бы подчеркнуть то обстоятельство, что немецкая аналитическая онтология еще ни разу в отечественной истории философии не становилась самостоятельной темой исследования. В работе М.Е. Соболевой «Философия как «критика языка» в Германии»² дается общая характеристика современной аналитической философии в Германии, отдельно исследуются концепции таких аналитических философов, как А. фон Савиньи и Э. Тугендхат; верификационная семантика Тугендхата подвергается довольно детальному анализу; наконец, имеется раздел, посвященный «некоторым подходам к онтологической проблематике в современной немецкой философии», где анализируются идеи Э. Тугендхата, К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса. Исследований, в которых полностью или частично рассматривались бы идеи других современных немецких онтологов, насколько нам известно, нет.

Из работ на русском языке, в которых целостно обсуждаются проблемы аналитической онтологии, мы хотели бы выделить такие как: «Формальная онтология»³ и «Формальная феноменология»⁴ В.Л. Васюкова, «Формальные онтологии: аналитическая реконструкция»⁵ Е.Г. Драгалиной-Черной, «Онтологические и гносеологические основания аналитической философии»⁶ С.В. Никоненко, «Язык, онтология и реализм»⁷ Л.Б. Макеевой, «Метафизика в аналитической философии: очерки истории»⁸ Н.А. Блохиной (можно также указать на обзорную статью А.Ю. Дегутиса

² Соболева М.Е. Философия «как критика языка» языка в Германии. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2005. 412 с.

³ Васюков В.Л. Формальная онтология. М., 2006. 140 с.

⁴ Васюков В.Л. Формальная феноменология. М.: Наука, 1999. 223 с.

⁵ Драгалина-Черная Е.Г. Формальные онтологии: аналитическая реконструкция. М.: Альфа, 2000. 179 с.

⁶ Никоненко С.В. Онтологические и гносеологические основания аналитической философии. СПб., 2005. 478 с.

⁷ Макеева Л.Б. Язык, онтология и реализм. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 312 с.

⁸ Блохина Н.А. Метафизика в аналитической философии: очерки истории. Рязань: Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 2011. 500 с.

«Онтологическая проблематика в современной аналитической философии»⁹).

Из обзорных немецких работ по проблемам аналитической онтологии мы можем выделить следующие: «Основные проблемы аналитической онтологии»¹⁰ Э. Рунггальде и Х. Канциана, «Онтология и логический анализ языка»¹¹ Г. Кюнга, «Язык и бытие»¹² Э.К. Шпехта, «Язык и логика»¹³ Г. Патцига, «Аналитическая онтология»¹⁴ Р. Траппа, «Значение, сознание и онтология: аспекты философии языка» В. Бенкевитца¹⁵, ««Скандал философии» и семантика: критические и систематические исследования по аналитической онтологии и теории опыта»¹⁶ Р. Циммермана; особняком стоят работы Вернера Штегмюллера, философа, активно повлиявшего на рецепцию в Германии англо-американской аналитической философии¹⁷.

Ключевыми источниками по проблемам немецкой аналитической онтологии для нас стали следующие работы: Э. Тугендхат «Курс вводных лекций по лингво-аналитической философии»¹⁸, В. Кюнне «Абстрактные предметы»¹⁹, Б. Шнидер «Субстанции и (их) свойства»²⁰, В. Карл «Существование и предикация»²¹,

⁹ *Дегумис А.Ю.* Онтологическая проблематика в современной аналитической философии // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии. Рига, 1988. С. 205–225.

¹⁰ *Runggaldier E., Kanzian C.* Grundprobleme der analytischen Ontologie. Paderborn/München, 1998.

¹¹ *Küng G.* Ontologie und logische Analyse der Sprache. Eine Untersuchung zur zeitgenössischen Universaliendiskussion. Wien, 1963. Имеется русский перевод: *Кюнг Г.* Онтология и логический анализ языка. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 237 с.

¹² *Specht E.K.* Sprache und Sein. Berlin, 1967.

¹³ *Patzig G.* Sprache und Logik. Göttingen, 1981.

¹⁴ *Trapp R.W.* Analytische Ontologie. Frankfurt a. M., 1996.

¹⁵ *Benkewitz W.* Bedeutung, Geist und Ontologie: Aspekte der Sprachphilosophie. München, 1990.

¹⁶ *Zimmermann R.* Der „Skandal der Philosophie“ und die Semantik: kritische und systematische Untersuchungen zur analytischen Ontologie und Erfahrungstheorie. Freiburg/München, 1981.

¹⁷ См., напр.: *Stegmüller W.* Das Universalienproblem // Stegmüller W. Glauben, Wissen, Erkennen. Darmstadt, 1965; либо: Stegmüller W. Hauptströmungen der Gegenwartsphilosophie, Bd. II. Stuttgart, 1979.

¹⁸ *Tugendhat E.* Vorlesungen zur Einführung in die sprachanalytische Philosophie. Frankfurt a. M., 1976.

¹⁹ *Künne W.* Abstrakte Gegenstände. Semantik und Ontologie. Frankfurt a. M., 2007.

²⁰ *Schnieder B.* Substanzen und (ihre) Eigenschaften. Berlin, 2004.

М. Райхер «Референция, квантификация и онтологические обязательства»²², Т. Розефельт «Что не существует»²³, Д. фон Вахтер «Вещи и свойства»²⁴, Х. Канциан «События и другие партикулярии»²⁵, Х. Канциан «Вещь — субстанция — свойство»²⁶, Г. Бергман «Логика и реальность»²⁷, Г. Бергман «Реализм»²⁸, Г. Бергман «Значение и существование»²⁹, Э. Тегтмайер «Основы категориальной онтологии»³⁰, Р. Хюнтельман «Существование и возможность»³¹, У. Майкснер «Моделируя метафизику»³². Работы Тугендхата, Кюнне, Шнидера, Карла, Траппа, Райхер и Розефельта объединяет то, что все они оказываются представителями так называемого «семантического» проекта онтологии, предполагающего убежденность в том, что только анализ нашего языка позволяет устранить те или иные онтологические проблемы; может показаться, что многие решения, предлагаемые в рамках такого проекта, носят технический характер, и читателю, не привыкшему к таким подходам, они могут представиться онтологически иррелевантными. Сомнение в недостаточности «семантического» подхода для решения ключевых задач онтологии разделяют такие авторы, как фон Вахтер, Канциан, Бергман (правда, в работах 60-х годов, а не ранних), Тегтмайер, Хюнтельман, Майкснер. Желание перейти от лингвистического анализа к иным способам тематизации сущего

²¹ Carl W. Existenz und Prädikation. München, 1974.

²² Reicher M.E. Referenz, Quantifikation und ontologische Festlegung. Frankfurt a. M., 2005.

²³ Rosefeldt T. Was es nicht gibt: eine Untersuchung des Begriffes der Existenz. Heidelberg, 2006.

²⁴ Wachter D. Dinge und Eigenschaften. Versuch zur Ontologie. Dettelbach, 2000.

²⁵ Kanzian C. Ereignisse und andere Partikularien. Vorbemerkungen zur einer mehrkategorialen Ontologie. Paderborn, 2001.

²⁶ Kanzian C. Ding — Substanz — Person. Eine Alltagsontologie. Ontos Verlag, 2009.

²⁷ Bergmann G. Logic and Reality. Madison, 1964.

²⁸ Bergmann G. Realism. A Critique of Brentano and Meinong. Madison, 1968.

²⁹ Bergmann G. Meaning and Existence. Madison, 1968.

³⁰ Tegtmeyer E. Grundzüge einer kategorialen Ontologie. Dinge, Eigenschaften, Beziehungen, Sachverhalte. Freiburg, München, 1992.

³¹ Hüntelmann R. Existenz und Möglichkeit. Metaphysica Sonderheft (Bd. 2), 2002.

³² Meixner U. Modelling Metaphysics. The Metaphysics of a Model. Frankfurt a. M., 2010.

отчасти, на наш взгляд, основывается на невозможности показать универсальность лингвистической философии (задача, которую Тугендхат, пытавшийся обосновать фундаментальность формальной семантики, не сумел решить).

Отметим, что приведенные работы, по нашему мнению, оказываются наиболее репрезентативными для немецкой аналитической онтологии. Мы стремились не столько к охвату возможно большего количества точек зрения, сколько к реконструкции наиболее характерных подходов и решений. Основной метод нашего исследования — реконструкционный анализ, нацеленный, во-первых, на детальное воспроизведение онтологических концепций немецких аналитических философов, во-вторых, на воссоздание по возможности целостного образа немецкой аналитической онтологии.

В работе над монографией автору неоценимую помощь оказывали коллеги по кафедре истории зарубежной философии философского факультета Московского университета. Особую благодарность автор хотел бы выразить своему научному руководителю Е.А. Войниканис, а также В.В. Васильеву и Е.В. Фалёву.

РАЗДЕЛ 1

Семантический проект ОНТОЛОГИИ

Наиболее общим способом онтологию можно определить как исследование, своей целью имеющее тематизацию всего, что существует, или, несколько иначе, как дисциплину, которая отвечает на вопрос «Что существует на самом деле?». В поисках ответов на такой вопрос онтологи, во-первых, пытаются составить общий перечень «всех реально существующих предметов», во-вторых, указывают на особенности таких предметов и определяют характер их взаимоотношений. И первый же серьезный шаг в требуемом направлении наталкивается на трудно устранимые препятствия: неясно, почему некоторые предметы можно полагать существующими, а некоторые — нет; не очевиден сам критерий существования, непонятно, какие средства и какой материал надо использовать, чтобы добиться поставленной цели. Получается, что собственно онтологическое исследование должно предполагать некоторое предварительное, «общеметодологическое» исследование — своего рода «метаонтологию». В аналитической философии зачастую под метаонтологией понимают только ту концепцию, которая возникла в результате полемики Куайна и Карнапа и которая обязывает нас изучать «онтологические обязательства» (т. е. определять, что мы обязуемся принимать в качестве существующего исходя из ряда наших (истинных) убеждений или (истинных) теорий). Однако, на наш взгляд, ограничение метаонтологии теми общими исследованиями, которые проводил Куайн (или Карнап), неоправданно и допускает несколько дополнений. В частности, в рамках немецкой аналитической онтологии мы встречаем фигуру, вполне сопоставимую с Куайном (или Карнапом). Как нам представляется, весьма глубокое и продуманное метаонтологическое исследование можно найти в работе Эрнста

Тугендхата «Курс вводных лекций по лингво-аналитической философии»³³. В первой главе данного раздела мы уделим пристальное внимание этому философу и этой его работе; мы попытаемся проследить за тем, как Тугендхат доказывает, что единственно верный способ осуществить онтологическое исследование — это произвести формально-семантический анализ.

Попытка Тугендхата обосновать универалистские притязания формальной семантики, безусловно, связана с наиболее популярным (надо заметить, до последнего времени) проектом онтологических исследований — семантическим. Несколько огрубляя, можно сказать, что в рамках аналитической философии онтологические исследования могут проводиться двумя способами. Либо философ осуществляет категориальный анализ (в котором язык — один из возможных «материалов» исследования), выявляет «структуры реальности» и затем демонстрирует связь этих структур с грамматическими и логическими формами наших высказываний о реальности. Либо философ анализирует высказывания (формы предложений) и выясняет, какие «онтологические» следствия можно извлечь из анализа истинных высказываний. Второй способ исследования «структуры реальности» мы и называем семантическим проектом онтологии.

Семантический проект реализуется в работах очень многих немецких аналитических философов. Основную его идею мы можем еще раз уяснить на примере теории абстрактных предметов Вольфганга Кюнне³⁴. Предполагается, что онтологическую структуру мира можно «считать» с наших высказываний о мире. Или, несколько иначе: семантика (и только она) позволяет выявить онтологию, встроенную в наш язык и наше мышление о мире (поскольку это мышление опосредуется языком). Собственное исследование Кюнне выстраивает по следующей схеме: вначале он различает типы терминов (абстрактные и конкретные), затем ана-

³³ *Tugendhat E.* Vorlesungen zur Einführung in die sprachanalytische Philosophie. Frankfurt a. M., 1976. На русском языке имеется перевод девятой и десятой лекции этой книги: см. Логос 1991–2005. Избранное: В 2 т. Т. 1. М.: Территория будущего, 2006. С. 258–288. Заметим, что В.А. Куренной переводит заглавие книги Тугендхата как «Введение в аналитическую философию языка. Лекции».

³⁴ *Künne W.* Abstrakte Gegenstände. Semantik und Ontologie. Frankfurt a. M., 2007.

лизирует (истинные) предложения обыденного языка и определяет, термины какого типа входят в эти предложения, наконец, он изучает способы трансформации таких предложений и пытается выяснить, получается ли в ходе некоторых трансформаций элиминировать абстрактные термины. Поскольку некоторые абстрактные термины элиминировать не удастся, Кюнне делает «онтологический» вывод, что эти термины «предметны», а соответствующие им абстрактные предметы существуют.

Ключевые проблемы, которые обсуждают авторы весьма разных работ, реализующих семантический проект, — это проблема универсалий (абстрактных предметов) и проблема существования (обе проблемы, безусловно, связаны: дать критерии существования — значит прояснить статус абстрактных предметов). В согласии с этим, темой второй главы данного раздела будут абстрактные предметы, темой третьей главы станет понятие существования.

ГЛАВА 1. Метаонтология Эрнста Тугендхата

До 1965 года Эрнста Тугендхата вполне можно было считать философом, представляющим феноменологическую традицию. Однако пребывание в Энн-Арбор (Мичиганский университет) и общение с аналитическими философами оказало на него очень сильное влияние. Несколько позднее он писал о том времени: «Шаг за шагом я пробивался к тому, что было важным для меня в аналитической философии, и я чувствовал, как мгновенно наследие Гуссерля и Хайдеггера обретало смысл, указывая направление моей работе»³⁵. Итогом периода интенсивного освоения идей и методов аналитических философов стала фундаментальная монография 1976 года «Курс вводных лекций по лингво-аналитической

³⁵ *Tugendhat E. Philosophische Aufsätze. Frankfurt a. M., 1993. S. 10.*

философии»³⁶. Монография эта состоит из двух частей: в первой части Тугендхат показывает, почему формальная семантика включает в себя проблематику классической онтологии, с одной стороны, и «философии сознания»³⁷, с другой стороны; во второй части он подробно исследует один раздел универсальной семантики — семантику ассерторических предложений.

Наше исследование концепции Тугендхата будет строиться следующим образом. Вначале мы выясним, на каком основании онтология включается в формальную семантику (или, иначе, почему формальная семантика становится законной наследницей классической онтологии) (§1). Затем мы разберем, почему лингвистический анализ стоит предпочесть феноменологическим методам (§2). Далее мы рассмотрим, как Тугендхат реализует программу формально-семантического анализа, и для этого подробно исследуем проблему интерпретации ассерторических предложений (§3). Наконец, мы попытаемся определить, насколько оправдывается программа Тугендхата и удастся ли ему доказать, что формальная семантика есть та универсальная дисциплина, которая может ответить на фундаментальные вопросы (§4).

§1. Формальная семантика как онтология

Почему формальная семантика, понимаемая как философская дисциплина, становится законной наследницей («классической») онтологии? Ответ на этот вопрос, согласно Тугендхату, невозмо-

³⁶ Включенное в название работы указание на то, что это «вводный курс лекций», не должно вводить в заблуждение: с одной стороны, как замечает сам Тугендхат, лекционная форма — это лишь возможный прием литературного представления текста, с другой стороны, в данной работе мы имеем дело не с обычным введением, а с систематическим изложением весьма оригинальной теории формальной семантики, содержащей в себе претензии на то, чтобы стать «фундаментальной» философией нового порядка.

³⁷ Под «философией сознания» Тугендхат понимает особый философский подход, связанный с исследованием способов сознания предмета и впервые оформившийся в работах Декарта. Наиболее значительные «философы сознания», по Тугендхату, кроме самого Декарта, — это Кант, Гуссерль и Хайдеггер.

жен без обращения к традиции, к закрепившемуся в ней пониманию философии. Наиболее влиятельным, по мнению Тугендхата, оказался философский проект, предложенный Аристотелем: проект некоторой науки, исследующей сущее как сущее, а также то, что этому сущему присуще само по себе³⁸. Такая наука отличается от других наук и первенствует над ними потому, что она универсальна, тогда как все другие дисциплины частные и изучают лишь отдельные регионы сущего. Прояснить проблематику такой необычной дисциплины и понять особый характер философии как онтологии можно, полагает Тугендхат, если «несколько устаревшее» понятие сущего заменить «более современным» понятием предмета. Все то, что попадает в область исследования той или иной науки, и тем самым признается «существующим», принято обозначать словом «предмет». Философия, в таком случае, оказывается тем, что исследует «предмет как предмет», «предметность» предмета; так понимаемая философия становится, в терминах Гуссерля, своеобразной «формальной онтологией», отличающейся от «региональных онтологий» частных дисциплин, в рамках которых обсуждается, что означает быть предметом соответствующего региона, области исследования³⁹.

Что следует понимать под предметом? Понятие это представляется многозначным, и прояснить полностью все его смыслы, полагает Тугендхат, мы способны лишь тогда, когда обратимся к классу всех тех выражений, которыми предмет может обозначаться. В единичных предикативных предложениях роль таких выражений играют субъекты, или, на логический манер, единичные термины. Тем самым, под предметом предварительно можно понимать все то, что обозначается единичными терминами. А что такое единичный термин? Тугендхат предлагает такое определение: «Выражение X есть единичный термин, если, дополнив его другими выражениями и образовав тем самым целое асерторическое предложение, из это-

³⁸ *Aristotel. Met.* 4.1003a21. См.: Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 119.

³⁹ *Tugendhat E. Vorlesungen zur Einführung in die sprachanalytische Philosophie.* S. 34. Ср.: Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 2009. С. 45–48.

го предложения можно будет вывести другое предложение, в котором X заменяется на «нечто» (или «некто»)). Или, иначе, можно определить так: «Это такое выражение, которое может стоять по обе стороны от знака «такой же, как ...» (или «= \langle)»⁴⁰.

Какие в нашем распоряжении имеются способы, позволяющие тематизировать «предмет как предмет» («сущее как сущее»)? Кажется вполне ясным, что постичь «сущее как сущее» мы не способны ни посредством опыта, ни посредством абстрагирования; последний способ не может нам продемонстрировать аподиктическую достоверность предложений вида «Все есть предмет» (или «Все есть сущее»). Гуссерль в §13 главы первой «Идей к чистой феноменологии» говорит о различии двух способов исследования: генерализации и формализации; только второй способ подходит для исследований в области формальной онтологии. Что представляет собой формализация? Во-первых, ее можно понимать как такой способ размышления над интересующим вопросом, который характерен только для формальной онтологии: благодаря этому способу формальная онтология исследует все предметные регионы сразу, что недоступно для частных дисциплин, изучающих отдельные регионы. Следующий важный шаг в прояснении идеи формализации мы сможем сделать тогда, когда, согласно Тугендхату, согласимся принять одно допущение: нам следует допустить, что онтологическое исследование не имеет дела с чем-то «трансцендентным» или «запредельным». В таком случае областью исследования, специфичной для формальной онтологии, может стать наш языковой опыт и, в частности, закрепленные в этом опыте способы референции к предметам. «Есть особый класс языковых выражений — единичные термины, — способ употребления которых такой, что с их помощью мы получаем возможность реферировать к чему-то, к какому-то предмету. И если, обратившись к единичным терминам, к слову «нечто» и другим местоимениям, нам все же удастся установить, что именно подразумевает философское понятие предмета, то на вопрос «Как можно тематизировать нечто, подобное предметности предмета (или сущее как су-

⁴⁰ Tugendhat E. Op. cit. S. 37–38.

щее)?» следует ответить: лишь размышляя над употреблением соответствующих выражений языка»⁴¹.

Генерализация (прогрессирующее абстрагирование) есть процедура подведения одних понятий под другие (под общие термины или предикаты). Формализация предполагает рефлексию на способ употребления языкового выражения того или иного вида; понятие «предиката», или «классифицирующего выражения», постигается во всей своей полноте только тогда, когда ясны способы употребления тех или иных предикатов, и, соответственно, только когда ясны способы употребления единичных терминов, становятся понятными «предметы как предметы». Через формализацию тематизируются уже не отдельные языковые выражения, а целые семантические классы (или семантические формы выражений). В связи с этим, как полагает Тугендхат, уместно отметить отличие дисциплины, занимающейся структурной тематизацией языка, как формальной, от такой, которая исследует конкретные случаи употребления слов: обыватель может употреблять выражения вида «*Fa*», описывая те или иные интересующие его предметы; лингвист будет исследовать значения того или иного выражения, используемого обывателем; и только философ будет задаваться вопросом, что же именно означает наша способность реферировать к конкретным предметам; в последнем случае мы будем интересоваться не конкретным, а формальным значением (семантической формой) выражения.

Таким образом, «если процесс формализации должен пониматься единственно подобным образом, то тем самым было показано, что онтология может быть реализована только в лингвоаналитической философии, понятой как формальная семантика. ... На данный момент можно пока сказать следующее: 1) для Аристотеля, и вместе с ним для всей предсовременной онтологии, не существовало возможности объяснить, что отличает формальные понятия, исследуемые в онтологии, от других понятий; 2) обращение к формальной семантике дает, по крайней мере, одну из возможностей объяснить это отличие»⁴².

⁴¹ Ibid. S. 40.

⁴² Ibid. S. 43.

Как полагает Тугендхат, возможность семантического подхода скрытым образом уже имелась в аристотелевской онтологии. Понятие «сущего» заключало в себе не только понятие предмета, но и понятие предикативного определения (предмета). Однако семантическая перспектива не была замечена: тенденция исследовать сущее «как сущее» приводила к тому, что объективировались результаты даже строго семантических исследований. Что мешало Аристотелю и его последователям верно оценить семантический подход? Тугендхат полагает, что решающее значение имел тот факт, что «когда мы *о чем-то* говорим, то это, по определению, некоторый предмет. ... Тем самым, тематически мы направлены лишь на предметы; само понимание по существу нетематизируемо. Так, если мы захотим исследовать значение наших выражений, то мы неизбежно столкнемся с трудностями. Значение — не то, на что мы естественным образом направлены; поэтому мы должны осуществлять рефлексию, которая подавляет нашу естественную склонность. И мы должны быть осторожны, чтобы не объективировать то, с чем мы имеем дело в этой рефлексии»⁴³.

Предметно-ориентированная онтология в действительности не соответствует концепции философии как наиболее универсальной науки; если принять во внимание всю область формального, то сама ориентация на предметы покажется ограниченной, а притязание на универсальность утратит свое оправдание, поскольку предметная перспектива предполагает только одну семантическую форму среди множества прочих. Кроме того, предметно-ориентированной онтологии недостает рефлексивного основания, которое, как кажется, подразумевалось в аристотелевской концепции философии. Все эти недостатки и непродуманные ограничения можно устранить, если расширить формальную онтологию до формальной семантики: последняя областью исследования имеет (весь) язык, а потому, при учете всех семантических форм, будет преодолено ограничение рассмотрения только предметами.

Итак, согласно Тугендхату, формальная семантика, как формальная универсальная наука, должна занять место онтологии.

⁴³ Ibid. S. 52.

Есть ли у формальной семантики основной вопрос, своего рода аналог вопроса о сущем как сущем? Предварительно такой вопрос можно было бы сформулировать как: «Что значит говорить о предмете (или сущем)?» Более точная семантическая формулировка этого вопроса: «Как получается реферировать к предметам с помощью языковых выражений?»; этот же вопрос восходит к вопросу: «В чем состоит значение единичного термина?» Если мы хотим избавиться от ненужных ассоциаций значения с чем-то предметным, то последний вопрос стоит переформулировать, например, так: «Что значит понимать единичный термин?» Если же мы хотим расширить область исследования за пределы сферы единичных терминов, то в отношении каждого семантического класса можно задавать вопрос: «Что значит понимать выражение (вот) такой формы?» Этот вопрос Тугендхат называет «формализованным вопросом о значении»⁴⁴. Отношение этого вопроса к вопросу о значении или понимании частных выражений некоторой семантической формы аналогично отношению вопроса о сущем как сущем к исследованиям единичного сущего.

Пока, очевидно, речь идет о нескольких вопросах (их количество определяется числом семантических классов). Связаны ли семантические формы как-либо между собой? Тугендхат полагает, что форма выражения из некоторого семантического класса зависит, во-первых, от того, с какими выражениями из других семантических классов оно может сочетаться, а во-вторых, от того, какой вклад значение данного выражения вносит в значение сложного выражения, появляющегося в результате сочетания элементов из разных семантических классов. Согласно Тугендхату, семантическая форма какого-либо выражения-компонента есть абстрактный момент в структуре соответствующего сложного выражения. Выражения-компоненты подпадают под действие закона структурной композиции; а сам закон структурной композиции предполагает, что есть определенные исходные единицы, существующие не как составные части некоторого целого, но как само целое, составленное из некоторых частей. В формальной семанти-

⁴⁴ Ibid. S. 54.

ке такими исходными единицами становятся предложения. Предложения — это такие языковые выражения, которые могут быть частями более крупных языковых единиц, но этим их роль вовсе не исчерпывается, они сами оказываются сложными единствами. «Предложения — первоначальные единицы значения. Безусловно, мы можем понимать части предложений, но то, что мы тогда понимаем, понимается именно как части предложений; высказать что-либо мы можем лишь с помощью предложений, а не с помощью отдельных слов или каких-то частей предложений»⁴⁵.

Итак, вопрос о семантической форме несамостоятельных выражений (выражений-компонентов, например, единичных терминов) должен пониматься как компонент вопроса о семантической форме соответствующих предложений (например, предикативных предложений). Несложно возразить, что существуют предложения различных типов, а потому единый вопрос вида «Что значит понимать предложение?» может разбиться на несводимые друг к другу вопросы о типах предложений. Попытка сформулировать основной вопрос может привести к успеху лишь тогда, когда получится продемонстрировать единство формы различных предложений.

Начало поиска такой единой формы — в исследовании ассерторических предложений, от них — переход к неассерторическим предложениям, завершение — в совмещении результатов обоих исследований. Ассерторические предложения (или суждения) выделяются из множества предложений тем, что они в своих утверждениях претендуют на истинность: высказываемое в таких предложениях может оцениваться либо как истинное, либо как ложное. Если через «*p*» мы обозначим ассерторическое предложение, то через «что *p*» можно обозначать элемент этого предложения, характеризующийся с позиции истинности или ложности. Тогда ассерторическое предложение «*p*» будет эквивалентно выражению формы «имеет место, что *p*», которое, в свою очередь, эквивалентно выражению формы «истинно, что *p*». Выражение вида «что *p*» не есть предложение, но — единичный термин, требующий до-

⁴⁵ Ibid. S. 56.

полнения через (высокоуровневый) предикат, а именно — «истинно...»: дело в том, что выражение «что p » получилось из предложения « p » после того, как из последнего в ходе субстантивации был удален момент утверждения. Как единичный термин, субстантивированное предложение «что p » должно обозначать некоторый предмет. Таким предметом, как полагает Тugendхат, нельзя считать «факт» (дело в том, что выражение «истинно...» эквивалентно выражению «факт...»). Этот предмет, то, что высказывается (*das Gesagte*), можно назвать, вслед за Фреге, «мыслью», или «пропозицией»; чтобы избежать неуместных обвинений в субъективизме, Тugendхат полагает наиболее верным называть такой предмет «положением дел» (*Sachverhalt*); итак, каждое субстантивированное ассерторическое предложение «что p » обозначает «положение дел», момент утверждения указывает на «существование» положения дел (важно отметить, что Тugendхат не считает возможным говорить о «существовании» вне контекста понимания неизмененного, еще не субстантивированного, предложения)⁴⁶.

Таким образом, «формула» ассерторического предложения: « p » = «что p » + «истинно...», или «пропозициональное содержание» + «момент утверждения»; пропозициональное содержание соответствует тому, что выражается субстантивированной формой «что p », момент утверждения, поскольку он выражается предикатом «истинно...», заключает в себе требование истинности; тот, кто произносит ассерторическое предложение, нечто утверждает, и тем самым всегда претендует на истинность им утверждаемого. Употребляя ассерторические предложения, мы нечто утверждаем; однако верно ли это для очевидно отрицательных предложений? Тugendхат показывает, что предложение вида «не имеет место, что p » эквивалентно не предложению « p », а предложению «не- p »; предложением «не имеет место, что p » утверждается ложность противоположного ему предложения, а значит, предложение такой формы тоже утверждает свою истинность. Далее, невозможно разделить предложения на (строго) утвердительные и отрицательные, всякому ассерторическому предложению соответствует про-

⁴⁶ Ibid. S. 63.

тивоположное ему утверждение, и нет критерия, который позволил бы определить, какое из предложений собственно отрицательное. Отрицание — это не свойство предложения, а операция, применяемая к пропозициональному содержанию и через это порождающая противоположное утверждение. Таким образом, отрицательное предложение утверждает такое пропозициональное содержание, которое отрицательно по отношению к содержанию утвердительного предложения. Отсюда: отрицание есть утверждение, которое противоположно другому утверждению; и тем самым верно, что всякое утверждение есть позиция, занимаемая в отношении к противоположному утверждению⁴⁷. Следовательно, вопрос «Что значит **понимать** ассерторические предложения?» имеет три структурных момента, которые внутренне связаны:

- 1) Что значит понимать ассерторическое утверждение?
- 2) Что значит понимать пропозициональное содержание?
- 3) Что значит понимать слово «нет»?

Обратимся к структуре неассерторических предложений. В них также можно выделить пропозициональное содержание, которое выражается через «что *p*», и некоторый момент, который дополняет это содержание и указывает на отношение говорящего к тому, что высказывается. Одно и то же пропозициональное содержание может встречаться в неассерторических предложениях с разными модусами (например, оптатив, императив, вопрос); различие в модусе и есть единственный фактор, отвечающий за несводимость друг к другу этих предложений. Если мы обозначим через «*M*» переменную, которую следует заменить символом для соответствующего модуса, то в итоге мы получим формулу вида «*M***p**», выражающую общую структуру всех предложений⁴⁸. Далее, ко всем неассерторическим предложениям применим принцип противоречия, а значит, как и ассерторические предложения, они суть формы утверждения и имеют характер позиций (*Stellungnahme*), занимаемых в отношении к противоположным предложениям (случай с вопросительными предложениями сложнее, но и их

⁴⁷ Ibid. S. 69.

⁴⁸ Ibid. S. 74.

можно понимать как требование того, чтобы предложение-ответ было произнесено в рамках области, заданной вопросительным предложением; вопросы — это не утверждения, но они содержат требование об утверждении). Тем самым, Да/Нет-позиция (Ja/Nein-Stellungnahme) оказывается основополагающей для употребления всех предложений с пропозициональным содержанием. Отсюда, основной вопрос сводим к вопросу о понимании общей формы «М*р*», и может быть сформулирован следующим образом: «Как следует толковать то, что наше понимание языка в целом имеет структуру Да/Нет-позиции, занимаемой в отношении к пропозициональным содержаниям, которая свойственна любым модусам?»⁴⁹.

§2. Формальная семантика и феноменология

Формальная семантика оказывается не единственной версией критического расширения проблематики классической онтологии. Серьезным соперником для лингво-аналитической философии является семейство подходов, которые Тугендхат обозначает как «философия сознания». Если семантика — это анализ предложений, с помощью которых мы нечто высказываем о предметах, то философия сознания — это анализ опыта и способов переживания предметов. Утверждению о том, что сознание предметов всегда есть составная часть понимания предложения, противостоит равное по силе утверждение о том, что понимание предложения есть только один из способов сознания. Поэтому, замечает Тугендхат, чтобы обосновать универсальность формальной семантики, необходимо вступить в спор с «философами сознания» и доказать, что их подход недостаточен.

Критическое расширение классической онтологии, предпринятое «философами сознания», осуществлялось в три этапа. Первый этап, картезианский, заключался в усилении момента обоснования

⁴⁹ Ibid. S. 77.

(аспект, который мало заботил предшественников Декарта и который понимался как явное устранение возможных сомнений). Было обнаружено, что есть класс состояний (упования, ожидания и т.д.), которые несомненны для того, кто в них находится. Далее, сознание стало пониматься как сфера внутренне, непосредственно данного, а внешнее приравнивалось к сомнительному и требовало опосредования несомненным, то есть внутренним. Однако этот картезианский шаг еще не предполагал расширения онтологии; в отношении онтологии он лишь указывал на новый центр притяжения мысли: до исследования вопроса о сущем как таковом надо рассмотреть вопрос о достоверности и доступности этого сущего.

Второй этап — трансцендентально-философский поворот. Суть его в том, что вопрос о способе данности предметов стал рассматриваться уже не как вопрос о достоверности, а как вопрос, конститутивный для самой предметности предмета. Этот шаг исторически связан с Кантом⁵⁰ и Гуссерлем. И этот второй шаг существенно повлиял на онтологию. Онтологический анализ теперь осмыслялся как анализ возможности опыта. Однако, замечает Тугендхат, трансцендентальная философия все еще продолжала зависеть от онтологии, так как онтология определяла фундаментальное понятие трансцендентальной философии — понятие предмета. То, что и так было ключевой темой, теперь просто анализировалось по-новому; тематическое поле не было расширено.

Расширением тематического поля был третий этап, своеобразный «поворот в основании». На этом этапе уже постулировалось, что размышляя о сознании мы выходим за пределы стандартной ориентации на предметы, поскольку выяснилось, что есть способы сознания, которые не могут истолковываться как сознание предмета. Совершил этот шаг Хайдеггер (хотя некоторый намек на него мы встречаем уже у Канта⁵¹). Его искусственный термин

⁵⁰ «Условия возможности опыта вообще суть вместе с тем условия возможности предметов опыта» (В197). См: *Кант И.* Сочинения. В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 3. С. 169.

⁵¹ Сознание времени и пространства выводит нас за пределы ориентированности на предметы: дело в том, что предметы даны нам во времени и пространстве, однако сами время и пространство уже не предметы. *Tugendhat E.* Op. cit. S. 86.

Erschlossenheit («разомкнутость») должен был заменить термин «сознание» и обозначал особый, неопредмечивающий способ постижения.

Следует отметить, что ни первый, ни третий этап в развитии философии сознания Тугендхат явно не критикует⁵². Критике подвергается второй этап.

Согласно Тугендхату, универсальность формально-семантического анализа основывается на том, что ключевые проблемы трансцендентальной феноменологии можно переформулировать в проблемы лингвистического анализа, тогда как обратное невозможно. В частности, если для феноменологии различия между предметными регионами (проблема региональных онтологий) основываются на различии в предметности предметов (то есть на различии в способе интенционального отношения к предметам), то для формальной семантики эти различия предполагают различия в форме соответствующих предикативных высказываний. Если феноменология объясняет различия в предметности предметов тем, что указывает на различия в способе данности этих предметов, то формальная семантика эти различия находит в том, что предикаты, применимые к терминам, верифицируются фундаментально разными способами. При этом, согласно Тугендхату, в трансцендентальной феноменологии мы не находим адекватных способов анализа неассерторических предложений, то есть таких языковых единиц, которые с успехом исследует лингво-аналитическая философия и которые в феноменологии утрачивают свой специфический характер из-за поверхностной редукции к предикативным формам (а эти формы, в свою очередь, становятся лишь формами сознания предмета).

Тугендхат, однако, отстаивает более сильный тезис: он утверждает, что идея доязыкового отношения к предметам является фикцией. И далее, он полагает, что понятия сознания, какими опе-

⁵² Это обстоятельство весьма важно для нас. В заключительной части этой главы мы специально рассмотрим причины, по которым Тугендхат, с одной стороны, не решается оспорить «универсалистские притязания» фундаментальной онтологии, а с другой стороны, в концепции формальной семантики не уделяет особого внимания моменту обоснования.

рирует трансцендентальный феноменолог Гуссерль, в действительности получены в результате неверной интерпретации лингвистических феноменов (несколько точнее: Гуссерль выделяет особую сферу сознания не благодаря каким-то феноменологическим средствам, а пользуясь лингвистическими критериями).

Иллюзия доязыкового отношения к предметам возникает потому, что философ слишком наивно интерпретирует наше сознание предметов: он не учитывает то обстоятельство, что только в языке мы реферируем к предметам, пользуясь выражениями, которые оказываются элементами определенной логической структуры. «С самого начала греческой философии и вплоть до Гуссерля, философы пренебрегая лингво-аналитическими размышлениями, работали с чувственными и даже оптическими моделями. Философ сидит перед своим столом и размышляет о мире, и нет ничего более естественного, чем смотреть на предметы, которые находятся перед ним: вещи на столе и там, за окном, деревья и лошади. У него есть чувственные образы всех этих вещей. И точно так же, думает он, но только не чувственно, мы отнесены к предметам»⁵³. По Тугендхату, мы не представляем предметы, а подразумеваем их. Правильный вопрос — что значит подразумевать — должен заменить неправильный вопрос — что значит представлять.

Методологическое преимущество лингвистического анализа над феноменологическим Тугендхат демонстрирует, подробно разбирая понятия сознания, предложенные Гуссерлем⁵⁴ (сознание как поток переживаний и сознание как интенциональное переживание). Сам Гуссерль полагал, что эти фундаментальные понятия сознания он эксплицирует и проясняет с помощью двух методов: внутреннего созерцания и созерцания сущности. Однако, спрашивает Тугендхат, как нам следует понимать, например, внутреннее созерцание? Чем оно отличается от внешнего созерцания? Более точная лингво-аналитическая формулировка этих вопросов: Подобны ли суждения о внешнем, основывающиеся на наблюдении, суждениям о внутреннем? Согласно Тугендхату, было бы невер-

⁵³ Ibid. S. 89.

⁵⁴ См.: Гуссерль Э. Логические исследования, том 2, часть 1. М., 2011. С. 317.

ным уподоблять суждения о внутреннем суждениям о внешнем и на основании этого говорить о «внутреннем наблюдении». Дело в том, что, например, суждение «Я волнуюсь» основывается на волнении не в том смысле, что оно предполагает наблюдение этого волнения, а в том смысле, что в нем выражается мое волнение (как в крике выражается моя боль). С другой стороны, — и это отличает такое суждение от крика — «Я волнуюсь» произносится так, что оно может быть повторено кем-то другим как то же самое суждение, но основанное на наблюдении («Он волнуется»). Особенностью слов, обозначающих переживание, является то, что «третье лицо настоящего времени верифицируется наблюдением, а первое лицо — нет»⁵⁵.

Согласно Тугендхату, критерий достоверности, который Декарт использовал для того, чтобы определить акты сознания, вовсе не основывается на внутреннем восприятии: достоверность — это не нечто позитивное, а простая констатация того, что «выражение неуверенности лишено смысла»⁵⁶, так как требование обоснования неприменимо — «сомнение логически исключено». Критерием предложения вида «Мне больно» является то, что оно может автоматически быть преобразовано в «Я знаю, что мне больно». Особенностью предложения «Я знаю, что мне больно» является не то, что в нем дважды встречается личное местоимение (ложный признак «самосознания», отношения к самому себе), а то, что оно **выражает** состояние (это **не утверждение** о состоянии и поэтому сомнение исключено).

Понятие сознания как интенциональности Тугендхат также предлагает интерпретировать лингво-аналитически. Тогда окажется, что Гуссерль пришел к этому понятию не с помощью «созерцания сущностей», а основываясь на очевидном лингвистическом критерии: он просто подметил, что глаголы вида «воспринимать», «любить», «ненавидеть» переходные, то есть имеют грамматический объект. Интенциональность тогда — это особое отношение, и вопрос состоит в том, как отличить интенциональные переходные

⁵⁵ Витгенштейн Л. Zettel §472. Цит. по: Tugendhat E. Op. cit. S. 96.

⁵⁶ Витгенштейн Л. Философские Исследования §247. См.: Витгенштейн Л. Философские работы, часть 1. М., 1994. С. 172.

глаголы от неинтенциональных переходных глаголов. В результате анализа Тугендхат приходит к такому выводу: интенциональность — это отношение между конкретным предметом и положением дел, а интенциональные глаголы обозначают такое отношение. Далее, особое качество интенционального переживания основывается на специфическом понимании интенционального отношения и, следовательно, на понимании предложения.

Общий вывод, который делает Тугендхат из анализа трансцендентально-феноменологической концепции сознания, таков: «Вопрос о сознании, подобно онтологическому вопросу о сущем как сущем, оказался вопросом о понимании предложений». При этом он оговаривает: «Конечно, это распространяется только на сознание в смысле интенциональности, а не на непредметные способы сознания»⁵⁷.

§3. Семантика ассерторических предложений и единичных терминов

Частичную реализацию предложенного Тугендхатом формально-семантического исследования мы находим во второй части «Курса вводных лекций по лингво-аналитической философии». Как пишет Тугендхат, «цели этой главной части лекционного курса в том, чтобы 1) продемонстрировать, что значение предложений нельзя трактовать предметно, 2) разработать новую понятийность (*Begrifflichkeit*), в терминах которой мы смогли бы объяснить, даже если и не понимание всех предложений вообще, то, по меньшей мере, понимание всех ассерторических предложений, и 3) показать, что традиционное фундаментальное понятие предмета само может быть понято только на основании этой новой понятийности»⁵⁸. Наша реконструкция идей, связанных с осуществлением первых двух пунктов программы Тугендхата, будет по необходимости краткой, тогда как третьему пункту мы уделим большее внимание.

⁵⁷ *Tugendhat E.* Op. cit. S. 105.

⁵⁸ *Ibid.* S. 149.

Тугендхат полагает, что стандартный подход к проблеме интерпретации предложений языка — предложение репрезентирует факт, а сам факт состоит из предмета, который обозначается субъектом предложения, и свойства, которое обозначается предикатом, — принципиально неверен. Дело в том, что мы не сможем понять, что есть факт, если мы не понимаем, что есть предложение, сообщающее о факте; понимание (предикативного) предложения предшествует пониманию факта. Поскольку «отношение между атрибутом и предметом мы можем определить только с помощью исходного предикативного предложения»⁵⁹, то обратный подход становится бессмысленным: невозможно объяснить значение исходного предложения через указание на отношение, в котором один компонент факта находится к другому компоненту. Тугендхат соглашается с Фреге в том, что «только в контексте предложения слова имеют значения»⁶⁰. Если мы правильно понимаем предложение Фреге различие смысла и значения, если мы не желаем объективировать (или «опредмечивать») значение и поэтому отказываемся считать «положение дел» значением предложения, то мы также не можем последовать за Гуссерлем и рассматривать значение как особого рода (абстрактный или идеальный) предмет.

Традиционный подход к вопросам семантики кажется наиболее естественным, а потому возникают недоумения: «Если дополнение единичного термина предикатом не имеет функции связать предмет, обозначаемый единичным термином, с чем-то другим, обозначаемым предикатом, то какую функцию тогда оно имеет?»⁶¹ На этот вопрос, согласно Тугендхату, можно ответить, если понять правила, по которым должен функционировать знак для предиката. Точка зрения, отстаиваемая Тугендхатом, может немного напоминать ту точку зрения, которая в истории философии закрепилась под обозначением «номинализм»: для номиналиста (и для

⁵⁹ Ibid. S. 196.

⁶⁰ Стоит отметить, что семантическая программа Тугендхата во многом схожа с семантической теорией Дональда Дэвидсона; существенным дополнением этой программы могла бы стать теория абстрактных предметов, предложенная Уилфридом Селларсом.

⁶¹ Ibid. S. 205.

Тугендхата) понимание этих правил никак не связано с пониманием того, что именно репрезентируется знаком. Однако классический номинализм был исключительно отрицательной, скептической точкой зрения; только теперь, благодаря «фундаментальному принципу лингво-аналитической философии», согласно Тугендхату, у нас появилась возможность содержательного объяснения того, как «следует понимать характеризующую функцию предикатов, не объективируя тем самым эту функцию»⁶².

Фундаментальный принцип, о котором идет речь, — это утверждение Витгенштейна (Философские исследования, §560) о том, что «значение слова есть то, что объясняется объяснением значения»⁶³. Тугендхат полагает, что этот фундаментальный принцип позволяет нам вернуться к тому, что мы и так уже знали до всевозможных философских интерпретаций, научных и метафизических спекуляций. Философская семантика понимается неверно, если она отождествляется с «каузальным объяснением понимания». Нам следует искать «нового понимания значения предикатов, которое не будет связано ни с интроспективным учением о представлении предметов, ни с бихевиористскими рассуждениями об обстоятельствах употребления»⁶⁴.

Тому, кто знаком с историей аналитической философии, может показаться, что семантические рассуждения должны привести Тугендхата к концепции, сильно напоминающей «избыточную теорию истины», поскольку в рамках этой теории справедливо утверждается, что «объяснение слова «истинно» тождественно объяснению акта утверждения»⁶⁵. Но не все так просто: согласно Тугендхату, пытаюсь объяснить акт утверждения, мы не можем прийти к простой констатации того, что «мы понимаем ассерторическое предложение тогда, когда мы знаем условия его истинности». Дело в том, что нам надо не только «объяснить условие истинности при помощи указания на правило действия», но нам надо также «показать, в каком смысле это правило действия есть

⁶² Ibid. S. 215.

⁶³ *Витгенштейн Л.* Философские работы. М., 1994. Ч. 1. С. 235.

⁶⁴ Ibid. S. 228.

⁶⁵ Ibid. S. 297.

правило употребления самого предложения»⁶⁶. А такая демонстрация станет возможной, только если мы будем исходить из того, что «мы понимаем ассерторическое предложение в том случае, когда знаем игру-верификацию, дебютный ход которой делается с помощью этого предложения»⁶⁷. Содержательное объяснение слова «истинно» предполагает, что мы рассуждаем в терминах «правил верификации». Если «правило верификации» интерпретировать как условие, знание которого позволяет нам успешно закончить игру по верификации предложения, то можно затем сказать, что «значение предложения объясняется демонстрацией того, как его надо верифицировать; понимать ассерторическое предложение — это знать правило его верификации»⁶⁸.

Итог такого содержательного исследования — довольно простая формула: «Утверждение о том, что *a* есть F, истинно, если и только если предикат «F» можно применить к предмету, который обозначается единичным термином «*a*»⁶⁹. Но кажущаяся простота обманчива, так как, во-первых, этот анализ от начала до конца носит анти-объективистский характер, и, во-вторых, устранить «истинно», заменив его на «применимо» («можно применить») — значит устранить неопределенный и необъясненный термин, и заменить его на столь же неопределенный, однако вполне объясненный термин (объяснение здесь предполагает анализ игры-верификации, ассоциированной с предложением, — согласно Тугендхату, «невербальное объяснение того, что подразумевает «применение» предиката»⁷⁰). Ключевая характеристика игры-верификации — «заменяемость (зависящих от ситуации) единичных терминов друг на друга, так, чтобы мы могли сказать, что в различных обстоятельствах мы подразумеваем одно и то же»⁷¹. Так, мы можем устранить термин «применим», по крайней мере, для сообщений о чувственно-воспринимаемых предметах, если

⁶⁶ Ibid. S. 314–315.

⁶⁷ Ibid. S. 313.

⁶⁸ Ibid. S. 311.

⁶⁹ Ibid. S. 381.

⁷⁰ Ibid. S. 382–383.

⁷¹ Ibid. S. 368.

скажем: «Утверждение о том, что *a* есть *F*, истинно, если в ситуации, в которой мы можем заменить слово “это” на слово “*a*” (т. е. можем сказать “*a* есть это”), мы можем правильно (т. е. в соответствии с определенным правилом) употребить предложение “это есть *F*”, в полном согласии с предполагаемым объяснением правила верификации для “*F*»⁷².

Мы можем пойти дальше по пути исключения неопределенных терминов из объяснения значений и попытаться «объяснить употребление (элементарных) предикативных предложений так, чтобы в объяснении больше не встречались слова «истинно», «применимо» и «обозначает» (*stehen für*) (и таким образом все три слова — или использование соответствующих семантических классов выражений — были бы объяснены)»⁷³. Реализация этого шага (и прежде всего, устранение слова «обозначать») позволила бы окончательно освободить формальную семантику от остатков объективирующего подхода. От последнего не сумели до конца освободиться многие аналитические философы, в частности, Рассел и его критик Стронсон; для них лингвистическое отношение термина к предмету все еще оставалось простым, далее не объяснимым, отношением к чему-то данному. С точки зрения Тugendхата, напротив, любой термин несамостоятелен в своей функции и может пониматься только в контексте всего предложения.

Рассмотрим подробнее семантику единичных терминов. Функция единичного термина в (предикативном) предложении — «специфицировать», выделить из множества то, что подразумевается, то, что каким-либо образом характеризуется предикатом. Подойти к решению вопроса о том, что собой представляет специфицирующая функция единичных терминов, можно, полагает Тugendхат, если предварительно ответить на вопрос «Какую функцию и способ употребления должны мы ожидать от выражений, дополняющих классифицирующие выражения до предложений, способных стать истинными?», а этот вопрос, в свою очередь, сводится к вопросу «Как должны дополняться классифицирующие выраже-

⁷² Ibid. S. 369–370.

⁷³ Ibid. S. 413.

ния, употребляемые в конкретной ситуации, чтобы осуществляемая ими классификация была независимой от ситуации?»⁷⁴. Сводимость одного вопроса к другому Тугендхат показывает, исследуя сигнальный язык, или язык «квази-предикатов» (включающий в свой состав только классифицирующие выражения), и демонстрируя, что в таком языке, по определению всегда ситуативном, слова «верно», «согласно с правилом», а значит «истинно», не могут употребляться. Независимость речи от ситуации — условие ее истинности; положительной стороной этого факта оказывается то, что говорящий, несмотря на изменение воспринимаемых им ситуаций, должен уметь реферировать к другим воспринимаемым ситуациям, к тем же самым, к каким могут реферировать также другие его партнеры по коммуникации, пребывающие в своих ситуациях⁷⁵. Для того чтобы партнеры по коммуникации были независимы от непосредственно воспринимаемых ими ситуаций, в языке должны иметься выражения, которые способны специфицировать подразумеваемую чувственно-воспринимаемую ситуацию, выделить ее и зафиксировать для говорящих.

Принято выделять четыре вида спецификации при помощи единичных терминов: через демонстрацию (дейктические выражения), через отнесение к системе пространственно-временных положений (локализующие выражения, субъективные («теперь», «здесь») и объективные), через указание на отношение (реляционные выражения вида «отец Петра») и через указание на уникальное свойство (например, «наивысочайшая гора»). Эти виды можно иерархически упорядочивать (основываясь на вопросе о том «какой из множества именно этот?», как исключаящем всякое сомнение в отношении специфицируемого предмета). Спецификация через абсолютные или относительные свойства, согласно Тугендхату, несамостоятельна и предполагает спецификацию через локализацию предмета во времени и пространстве. Дело в том, что только система демонстративных, дейктических и объективных локализующих выражений способна однозначно выделить и за-

⁷⁴ Ibid. S. 442–443.

⁷⁵ Ibid. S. 453.

фиксировать ситуацию, в которой можно было бы применить правило для верификации предиката; другие виды специфицирующих выражений указывают лишь на признак, на наличие которого следует проверить множество чувственно-воспринимаемых предметов (и само знание об этих предметах невозможно, в терминах Стросона, без их предварительной идентификации)⁷⁶.

Рассмотрим серию вопросов, которые в рамках формальной семантики заменяют собой вопросы о сущем классической онтологии и которые можно понимать как формально-семантический способ размышления о предметах. Как соотносятся между собой идентификация пространственно-временных предметов и идентификация положений в пространстве-времени? Какая из двух разновидностей идентификации является основополагающей? Как вообще функционирует пространственно-временная идентификация?

Для решения вопроса о механизме идентификации необходимо обратиться к системе демонстративных выражений. Демонстративные выражения идентифицируют предметы относительно к ситуации употребления и в других ситуациях могут заменяться выражениями той же самой группы (например, «Теперь я его вижу» — «Я его тогда видел»)⁷⁷. Эта заменимость оказывается основополагающей для референции к предметам, поскольку только в этом случае отсылка к иным ситуациям становится возможной. Ключевую роль здесь играет знак тождества: из одних ситуаций можно перейти к тождественным с ними другим ситуациям, если только происходит смена дейктических знаков, единственно делающая возможной фиксацию предметов. Для дейктических выражений, очевидно, необходимо правило замены. Недемонстративные указательные выражения (например, «там», «тогда») неопределимы; поэтому они должны с помощью указательных локализующих выражений уточняться в отношении к актуальной чувственно-воспринимаемой ситуации (с начальной координатной точкой «здесь» и «теперь»). Такого рода субъективная локализация, однако, не достаточна ни для самого говорящего, ни для ком-

⁷⁶ Ibid. S. 414–418.

⁷⁷ Ibid. S. 434.

муникации с другими; необходима объективная локализация⁷⁸. Стабильные точки отсчета (пространственные, вида «местечко Гринвич», и временные, вида «Рождество Христово») вместе конституируют окружающее нас предметное многообразие и существующие в нем пространственно-временные отношения. Чтобы уметь ориентироваться, то есть чтобы уметь субъективно и объективно локализовать предметы, необходимо знать как субъективную, так и объективную точку отсчета. Таков механизм пространственно-временной идентификации⁷⁹.

Как между собой связаны положение в пространстве-времени и пространственно-временные предметы? С одной стороны, основополагающими можно было бы считать «места» в пространстве-времени: возможность верифицировать предикативное выражение зависит от возможности специфицировать чувственно-воспринимаемую ситуацию, и отсылка к истинности становится возможной благодаря опредмечиванию положений в пространстве-времени. С другой стороны, пространство и время не абсолютны и пространственно-временные «места» сами по себе не воспринимаются.

Для устранения этой трудности Тугендхат предлагает проанализировать особого рода выражения, так называемые предикаты сорта (Sortale). Эти предикаты указывают на пространственную конфигурацию, в силу которой предметы существуют во времени как тождественные сами себе и тем самым могут быть посчитаны⁸⁰. Существуют также временные предикаты сорта, наподобие «восхода солнца», «вращения Земли», «рождения человека»; они указывают на изменения, включающие в себя начальное и конечное состояния⁸¹. Характерным для предикатов сорта является то, что они определенным образом ограничивают предмет во времени или пространстве, а также то, что части таких предметов сами не могут уже обозначаться предикатами сорта. Первичными предме-

⁷⁸ Ibid. S. 435ff.

⁷⁹ Ibid. S. 480–481.

⁸⁰ Фреге первым обратил внимание на класс предикатов, которые отличаются от других тем, что они «определенно ограничивают» то, к чему прилагаются, и «не допускают никакого произвольного его разделения». *Tugendhat E. Op. cit.* S. 453–454.

⁸¹ Ibid. S. 456–457.

тами, тем самым, оказываются не просто положения в пространстве-времени, а чувственно-воспринимаемые ситуации; именно эти ситуации разграничиваются предикатами сорта. В действительности, зависимость между положениями в пространстве-времени и предметами, имеющими пространственные и временные конфигурации, взаимная. Это можно пояснить так: маркировка чувственно воспринимаемых ситуаций зависит от возможности воспринять предметы, маркируемые в согласии с сортом; эти предметы суть нечто, составленное из определенных чувственно-воспринимаемых ситуаций, и их идентификация связана с пространственно временной локализацией; система идентификации чувственно воспринимаемых предметов есть система неограниченно многих положений во времени и пространстве⁸².

В чем состоит отличие материальных предметов/событий от положений в пространстве-времени? Пространство и время как универсальные, системные связности становятся возможными благодаря многообразию пространственно-временных положений; события и материальные вещи «разбросаны» в пространстве и времени, и лишь благодаря системе пространственно-временных положений образуют упорядоченную связность. С другой стороны, система положений во времени и пространстве становится возможной только благодаря тому, что эти положения маркируются предметами и событиями. При этом идентификация положений в пространстве-времени, в отличие от идентификации предметов, не может для нас стать неудачной, то есть, несмотря на то, что в совокупности система идентификации положений во времени и пространстве зависит от множества отдельных предметов, как от воспринимаемых точек референции, сама идентификация отдельных предметов предполагает пространственно-временные положения. Отсюда, кстати, очевидно бессмысленными становятся вопросы о существовании или несуществовании пространственно-временных «мест»; этот вывод, как показывает Тугендхат, несколько сближает его рассуждения с рассуждениями Рассела о (неопределенных) дескрипциях: для последнего также бессмыс-

⁸² Ibid. S. 462.

ленным был вопрос о существовании индивида, прямо обозначаемого логическим именем собственным. Отметим пункт расхождения: для Рассела, эксплицировавшего употребление имен собственных, ключевую роль играли отдельные, изолированные демонстративные акты, тогда как Тугендхату, рассуждающему о системе демонстративных выражений, важно подчеркнуть, что указание на положение в пространстве-времени содержит имплицитно отсылку ко всем другим положениям⁸³. Пространственно-временные положения, как совокупность чувственно воспринимаемых ситуаций, оказываются универсальной и окончательной областью проверки применимости предикатов.

В заключительных лекциях книги Тугендхат подводит итог сложным семантическим исследованиям и останавливается на нерешенных проблемах. В частности, поскольку круг предметов, о которых шла речь, ограничивался конкретными чувственно воспринимаемыми предметами, должное внимание не было уделено абстрактным единичным терминам. Как быть с абстрактными предметами? В «Курсе вводных лекций по лингво-аналитической философии» не дается точный ответ (как его нигде не дает Тугендхат), но контуры решения этой проблемы все же намечены. Можно утверждать, что для абстрактных единичных терминов функция спецификации также характерна, и что, вероятно, здесь можно различать несколько уровней спецификации (базовый и производные). Далее, согласно Тугендхату, безусловно, должна иметься совокупность абстрактных предметов; эти предметы, конечно, не допускают пространственно-временной трактовки. Критерием идентификации для таких предметов могла бы стать дефиниция, задающая ту или иную предметную область (иными словами, понять что-либо о совокупности предметов того или иного типа — значит указать, при каких условиях два абстрактных предмета тождественны (или не тождественны)). В качестве первого шага можно также попытаться сопоставить различные области абстрактных предметов («атрибуты», «положения дел», «типы», «общественные институты», «числа» и т. д.). Поскольку

⁸³ Ibid. S. 467.

проблема абстрактных предметов также входит в состав проблемы адекватного анализа предикативных предложений, то можно проверить, нельзя ли подобные предложения свести к предикативным предложениям о конкретных предметах. Тугендхат, однако, полагает, что не все абстрактные единичные термины можно элиминировать, а значит, необходимы дальнейшие исследования. Правила референции, релевантные для конкретных единичных терминов (среди которых особое место занимают локализирующие выражения), неприменимы к абстрактным единичным терминам (поскольку, очевидно, здесь не может идти речь о пространственно-временной локализации). И рассмотренная семантическая теория требует дальнейшего улучшения.

§4. Проблема универсальности формальной семантики

Стоит отметить, что Тугендхат не рассматривает детально те сложности, которые могут возникнуть в связи с реализацией его программы универсальной семантики: без должного рассмотрения остается не только проблема абстрактных терминов, но и более важная (с точки зрения обоснования тезиса об универсальности формальной семантики) проблема интерпретации неассерторических предложений⁸⁴. Данное обстоятельство позволяет нам поставить принципиальные вопросы, рассмотрение которых и завершит эту главу: может ли формально-семантическое исследование исчерпать всю сложность нашего понимания языка? Оправдывается ли тезис об универсальности формальной семантики? Принципиальная важность этих вопросов заключается в том, что имеются такие формы понимания, которые нельзя однозначно интерпретировать как формы языкового понимания: понимание возможных

⁸⁴ Наиболее подробный критический анализ «семантического проекта» Тугендхата содержится в (приложении к) работе Яна Сцайфа (Jan Szaif): *Der Sinn von "sein". Grundlinien einer Rekonstruktion des Begriffs des Seienden*, Freiburg/München 1992, S. 91–122. Мы пользуемся стратегией критики, предложенной Сцайфом.

переходов от предложений одного типа к предложениям другого типа, понимание действий и конкретного поведения (например, понимание жеста, гримасы и т.д.)⁸⁵. При экспликации и прояснении этих видов понимания у нас едва ли получится применить методы формальной семантики: дело в том, что для семантического анализа, понимаемого предельно широко (как «анализ значений»⁸⁶), мы не располагаем ясным понятием формализации. И если у нас нет ясно понимаемой идеи формализации для этой расширенной области исследования, то у нас нет и однозначного критерия, по которому мы могли бы определить, какие фундаментальные понятия требуют немедленного прояснения. Тем самым теряется возможность ясно очертить универсальную область исследования. И естественной альтернативой оказываются частные исследования понятий, существенных для соответствующих областей; исследования, которые проводятся с надеждой на то, что когда-нибудь (само собой) они сойдутся и позволят окончательно прояснить структуру нашего понимания.

Наиболее вероятным усилением формально-семантической программы была бы программа универсальной прагматики, с помощью которой удалось бы тематизировать аспекты понимания, неохваченные формальной семантикой. Важность подобной прагматики признает сам Тугендхат: «Нельзя отрицать, что понимание языка несводимо к пониманию отдельных предложений. Предложения — мельчайшие единицы коммуникации, они относятся к более крупным контекстам коммуникации и понимания. Эти контексты останутся неизученными, если мы полностью посвятим себя исследованию форм предложений. Тематика, ориентирован-

⁸⁵ Тугендхат отмечает, что понимание поведения и понимание пространственно-временных связанностей — это такие формы понимания, которые нельзя редуцировать к пониманию предложений. *Tugendhat E.* Op. cit. S. 92.

⁸⁶ *Ibid.* S. 93: «Если всё, что нам дано от чего-либо, есть наша речь об этом, то мы можем прояснить это что-то, лишь исследуя то, как мы об этом и в связи с этим говорим. Тем самым, кажется, что даже такую тематику, которая выходит за пределы понимания форм предложений, мы можем прояснить только с помощью анализа языка. Разумеется, речь при этом идет об «анализе языка» в широком смысле анализа значений, а не в узком смысле анализа форм предложений. Анализ языка в этом широком смысле заменяет дескриптивную феноменологию в ее методической функции...»

ная на предложения, подобно тематике, ориентированной на предметы, благоприятствует атомистическому подходу. По этой причине недавно возникла дисциплина, т.н. «прагматика», которая пытается выйти за эти ограничения»⁸⁷. Сложность, однако, заключается в том, что для универсальной прагматики мы не располагаем ясной идеей формализации. С другой стороны, прагматика, эксплицирующая и проясняющая общую структуру нашего понимания действий и поведения, могла бы послужить надежным основанием для формальной семантики именно потому, что сама интерпретацию значений каких-либо выражений языка Тугендхат мыслит как редукцию этих значений к определенным правилам действия и поведения. В связи с этим стоит отметить, что «фундаментальный принцип аналитической философии» («Значение выражения есть то, что мы объясняем, когда мы объясняем кому-то значение выражения»), центральный для семантических исследований, порождает интересный парадокс. Дело в том, что из «фундаментального принципа» следует, что объяснение значения есть форма объяснения правил действия. Но чтобы понимать объяснение правил действия, необходимо также понимать слова, корректирующие действия («верно» или «неверно»). Однако, как объяснить значение самих слов, корректирующих действия, если они всегда уже предполагаются при каждом объяснении значения? Возникает весьма любопытный *circulus vitiosus*⁸⁸.

Сделаем заключительное замечание. Приведенные рассуждения, как нам представляется, вполне позволяют показать, что формальная семантика не настолько универсальна, чтобы претендовать на роль дисциплины, которая способна ответить на вопрос

⁸⁷ Ibid. S. 79.

⁸⁸ Осознавая сложность замысла и неизбежную трудность в реализации проекта, Тугендхат замечает в шестой лекции: «Я оставляю открытым вопрос о том, можно ли, и если да, то как, превзойти вопрос о понимании предложений, если мы обратимся к более охватывающему понятию понимания, подобного тому, на которое нацелена «прагматика», или если мы обратимся к более инклюзивному понятию сознания, подобного тому, на которое указывают трансцендентально-философские подходы. И поэтому остается открытым вопрос о том, как стоит оценивать тезис об универсальности лингво-аналитической концепции философии, и может ли, и если да, то как, быть расширена эта концепция». Ibid. S. 104-105.

о структуре нашего понимания в целом (более того, не дополненная прагматикой, семантика становится довольно парадоксальным предприятием). Некоторую ограниченность семантического анализа усиливает то обстоятельство, что Тугендхат вовсе не считает философию исключительно универсальной формальной наукой. В седьмой лекции он рассуждает о практической философии, задача которой — ответить на фундаментальные практические вопросы («Что надо делать?», «Как надо жить?»). Очевидно, вопрос «Что надо делать?» не является семантическим вопросом, поэтому Тугендхат замечает: «Наивысшее понятие философии, наивысшее в том смысле, что оно наиболее важное в терминах своей мотивации, не есть, тем самым, лингво-аналитическое понятие философии»⁸⁹. Формальная семантика может несколько помочь в решении практического вопроса: проблема возможности обоснования практических утверждений может быть прояснена с помощью анализа формы этих утверждений. Чуть точнее: возможность задавать практические вопросы (изучаемая формальной семантикой) методологически предшествует практическим вопросам. Но практические вопросы требуют незамедлительного практического решения. Невозможность ответить на такие вопросы в рамках универсальной формальной дисциплины была причиной того, что Тугендхат уже после 1975 года решил отказаться от занятий «теоретической» философией⁹⁰.

⁸⁹ Ibid. S. 131.

⁹⁰ Tugendhat E. Philosophische Aufsätze. Frankfurt a. M., 1993. S. 13.

ГЛАВА 2. Онтология абстрактных предметов Вольфганга Кюнне

В рамках «семантического проекта» проблеме абстрактных предметов, как онтологической, так и эпистемологической ее стороне, особое внимание в своей книге «Абстрактные предметы» уделит Вольфганг Кюнне (сам считающий себя учеником Питера Стросона). В нашей работе мы постараемся осветить следующие аспекты проблемы: что такое абстрактные предметы (или, иначе, каков критерий абстрактности) (§1), существуют ли абстрактные предметы (или, как об этом же говорят в рамках «семантического проекта», можно ли элиминировать абстрактные термины из истинных абстрактных высказываний) (§2), наконец, откуда у нас берется знание об абстрактных предметах (или, иначе, почему нам удается осмысленно реферировать к абстрактным предметам) (§3).

§1. Критерии абстрактности

Каковы критерии абстрактности⁹¹? Существуют ли необходимые и достаточные условия, зная которые, мы можем всякий раз утверждать, что имеем дело с абстрактным предметом? Многим из нас может казаться, что интуитивно мы способны отличить абстрактный предмет от неабстрактного. Мы говорим, что свойства (или атрибуты), отношения, роды и виды, числа, классы, пропозиции, типы и т. д. — все это примеры абстрактных предметов. Мы можем даже предложить несколько критериев: абстрактными будут такие предметы, которые (i) не воспринимаются, (ii) не изменяются. Надежные ли это критерии, можно ли считать их необходимыми и достаточными условиями идентификации абстрактных предметов?

Рассмотрим первый критерий: (i) абстрактные предметы не могут нами восприниматься (под восприятием подразумевается всем

⁹¹ Künne W. Abstrakte Gegenstände. Frankfurt a. M., 2007. S. 48-94.

привычное чувственное восприятие). Все ли абстрактные предметы не воспринимаются (необходимое ли это условие)? На первый взгляд, легко привести контрпример: мы считаем, что слово как слово (не нечто записанное или произнесенное, а само слово как носитель смысла) есть абстрактный предмет, и при этом можно вполне осмысленно сказать: «НН часто слышал слово *a*». Получается, можно осмысленно утверждать о возможности восприятия абстрактного предмета. Однако несложно показать, что, во-первых, в утверждении «НН часто слышал слово *a*» речь идет именно о слышимом слове, о некоторых звуках, которые, безусловно, отличаются от абстрактного слова (типа) *a*, во-вторых же, термин «слышал» («воспринимал») в такого рода предложениях имеет смысл, явно отличающийся от того, которое он имеет в предложениях вида «Взрыв слышали даже в окрестностях». В предложении «НН часто слышал слово *a*» термин «слышал» употребляется по аналогии (с тем, как он употребляется в предложении «Взрыв слышали даже в окрестностях»), и здесь сообщается только о том, что «есть слово, хотя бы одно произнесение которого кем-то воспринимается». Получается, приведенный «контрпример» недействителен. Если лучших контрпримеров у нас нет, то, согласно Кюнне, мы должны считать, что не-восприимчивость — необходимый критерий абстрактности. Теперь рассмотрим обратный тезис: все невосприимчивые предметы абстрактны (достаточное условие абстрактности). Как нам понимать выражение вида «*X* не воспринимается»? Согласно Кюнне, наиболее адекватная формулировка этого выражения — такая: «*X* не может восприниматься любым потенциально способным к восприятию существом, какие бы вспомогательные инструменты оно ни использовало». Такая формулировка нужна для того, чтобы исключить, например, микроорганизмы из числа абстрактных предметов. Но получившееся уточнение может подразумевать только то, что «*X* не способно вызывать изменения в других предметах»: ведь если бы *X* могло вызывать изменения в чем-то другом, то можно было бы сказать, что *X* могло бы стать причиной определенных чувственных переживаний в некотором существе, способном к восприятию. Следовательно, тезис о не-восприимчивости всех

абстрактных предметов сам по себе недостаточен и предполагает совсем другой тезис (о «каузальной недейственности» абстрактных предметов).

Рассмотрим второй критерий: (ii) все абстрактные предметы не могут изменяться («изменение» можно понимать предельно широко, как общее название для всех тех процессов, которые, например, Аристотель называл «движениями»). Как показывает Кюнне, второй критерий не может быть необходимым условием абстрактности. Простыми контрпримерами служат биологические виды: они подвержены изменениям, причем мы склонны говорить не только о том, что изменяются представители видов, но именно о том, что, например, способен исчезнуть сам вид. Конечно, изменение в биологическом виде логически зависит от изменений в представителях вида, и эта логическая зависимость односторонняя. Можно привести другой контрпример: игра в шахматы вполне может считаться абстрактным предметом, и это такой предмет, который возник в определенном месте в определенное время, который несет в себе особенности места своего возникновения, который до своего изобретения не существовал, который с течением веков претерпевал модификации и т. д. Рассмотрим теперь обратный тезис: все неизменяемые предметы абстрактны (достаточное условие абстрактности). Мы можем обнаружить примеры неизменяемых Abstrakta: («классические») свойства и числа. То, что эти предметы не изменяются, можно показать, согласно Кюнне, если правильно проанализировать предложения, в которых, как может представиться вначале, сообщается об изменении в самом свойстве или числе («Цвет этих перчаток вскоре посереет», или «Как раз с этого утра число детей Филиппа — уже не два, а три»). Правильный анализ должен выглядеть так. Предмет, обозначаемый через m , всегда есть абстрактный предмет, если при любых заменах общего термина, стоящего на месте «F», он удовлетворяет следующему условию:

Если предложение формы « Fm в момент T » истинно и предложение формы « Fm в момент T' » ложно, то F приписывает m отношение к другому предмету, который изменяется между T и T' .

Если использовать приведенный способ анализа, то можно показать, что класс неизменяемых предметов непустой. Несложно

будет увидеть, что эти неизменяемые предметы всегда классифицируются нами как абстрактные, и потому обратный тезис (ii) верен, неизменяемость может служить достаточным условием абстрактности.

Рассмотренные критерии абстрактности вполне можно считать классическими. Неклассические критерии мы можем найти в работах Фреге и Стросона. Критерий, предложенный Фреге, можно выразить так: абстрактный предмет есть такое нечто, которое не способно быть причиной чего-либо, или быть действием чего-либо, и поэтому оно «недействительно» (iii). Критерий Стросона состоит в следующем: есть группа особых терминов, только посредством которых мы можем реферировать к абстрактным предметам (или, иначе, абстрактный предмет — это всегда референт особого класса терминов) (iv).

Рассмотрим критерий Фреге: (iii) абстрактные предметы «недействительны». Как известно, в онтологии Фреге все возможные предметы попадают в один из трех онтологических классов: (а) то, что субъективно и действительно, (б) то, что объективно и действительно, (в) то, что объективно и недействительно. «Объективный» — это такая характеристика, которая, согласно Фреге, прилагается ко всему, что «способно быть общим достоянием нескольких мыслителей»⁹². «Быть действительным» — более сложная характеристика, согласно Фреге, она приложима либо ко всему, что «способно непосредственно или опосредованно воздействовать на чувства»⁹³, либо ко всему, что «может производить или претерпевать воздействие»⁹⁴. Примем вторую формулировку (как более широкую). Посмотрим теперь, что, согласно Фреге, может быть элементом каждого из классов. В первый класс попадают, например, состояния нашего сознания. Во втором классе содержатся, например, границы предметов (не только границы твердых тел — поверхности, но и границы самих границ твердых тел —

⁹² Фреге Г. Логика и логическая семантика. Сборник трудов. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 234.

⁹³ Frege G. Grundgesetze der Arithmetik. Bd. 1. Jena, 1893. S. xviii.

⁹⁴ Frege G. Le Nombre entier // Revue de métaphysique et de morale. Vol. 3. 1895. P. 74.

линии). Наконец, в третий класс входят такие предметы, как числа, «мысли» (или, в иной терминологии, пропозиции), а также, согласно §26 «Основоположений арифметики», ось Земли, центр массы Солнечной системы и экватор Земли⁹⁵. Три последних предмета отличаются от чисел и «мыслей» тем, что очевидным образом подвержены изменениям. Изменение этих предметов логически зависит от изменения соответствующих конкретных предметов. Согласно Кюнне, можно показать, что условия идентификации этих предметов зависят от условий идентификации соответствующих конкретных предметов. Такие предметы, условия идентификации которых зависят от условий идентификации других предметов, Кюнне предлагает называть «индивидуальными моментами». Ось и экватор Земли, центр массы Солнечной системы — примеры индивидуальных моментов. Что характерно для индивидуальных моментов? Рассмотрим термины, обозначающие эти предметы. Единичный термин, референтом которого является индивидуальный момент, образуется в результате сочетания функтора « Φ ()» (т. е., ненасыщенного выражения, которое становится единичным термином через «насыщение» другим единичным термином) с некоторым неабстрактным (т. е., не употребляемым для референции к абстрактным предметам) единичным термином. На первый взгляд может показаться, что подобный единичный термин, составленный из функтора и неабстрактного единичного термина, ничем не отличается от (А) дескрипций, которые реферируют к конкретным предметам («высшая гора на Земле», «мать Авеля»), или от (Б) дескрипций, которые реферируют к абстрактным предметам («цвет этого пиджака», «порода собак, к которой относится Фидо»). Чтобы отличить термин, который обозначает индивидуальный момент, от (А) и (Б), необходимо определить условие, при котором этот термин должен употребляться. Согласно Кюнне, это условие — следующее:

(М) Если Φ некоторого неабстрактного предмета x тождественно Φ некоторого неабстрактного предмета y , тогда или (1) x

⁹⁵ Фреге Г. Основоположения арифметики. Логико-математическое исследование о понятии числа. Томск: Водолей, 2000. С. 27.

тождественно y , или (2) x охватывает (часть) y , или (3) y охватывает (часть) x , или (4) x континуально примыкает к y .

Несложно показать, что предметы, обозначаемые выражениями из групп (А) и (Б), не подпадают под понятие индивидуального момента, поскольку не отвечают условию (М). Например, мать Авеля тождественна матери Каина, но очевидно, что из этого факта нельзя вывести ни одного следствия, которое подразумевается условием (М). Столь же очевидно, что цвет m может быть тождественным цвету n , что порода, к которой относится собака m , может быть тождественной породе, к которой относится собака n , и при всем этом m и n не выполняют ни одного из условий, представленных в (М).

Поскольку термины, отвечающие условию (М), отличаются от дескрипций групп (А) и (Б), то, согласно Кюнне, обозначаемые этими терминами индивидуальные моменты не могут пониматься ни как абстрактные предметы, ни как конкретные предметы, а потому следует принять такую трихотомию: есть нечто абстрактное, есть нечто конкретное, и есть нечто ни абстрактное, ни конкретное. И из этого следует, что объем понятия «абстрактный предмет» не совпадает с объемом понятия «объективный, но недействительный предмет». Следовательно, критерий Фреге не может считаться исчерпывающим критерием абстрактности⁹⁶.

Рассмотрим, наконец, критерий Стросона: (iv) есть специфического типа единичные термины, которые употребляются только для референции к абстрактным предметам. О каких терминах идет речь? Известно, что функция единичных терминов в ассерторических предложениях — указывать на предмет, который будет характеризоваться другими выражениями, входящими в предложение. Смысл единичного термина обычно понятен из контекста, в котором делается соответствующее утверждение; часто мы реферируем к предмету, упоминая пространственно-временное положение

⁹⁶ Иной вопрос — все ли абстрактные предметы каузально «недействительны». Хорошим контр-примером вполне могли бы служить математические предметы — теоремы и гипотезы, до некоторой степени соучаствующие в появлении тех или иных событий. См.: *Burgess J.P., Rosen G. A Subject with No Object. Oxford, 1997. P. 20–25.*

интересующего нас референта. Однако есть единичные термины, которые не предполагают такого локализирующего компонента и референция которых гарантируется только их смыслом. Такого рода единичные термины можно называть «смыслом определенными» (*sense-determinate*)⁹⁷ (далее мы будем употреблять сокращенное выражение «с. о. единичные термины»). Более формально: единичный термин называется «смыслом определенным», если выполняются следующие условия:

а) он не содержит какого-либо упоминания о пространственно-временном положении своего референта;

б). если этот термин, употребляемый в разных ситуациях, реферирует к разным предметам, то в каждом случае смысл термина также разный;

в) если мы попытаемся употребить этот термин для уникальной референции, то такая наша попытка не может закончиться неудачей, возможной в том случае, когда имеется более чем один равно допустимый кандидат на роль референта.

Несложно убедиться, что верен тезис: если мы можем реферировать к предмету с помощью с. о. единичного термина, то таковой предмет абстрактный. Может показаться, что контрпримером служит выражение вида «самый быстрый принтер всех времен». Это выражение отвечает условиям А и Б, однако оно не отвечает условию В: вполне могут существовать два принтера, и для одного из них было бы верно, что он мог быть самым быстрым принтером всех времен, если бы не существовал второй. Поскольку лучших контрпримеров мы найти не сможем, то критерий Стросона допустимо считать необходимым условием абстрактности.

Верен ли обратный тезис: если предмет абстрактный, то мы можем реферировать к нему с помощью с. о. единичного термина? Мы довольно часто реферируем к пропозициям (или, в терминологии Фреге, к «мыслям») с помощью субстантивированных предложений. Иногда эти субстантивированные предложения не содержат ни одного единичного термина («что все лебеди белые»),

⁹⁷ См.: *Smith B. (ed.) Parts and Moments: Studies in Logic and Formal Ontology.* München, 1982. P. 425.

иногда они содержат с. о. единичный термин («что 2 есть простое число»). И иногда единичный термин входит в такую субстантивацию, которая не является с. о. единичным термином. Примером служит следующее субстантивированное предложение: «что все буквы на этой странице разборчиво напечатаны». Это субстантивированное предложение — единичный термин, но не «смыслом определенный», поскольку в разных контекстах мы можем употреблять его для референции к разным пропозициям (разным «мыслям»), и при этом смысл данного термина не будет в каждом случае разным. С помощью выражения, отвечающего условиям А, Б и В, мы не способны реферировать к уникальной пропозиции, которую подразумевает тот или иной автор в той или иной ситуации. И если верно то, что всякий абстрактный предмет должен быть референтом с. о. единичного термина, то приведенную в качестве примера пропозицию надо будет классифицировать как неабстрактный предмет. Если мы не хотим произвольно делить пропозиции на абстрактные и неабстрактные предметы, то нам придется отбросить обратный тезис. А значит, критерий Стросона нельзя рассматривать как достаточное условие абстрактности.

Итак, из всех рассмотренных критериев⁹⁸ ни один не оказался полностью удовлетворительным. Это, однако, не означает, что тем самым совершенно не удалось прояснить понятие «абстрактный предмет». Верно скорее следующее: приведенные рассуждения «говорят в пользу того, что к абстрактным предметам применимо то же самое, что Витгенштейн в «Философских исследованиях» говорил о языках, играх и числах: «Для этих явлений нет общего единого, в силу которого мы могли бы употреблять одно и то же слово, — но они родственны друг другу во многих отношениях». Если это предположение верно, то наш «скромный» ответ на вопрос «что есть абстрактный предмет» полностью уместен для

⁹⁸ С историко-философской точки зрения список критериев абстрактности, приводимый Кюнне, отнюдь не исчерпывающий. Проблема универсалий — классическая для схоластики, как западной, так и восточной. В тибетском буддизме, например, кроме воспринимаемости и вечности рассматривались такие критерии, как «сотворено/не сотворено», «протяженно/непротяженно», «делимо на части/неделимо». (За данное замечание автор благодарит Е.В. Фалёва.)

данного случая. Приведение примеров тогда не было бы «только» вынужденной мерой, на место которой должны были бы заступить спецификации необходимых и достаточных условий для употребления понятия «абстрактный предмет»⁹⁹.

§2. Проблема существования абстрактных предметов

Существуют ли абстрактные предметы? Рассмотрим следующее предложение, которое, следуя Кюнне, можно назвать «абстрактным» предложением, т. е. включающим в себя абстрактные термины:

(П1) Смелость есть добродетель.

Данное предложение содержит единичный абстрактный термин, обозначающий абстрактный предмет, и общий абстрактный термин, применимый только в отношении к абстрактным предметам (различие между общими и единичными терминами состоит в следующем: в высказываниях, не связанных кванторами, употребляемый термин общий (или единичный), если имеется, по крайней мере, еще один (или ни одного) термин, противоположный первому термину семантически, в силу своего смысла, так что при замене первого термина на второй получаются несовместимые друг с другом предложения¹⁰⁰). Далеко не все соглашаются с тем, что существуют абстрактные предметы; тех, кто придерживается мнения, что существуют лишь конкретные предметы (*particulars*), Кюнне предлагает называть «партикуляристами»; тех, кто существующими считает также *Abstrakta* (и к числу таких относит себя сам Кюнне), можно назвать «антипартикуляристами». Ниже, следуя Кюнне, мы подробно представим взгляды партикуляристов и возможную критику этих взглядов; далее мы представим тот вариант антипартикуляризма, которого придерживается Кюнне.

Партикуляризм возможен в двух вариантах: редуктивистском и нередуктивистском. Сторонники редуктивистского подхода пола-

⁹⁹ *Künne W. Op. cit. S. 94.*

¹⁰⁰ *Künne W. Op. cit. S. 25ff.*

гают, что при помощи парафразы, сохраняющей смысл терминов, можно показать, что истинные высказывания об абстрактных (на первый взгляд) предметах на деле являются высказываниями о конкретных предметах. Сторонники нередуктивистского подхода полагают, что в высказываниях, где (как кажется) речь идет об абстрактных предметах, на деле никогда не высказывается нечто истинное в буквальном смысле.

Сторонники наиболее «грубого» варианта редуктивизма придерживаются следующего мнения: истинные высказывания, в которых (как кажется) идет речь об абстрактном предмете (например, универсалии (свойстве) первого порядка), в действительности нечто высказывают о конкретных предметах (например, о вещах, имеющих данное свойство). Приведенное выше предложение (П1) можно перефразировать в общее высказывание о людях, которым присуща смелость. Но как должна выглядеть эта парафраза? Вариант «с необходимостью, все, кто смел, также добродетелен» не проходит — предложение очевидно ложно даже без модального оператора (многие смелые люди часто оказываются нечестными). Можно допустить следующую парафразу: «С необходимостью, всякий, кто смел, тот, по меньшей мере, в некотором отношении добродетелен». Но данная парафраза может применяться лишь в немногих случаях (мешает именно добавление «в некотором отношении», необходимое для нашего (П1)), и для предложений вида «Красный есть цвет» не подходит. Данная редуктивистская программа во многом носит *ad hoc* характер и не способна предложить нам полноценную семантику.

Сторонники более тонкого варианта редуктивизма придерживаются такого мнения: истинные предложения, в которых (как кажется) речь идет, например, об универсалии (первого порядка, т. е., свойстве), в действительности являются генерализациями над этим свойством (этой конкретной вещи *a* и никакой иной), этим свойством (этой конкретной вещи *b* и никакой другой) и т.д. Подобные сущности в средние века называли первыми акциденциями, Лейбниц их называл индивидуальными акциденциями, Больцано — *Adhärenzen*, современные онтологи называют их «тропами» (*tropes*). Понимаемое как троп, свойство вещи *a* не может быть тождест-

венным свойству вещи *b*, если *a* и *b* различны; и свойство вещи *a* в таком случае существует столько, сколько существует сама вещь. Согласно этой концепции выражение «смелость Сократа», в противоположность к «смелости», не есть абстрактный единичный термин. И высказывание (П1) можно перефразировать так: «С необходимостью, для всякого *x*, для всякого *y*, если *x* есть смелость *y*, то *x* есть добродетель». Здесь выражение «добродетель» функционирует не как абстрактный общий термин; оно имеет отношение к тропу. Однако и этот вариант редуктивизма недостаточно «тонок»: он не располагает возможностями для парафразы выражений вида «Возможность есть модальное свойство» (ибо не имеет смысла отличать возможность (как модальное свойство) одного предмета от возможности (как модального свойства) другого предмета).

К рассмотренным вариантам редуктивизма можно добавить тот вариант, которого придерживается У. Селларс. Он полагает, что высказывания, в которых (как кажется) речь идет об абстрактном предмете (например, свойстве), в действительности являются высказываниями обо всех тех выражениях, которые в каком-либо языке «функционально эквивалентны» общему термину, обозначающему абстрактный предмет в нашем языке¹⁰¹. Но позиция Селларса также может быть подвергнута серьезной критике. Как бы ни выглядела парафраза высказывания (П1), она может быть понята лишь тогда, когда имеется ясное понимание того, что представляет собой функциональная эквивалентность выражений в

¹⁰¹ Селларс придерживается следующей общей стратегии. Вначале он показывает, что выражения, в которых квантор существования связывает предикатные и пропозициональные переменные, не имплицируют существование абстрактных предметов. Затем он применяет «синтаксическую терапию» к категориальным выражениям вида «*f*-сть есть качество», «*r* есть пропозиция», в отношении которых уже удалось установить, что они не могут быть перефразированы в выражения вида «*x* есть *f*», «*r*». Вслед за этим Селларс исследует контекст, в котором, как полагают, слова соотносятся с внеязыковыми абстрактными предметами: а именно, контекст «“__” означает...». Далее он устанавливает, что никакого отношения соответствия в этом контексте нет, и что категориальные утверждения вида «Треугольность есть качество» имеют силу синтаксических выражений вида «“треугольный” есть прилагательное». См.: *Sellars W. Grammar and Existence: A Preface to Ontology // Mind, Vol. 69, № 276 (1960). P. 499–533.*

различных языках. Однако такое понимание не требуется для того, чтобы понять смысл высказывания «смелость есть добродетель». А это означает, что парафраза, предлагаемая редуктивистом, не имеет того же содержания, что и оригинал. В целом же о парафразах, предлагаемых редуктивистами, можно сказать, что они не достигают поставленной цели: они не показывают, что перефразированное предложение есть всего лишь *façon de parler*. Дело в том, что отношение, подразумеваемое выражением вида «парафраза (такого-то предложения), полностью сохраняющая изначальный смысл», есть отношение симметричное. И анти-партикулярист может с полным основанием утверждать, что онтологически некорректны не перефразируемые абстрактные термины (например, в высказывании (П1)), а занявшие их место в парафразе конкретные термины.

Обратимся к сторонникам нередуктивистского подхода. Здесь Кюнне предлагает различать три основных направления: «не-дескриптивистов», полагающих, что высказываемое в абстрактных предложениях не способно обладать значением истинности; сторонников «теории ошибки», полагающих, что при помощи абстрактных предложений, как правило, утверждается нечто ложное; наконец, «фигуралистов», полагающих, что при помощи абстрактных предложений всегда утверждается лишь нечто метафорически истинное. Разберем каждое из этих направлений.

«Недескриптивист» придерживается той точки зрения, что высказываемое в предложениях, где речь (как кажется) идет об *Abstrakta*, не относится к числу того, о чем можно судить в измерении истинность/ложность. Данная идея, однако, применима лишь в тех случаях, когда мы сталкиваемся с необходимыми истинами, например в области арифметики, и не распространяется на предложения вида «мудрость есть добродетель» (арифметические уравнения можно, вслед за «ранним» Витгенштейном, понимать как кодификации определенного рода правил; такой кодификацией вряд ли может быть предложение вида «Мудрость есть добродетель, которой славился Соломон», и выводимое из него предложение «Мудрость есть добродетель» определенным образом высказывает нечто истинное).

Сторонник «теории ошибки» придерживается той точки зрения, что высказываемое в предложениях, где речь (как кажется) идет об Абстракта, как правило, ложно (словосочетание «как правило» указывает на то, что для партикуляристов данного толка истинными являются те высказывания, в которых отрицается существование абстрактных предметов). Высказывания вида «Солнце взошло в семь часов утра» вполне приемлемы в повседневной речи; но, строго говоря, такие высказывания ложны. Согласно стороннику «теории ошибки», в обыденной, да и в научной речи мы можем обнаружить множество ложных утверждений; это не означает, однако, что все эти утверждения должны быть перефразированы («Солнце взошло в семь часов утра» — в «Солнце появилось на горизонте в семь часов утра»); парафраза необходима лишь тогда, когда речь ведется с «философской точки зрения». Но данная позиция представляется все же некорректной: очевидно «ложные» высказывания (наподобие высказывания о восходе солнца) не так уж часто встречаются в повседневной (нефилософской) речи, и едва ли «априорный» философский анализ способен продемонстрировать ложность большинства высказываний. «Если мы утверждаем: «У Анны и ее матери одинаково несносные характеры», или «Шимпанзе разделяют с людьми множество когнитивных диспозиций», то в обоих случаях, если прав сторонник «теории ошибки», мы высказываем что-то ложное, совершенно независимо от того, как обстоят дела с Анной или шимпанзе; ибо черты характера и диспозиции — свойства. Но тот, кто в рамках нефилософской (повседневной или научной) речи не соглашается с этими утверждениями, тот делает это потому, что у него иная точка зрения на Анну или шимпанзе. И если мы вне философского семинара иногда соглашаемся с утверждением типа «*a* и *b* не имеют ничего общего», то причина этого не в том, что мы, как сторонники партикуляризма, оспариваем существование универсалий. Более того, по умолчанию мы полагаем, что область квантификации ограничена на подклассе свойств (определенных особенностей, которые могут быть не по душе), и мы понимаем известие о том, что *a* и *b* вместе не обладают ни одной из этих особенностей. Если вам мать Анны решительно не нравится, то

перед первой встречей с Анной вы испытаете облегчение, если я вас заверю: «У нее нет ничего общего с ее матерью»¹⁰².

«Фигуралист» придерживается той точки зрения, что понимаемое буквально высказывание, в котором (как кажется) речь идет об *Abstrakta*, как правило, не бывает истинным, но воспринимаемое как определенная фигура речи, определенное украшение речи, такое высказывание может быть истинным. Для «фигуралиста» высказывание, противоположное высказыванию «Абстрактные предметы вида *X* не существуют», истинно лишь в метафорическом смысле. Надо отметить, что отношение, подразумеваемое выражением «буквальная парафраза...», несимметрично (предложение (а) может быть буквальным парафразой предложения (б), но предложение (б) не будет буквальным парафразой предложения (а)). Из предложений

(а) «Господин А — осел» и

(б) «Господин А глуп»

предложение (б) есть буквальная парафраза предложения (а); обратное, очевидно, неверно. Отношение между метафорой и ее буквальным парафразой для сторонников фигурализма может служить моделью при прояснении отношения между такими предложениями, как:

(А) У Анны с Антоном приличная разница в возрасте.

(Б) Анна значительно старше Антона, или Антон значительно старше Анны.

Предложение (Б) служит буквальным парафразой предложения (А) (включающего такой абстрактный термин, как «разница в возрасте»; предложения такого рода Стивен Ябло (*Yablo*) называл «ненавязчивыми экзистенциальными метафорами»¹⁰³); обратное неверно. То, что буквально подразумевается предложением (Б), очевидным образом истинно, и понимаемое так, истинным оказывается предложение (А). То, что буквально подразумевается предложением (А), ложно, и оно очевидным образом не может служить достойной (буквальной) парафразой предложения (Б).

¹⁰² *Künne W.* Op. cit. S. 318-319.

¹⁰³ *Boghossian P., Peacocke C.* New Essays on the A Priori. Oxford, 2000. P. 219.

Не избегает возражений и позиция «фигуралиста». Многие метафоры «сопротивляются» любым попыткам перефразировать их буквально; весьма важную информацию часто мы способны получать, используя исключительно метафоры. Многие высказывания, в которых речь идет об абстрактных предметах, относятся, с точки зрения «фигуралистов», к числу таких метафор. Например, предложение (П1) «Смелость есть добродетель» можно отнести к числу незлиминируемых метафор; то, что подразумевается этим предложением, невозможно выразить иначе, как употребляя это предложение (или равнозначное ему по смыслу). Но именно в этом пункте позиция «фигуралистов» становится уязвимой: большинство высказываний, являющихся метафорами, достаточно быстро распознаются нами именно как метафоры (буквальное понимание которых, как правило, нами также не допускается). Однако высказывания вида «Имеются определенные свойства», или «Существуют числа» мы продолжаем считать истинными, даже если понимаем их буквально, отрицания этих высказываний не считаются нами очевидными. Почему же метафорический характер высказываний об абстрактных предметах скрывается от нас? С другой стороны, для понимания метафоры необходимо понимание буквального значения входящих в нее выражений. Верно ли это, с точки зрения фигуралистов, для «абстрактных» метафор?

Если партикуляризм «безнадежен» (Кюнне), и если высказывание (П1) нельзя редуцировать, если оно истинно в буквальном смысле, то верен тезис антипартикуляризма: существует, по меньшей мере, один абстрактный предмет.

Приведем доказательство этого тезиса у Кюнне¹⁰⁴:

- (1) Смелость есть добродетель (посылка, (П1));
- (2) Все добродетели суть свойства (посылка);
- (3) Смелость есть свойство (из (1) и (2));
- (4) Все свойства суть абстрактные предметы (посылка);
- (5) Смелость есть абстрактный предмет (из (3) и (4));
- (6) Есть, по крайней мере, один абстрактный предмет (из (5)).

¹⁰⁴ Künne W. Op. cit. S. 326.

Следует заметить, что данное доказательство Кюнне расценивает как априорное: посылка (1) есть «идеальная» истина, посылки (2) и (4) также «идеально» истинны.

§3. Проблема познаваемости абстрактных предметов

Откуда мы можем что-то знать об абстрактных предметах? Данный вопрос — теоретико-познавательный, но само его возникновение неизбежно следует из того, что было выше сказано об абстрактных предметах. «Классические» Abstrakta не локализованы в пространстве, они не могут оказывать на что-либо каузальные действия, и, как следствие, мы неспособны их воспринимать (если исключить такие сомнительные способности, как *Wesensschau*). Как нам обосновать то, что мы способны иметь определенные знания об абстрактных предметах? Один из наиболее популярных в аналитической философии вариантов решения проблемы впервые предложил Г. Фреге (§62–69 «Основоположений арифметики»¹⁰⁵). Эта проблема может казаться неразрешимой до тех пор, пока мы стараемся прямо ответить на вопрос, как мы устанавливаем когнитивный контакт с абстрактными предметами. Нам следует, наоборот, наше внимание обратить на (полные) суждения, в которых речь идет об абстрактных предметах. Вместо того чтобы объяснять, почему мы способны в речи реферировать, например, к числу шесть, нам следует изучить значения полного предложения вида «Шесть не есть простое число». Идея Фреге состоит в том, что если нам удастся объяснить значения всех предложений, в которых встречается слово «шесть», то у нас уже не возникнут вопросы о значении этого слова: если мы сумеем объяснить, как нам удастся понимать предложения, содержащие слово «шесть», имеющее вполне определенные условия истинности, то мы поймем, как нам удастся в речи реферировать к числу шесть.

¹⁰⁵ Фреге Г. Основоположения арифметики. Логико-математическое исследование о понятии числа. Томск: «Водолей», 2000. С. 43–46.

Предложенное Фреге решение легче всего применить в тех случаях, когда речь идет о т. н. «типах»: абстрактных предметах, с необходимостью соотнесенных с другими определенными предметами, т. н. «токенами». Референция к предметам такого рода становится возможной благодаря т. н. функциональным выражениям вида «направление линии l » или «вес тела t ». Значения предложений, содержащих подобные выражения, можно тогда будет объяснить в терминах т. н. «принципа абстракции». Для примера рассмотрим термины, реферирующие к таким предметам, как «Война и мир». Этот предмет можно назвать «изданием»; «Война и мир» есть издание (тип), а конкретная физическая копия «Войны и мира» (токен) может просто называться «книга». Согласно Фреге, первая задача состоит в том, чтобы объяснить значения утверждений о тождестве двух выражений. Для этого необходимо найти отношение эквивалентности *Rab*, имеющее место между двумя книгами именно в тех случаях, когда они являются копиями одного и того же издания; тогда предложение «издание книги *a* то же самое, что и издание книги *b*» может трактоваться как истинное в тех случаях, когда книга *a* находится в этом отношении к книге *b*. Сходным образом, значения предложений вида «Издание книги *a* сокращенное» можно объяснить, обнаружив предикат *Sa*, соотнесенный с той книгой, издание которой сокращенное. Двух- и многоместные предикаты допускают сходную трактовку.

С «принципом абстракции» связано несколько проблем, разбирать которые здесь не имеет смысла (можно упомянуть возражение Даммета, сводящееся к тому, что данный принцип применим не ко всему семейству абстрактных предметов¹⁰⁶).

¹⁰⁶ Dummett M. Frege: Philosophy of Language. London, 1973. P. 486–488. В-первых, если принцип абстракции использовать как критерий абстрактности («предмет скорее абстрактен, чем конкретен, если понимание имени этого предмета предполагает понимание того функционального выражения, в области которого находится референт такого имени»), то цвета потеряют свой статус абстрактных предметов. Во-вторых, точки, игры в покер и шахматы — все прекрасные примеры абстрактных предметов, которые обозначаются единичными терминами (точнее: обозначаются именами, функционирующими в предложениях как единичные термины), имеют хорошо определенные критерии идентификации, могут быть посчитаны, но для которых нельзя подыскать подходящие функциональные выражения.

Сам В. Кюнне предлагает следующее решение проблемы «когнитивного доступа» к абстрактным предметам. Его решение оказывается своего рода обобщением тех рассуждений, которые в свое время, с одной стороны, заставили Гуссерля (а до него, например, Ф. Brentano) различать «собственные» и «чисто символические» представления, и, с другой стороны, подтолкнули Рассела к тому, чтобы различать «знание по знакомству» и «знание по описанию». Как известно, понятие «восприятия» играет ключевую роль в тех семантических теориях, где речь идет о референции к конкретным, пространственно-временным предметам. Идея Кюнне достаточно проста: если для идентификации конкретных предметов основополагающее значение имеет «восприятие», то для идентификации абстрактных предметов такое значение имеет «понимание» (обозначений определенного рода). Если предмет, к которому реферирует термин, конкретный, то, воспринимая его, мы приобретаем «собственное» представление о нем. Если предмет абстрактный, то «собственное» представление о нем мы имеем тогда, когда мы понимаем представляющее этот предмет обозначение¹⁰⁷. Говоря иначе, поскольку мы понимаем абстрактный единичный термин, постольку мы обладаем определенными знаниями о соответствующем абстрактном предмете¹⁰⁸. Следует отметить, что, согласно Кюнне, предикации высокого порядка («Смелость есть добродетель») мы способны понимать лишь тогда, когда мы научились понимать элементарные предикации, вида «Сократ смел»; наоборот, не требуется понимать высокоуровневые предикации, чтобы понимать элементарные предикации. Очевидным

¹⁰⁷ *Künne W. Op. cit. S. 176.*

¹⁰⁸ Или: понимание смысла абстрактного единичного термина достаточно для знания о том, с чем он соотношен (смысл термина определяет его референцию); с другой стороны, как следует из дальнейшего, смысл (почти) всех абстрактных единичных терминов произведен от смыслов соответствующих конкретных общих терминов (иначе, совокупность ассоциированных с абстрактным единичным термином условий его понимания зависит от условий понимания соответствующего конкретного общего термина); понимать последние способен всякий компетентный носитель языка (*Künne W. Op. cit. S. 177ff*). Однако тезис: знание смысла конкретного общего термина достаточно для знания о том, с чем он соотношен, — не универсален. Исключения составляют т.н. «Фасселовы свойства» (напр. свойство «не экземплифицировать само себя»); субстантивация соответствующих предикатов приводит к парадоксам — см. далее по тексту.

образом этот тезис об односторонней зависимости в понимании абстрактных единичных терминов следует отличать от тезиса партикуляристов о редуцируемости. С другой стороны, данный тезис вовсе не говорит о том, что каждый понимаемый нами абстрактный единичный термин представляет собой субстантивацию конкретного общего термина, ранее нами уже понятого (примером из немецкого и английского языков может служить слово «Animosität» («animosity»), для которого не находится прилагательное, по примеру слова «Virtuosität» — «virtuos» («virtuosity» — «virtuous»)).

Согласно Кюнне, семантика высокоуровневых предикаций строится на базе т. н. «расширительной» трактовки свойств¹⁰⁹. В рамках этой трактовки (почти) каждый «подлинный» предикат таков, что его субстантивация может быть использована для референции к свойству (т.е. в результате субстантивации предикат преобразуется в абстрактный единичный термин — «мужественный» в «мужество», «друг...» в «дружба», «истинный» в «истина» и т.д.). «Подлинным» предикатом, или предикатом в логическом смысле, Кюнне называет такой фрагмент предложения естественного языка, который при корректной формализации этого предложения в логике предикатов заменяется предикатной буквой. (Очевидно, что отношения — это свойства, при субстантивации обозначаемые подлинными многоместными предикатами.) Для случая одноместного предиката «расширенная» трактовка выглядит следующим образом. Из посылки формы (P) *a есть F*, в которой «F» заменяет прилагательное или существительное, можно вывести плеонастический эквивалент (C) *a обладает свойством быть F*. Сходным образом, из посылки формы (P*) *a V s*, в которой «V» заменяет глагол, можно вывести его плеонастический эквивалент (C*) *a обладает свойством V-сти* (быть сущностью, которая V) (предикаты в обеих посылках должны быть «подлинными»). Так, из предложения, в котором нет фрагмента, обозначающего свойство, можно вывести предложение, которое содержит десигнатор свойства.

Следует отметить, что не всякий предикат есть «подлинный» предикат. Допустим, вопреки Канту, что в предложении вида «Сущест-

¹⁰⁹ Künne W. Op. cit. S. 180–213. Ср.: Künne W. *Conceptions of Truth*. Oxford, 2003. P. 53–56.

вуют таежные тигры» слово «существуют» играет роль предиката; в таком случае данный предикат неподлинный, т.к. при формализации указанного предложения он будет заменен квантором существования. И следовательно, термин «существование» (представляющий собой субстантивацию предиката «существует») не обозначает свойство.

Указанная «расширительная» трактовка не свободна от определенных парадоксальных следствий: некоторые предикаты способны порождать парадоксы (аналогичные парадоксам из «наивной» теории множеств). В большинстве случаев переход от (P) *a есть F* к (C) *a обладает свойством быть F* (логически) корректен (при условии, что *F* есть «подлинный» предикат). Парадоксальными могут оказаться следующие случаи. Некоторые свойства экземплифицируют сами себя (например, «самотождественность»), однако для такого свойства, как «смелость», верен следующий тезис: (P1) Смелость есть свойство, которое не экземплифицирует само себя. Применив представленную схему, мы получаем: (C1) Смелость обладает свойством *быть таким свойством, которое не экземплифицирует само себя*. Что можно сказать о свойстве, выделенном курсивом в (C1)? Экземплифицирует ли оно себя? Очевидно, что если да — то нет, и если нет — то да. Данное противоречие (несколько «расшатывающее» корректность приведенной схемы) указывает, прежде всего, на то, что предикат в (P1) не обозначает свойство. Как полагает Кюнне, этот результат позволяет несколько скорректировать позицию антипартикуляриста: вслед за Платоном он может согласиться, что не все общие термины «*eidos-würdig*». Можно также утверждать, полагает Кюнне, что существование некоторых свойств не необходимо: свойство «быть учеником Сократа» в своем существовании зависит от существования Сократа, а существование Сократа не необходимо. Такие абстрактные предметы, как шахматная игра или «искусство фуги», существуют также не необходимо и представляют собой то, что Гуссерль называл «связанными идеальностями» (и от них отличаются «свободные идеальности») ¹¹⁰.

¹¹⁰ *Husserl E. Erfahrung und Urteil. Hamburg, 1972. S. 321.* Свободные идеальности, о которых мы говорим, что «они раз и навсегда, для всех и каждого», суть те абстрактные предметы, которые не связаны какой-либо территорией (или, иначе, территория которых — «весь мир и всякий возможный мир»), которые всепространственны и все-

Интересное развитие семантические идеи Кюнне получили в монографии Бенджамина Шнидера «Субстанции и (их) свойства»¹¹¹. Как антипартикулярист, Шнидер полагает, что верен тезис о существовании абстрактных предметов (такими абстрактными предметами являются «атрибуты» (универсальные свойства, или свойства, которыми могут обладать несколько вещей) — представители одной из трех исследуемых им онтологических категорий; другие две категории — Adhärenzen (или «тропы», или «частные, конкретные свойства») и субстанции — включают в себя лишь конкретные предметы). Принять этот тезис, согласно Шнидеру, означает не более чем допустить, что при помощи атрибутивных слов мы способны реферировать к атрибутам. Как и для Кюнне, для Шнидера вопрос о «когнитивном доступе» к (универсальным) свойствам сводится к вопросу о возможности понимания терминов, обозначающих эти свойства. Шнидер также принимает тезис Кюнне об односторонней зависимости в понимании «абстрактных сингулярных терминов»¹¹². Этот тезис у него обретает форму «понятийного объяснения»: *a обладает F-стью*, поскольку *a есть F* (т.е. для того, чтобы объяснить значение предложения, в котором какому-нибудь *a* приписывается свойство, необходимо обратиться к значению соответствующей предикации). Обоснование тезиса Шнидер проводит следующим образом:

1. вначале он показывает, что для понятия свойства применима следующая схема: $x = F\text{-сть} \leftrightarrow \Box \forall y (y \text{ обладает } x \leftrightarrow y \text{ есть } F)$;

2. далее показывается корректность тезиса: «*a обладает F-стью*» понятийно эквивалентно «*a есть F*» (можно показать на примере «Некто пуглив» и «Некто обладает пугливостью»: согласно схеме (из 1.) $\forall x (x \text{ обладает тем, чем с необходимостью обладают все и каждый, кто пуглив} \leftrightarrow x \text{ пуглив})$, откуда следует $\forall x (x \text{ обладает пугливостью} \leftrightarrow x \text{ пуглив})$, далее, обобщая, получим требуемое);

3. если «*a обладает F-стью*» понятийно эквивалентно «*a есть F*», то мы получаем общую объяснительную схему: «*a обладает*

временны. Связанные идеальности «приземленные» или «прилуненные», привязаны к определенной территории; их примером служат «культурные образования».

¹¹¹ Schlieder B. Substanzen und (ihre) Eigenschaften. Berlin, 2004.

¹¹² Schlieder B. Op. cit. S. 132-149.

F-стью, поскольку *a есть F*» (поясним опять на примере: поскольку «холостяк» и «неженатый человек» понятийно эквивалентны, то мы вполне уполномочены сказать «Петр холостяк, поскольку он не женат»).

Шнидер показывает, что юнктор «поскольку», используемый в объяснениях, обладает тремя особенностями: 1) истинность высказывания формы «*p*, поскольку *q*» предполагает истинность связываемых высказываний «*p*» и «*q*»; 2) юнктор «поскольку» неэкстенционален, так как значение истинности высказывания формы «*p*, поскольку *q*» может измениться, если «*p*» и «*q*» заменить на экстенционально равные высказывания (т.е. с тем же значением истинности); 3) юнктор «поскольку» не просто интенционален, но «гипер-интенционален», так как значение истинности высказывания формы «*p*, поскольку *q*» может измениться, если «*p*» и «*q*» заменить на интенционально равные высказывания. Указанные особенности юнктора «поскольку» определяют то, что отношение «понятийного объяснения» несимметрично. Если в высказывании формы «*p*, поскольку *q*» «*q*» объясняет «*p*», то «*p*» не может в то же время объяснять «*q*», и не может верным одновременно быть высказывание формы «*q*, поскольку *p*». Отсюда, если «*a есть F*» объясняет «*a обладает F-стью*», то утверждение «*a есть F*, поскольку *a обладает F-стью*» некорректно (первичность понимания «*a есть F*» по отношению к пониманию «*a обладает F-стью*», требуемое в данном случае, Шнидер обосновывает следующим образом: для понимания предложений, в которых приписывается свойство, необходимо знать значение (и референцию) термина, обозначающего свойство, а также знать условия идентификации обозначаемого свойства; для понимания предикации таким грузом знаний обладать не надо; понимание первого рода предложений надстраивается над пониманием второго рода предложений).

Данный вывод, как полагает Шнидер, позволяет оспаривать корректность рассуждений иных антипартикуляристов¹¹³. В книге Шнидер подробно разбирает доказательство существования (уни-

¹¹³ Schnieder B. Op. cit. S. 142-149.

версальных) свойств, предложенное Д. Армстронгом (как пример распространенной стратегии антипартикуляристов объяснять истинность предложений, в которых предмету приписывается свойство, при помощи допущения существования свойств). Армстронг задается вопросами: 1) почему общие термины относятся к тем вещам, к которым они относятся, и 2) почему общий термин «режиссер» относится (например) к Ларсу фон Триеру. Для того чтобы адекватно ответить на эти вопросы, как полагает Армстронг, необходимо допустить существование свойств. И причина этого в том, что на данные вопросы должен даваться следующий ответ: поскольку «режиссер» обозначает свойство быть режиссером, и Ларс фон Триер на деле обладает свойством быть режиссером. Так как в этом ответе речь идет о свойствах, то — таков аргумент Армстронга — следует допустить существование свойств, чтобы иметь возможность давать ответы на указанные вопросы. Шнидер опровергает рассуждения Армстронга следующим образом. Чтобы аргумент Армстронга был убедительным, должны выполняться две посылки: либо предоставленный ответ (в котором речь идет о свойствах) должен быть единственно возможным ответом, либо предоставленный ответ должен быть более основательным, чем возможные иные ответы. Шнидер показывает, что обе посылки не выполняются. Первая посылка не выполняется потому, что на вопросы Армстронга можно ответить иначе, а именно: поскольку «режиссер» означает режиссер, и поскольку Ларс фон Триер режиссер (другой вариант: поскольку с помощью слова «режиссер» мы обозначаем режиссеров, и поскольку Ларс фон Триер режиссер). В этом ответе, очевидно, не идет речь о свойствах. А насколько ответ, данный Армстронгом, основательнее ответа, данного Шнидером? Если основательнее, то понимание ответа Шнидера должно предполагать понимание ответа Армстронга. Однако Шнидер обосновал корректность тезиса «*a обладает F-стью, поскольку a есть F*»; из этого следует, что понимание «*a есть F*» предшествует пониманию «*a обладает F-стью*»; а значит, понимание ответа Шнидера предшествует пониманию ответа Армстронга. Следовательно, доказательство Армстронга некорректно.

ГЛАВА 3. Основные подходы к анализу понятия существования

В рамках «семантического проекта» мы встречаем несколько подходов к анализу понятия существования. Стоит отметить, что под «проблемой существования» в аналитической философии понимается комплекс вопросов. Первую группу образуют вопросы вида: «Какую роль глагол «быть» играет в наших высказываниях?» или «Сколько значений глагол «быть» может иметь?» (§1). Вторую группу образуют вопросы вида: «Какие проблемы порождает глагол «быть» в его «экзистенциальном» значении?» или «Следует ли различать глаголы «быть» и «существовать?»» (§2). Третью группу составляют вопросы вида: «Обозначает ли глагол «существовать» некоторое свойство?» (или «Является ли глагол «существовать» предикатом?»), «Как трактовать единичные экзистенциальные высказывания?» (§3).

Сделаем еще одно замечание: большинство работ, написанных немецкими авторами на эту тему, представляются до некоторой степени неоригинальными и, на наш взгляд, не всегда существенно корректируют идеи англо-американских философов¹¹⁴. В этом параграфе мы опишем принятые способы обсуждения проблемы, и только в отдельных случаях мы будем указывать на интересные (нетривиальные) авторские решения.

§1. Роль глагола «быть» в предложениях

Вначале исследуем ответ на вопрос: какова функция глагола «быть» в различных типах высказываний? Выделяют три типа повседневных высказываний, в каждом из которых глагол «быть»

¹¹⁴ Специально проблеме понимания (логического) предиката «существовать» и интерпретации экзистенциальных предложений посвящены работы: Carl W. “Existenz und Prädikation”, Specht E.K. “Sprache und Sein”, Trapp R.W. “Analytische Ontologie”, Reicher M.E. “Referenz, Quantifikation und ontologische Festlegung”, Rosefeldt T. “Was es nicht gibt”.

играет особую роль: первый тип составляют атрибутивные высказывания, высказывания о сорте и конститутивные высказывания, второй тип — высказывания о тождестве, третий тип — высказывания о существовании («экзистенциальные» высказывания)¹¹⁵.

В атрибутивных высказываниях (таких, в которых обозначаемый субъектом предмет просто характеризуется предикатом) глагол «есть» играет роль атрибутивной связки. При помощи атрибутивных высказываний отвечают на вопрос о том, каково есть то или иное нечто. В высказываниях о сорте (таких, в которых нечто утверждается о виде или сорте обозначаемого субъектом предмета) глагол-связка «есть» играет «сортальную» роль¹¹⁶. При помощи высказываний о сорте отвечают на вопрос о том, что есть то или иное нечто. Функция «быть» в таких случаях состоит в указании на отношение «быть примером» или «быть экземпляром», которое имеет место между индивидуальными представителями или экземплярами и их соответствующим сортом¹¹⁷.

Другая функция глагола «быть» в высказываниях заключается в указании на то, из какого материала нечто состоит (как пример, в «Это кольцо (есть) чистое золото!»). В данном случае также гово-

¹¹⁵ Ян Сцайф, например, предлагает различать «предикативное», «отождествляющее» и «экзистенциальное» «быть», последнее связывая, из филологических соображений, с особым способом употребления этого глагола — для выражения истинности предложения. См.: *Szaiif J. Der Sinn von "sein". Grundlinien einer Rekonstruktion des Begriffs des Seienden*, Freiburg/München 1992. S. 20–49. Тugendhat в «Лекциях» особое внимание уделяет такому «есть», с помощью которого сообщается об истинности предложения («не есть» указывает на ложность). Глагол «быть» в таких случаях обладает «веритативным» смыслом. См.: *Tugendhat E. Vorlesungen zur Einführung in die sprachanalytische Philosophie*. Frankfurt a. M., 1976. S. 57–62.

¹¹⁶ Этот смысл глагола «есть», как мы увидим чуть ниже, позволяет найти особого рода стратегию для редукции экзистенциальных высказываний к высказываниям о сорте (стратегия Вольфганга Карла).

¹¹⁷ Сделаем важное замечание о различии атрибутивных высказываний и высказываний о сорте: хотя индивиды и способны менять свои атрибуты, изменить свой сорт они не могут. То, что предцируется индивидам в высказываниях о сорте, имеет к ним отношение не какой-то промежуток времени, но на всем протяжении их существования. Отметим также, что в данной связи различают между необходимыми (присущими всегда) признаками индивида, и контингентными (присущими определенное время) признаками. Эта дистинкция особенно применима в тех случаях, когда производится анализ «контрафактических» или ирреальных допущений.

рят о конститутивной функции связки и, соответственно, о конститутивных высказываниях. При помощи таких высказываний отвечают на вопрос, что есть нечто, имея в виду: из чего нечто состоит¹¹⁸. Отметим здесь же, что конститутивные высказывания нельзя свести ни к атрибутивным высказываниям, ни к высказываниям о сорте (вопрос «из чего состоит этот предмет?» не сводим к вопросам «что есть этот предмет?» и «какой это предмет?»).

В контексте тех высказываний, в которых один из единичных терминов предшествует глаголу «есть», а другой за этим глаголом следует, функция «есть» заключается в указании на тождество. В этих высказываниях «есть» синонимично выражению «... тождественно...», и не является уже полноценной связкой. Соответствующие высказывания называют высказываниями о тождестве. Вообще говоря, здесь мы не имеем дело с высказываниями в строгом смысле слова: предикат замещен единичным термином, но единичные термины не могут играть роль предикатов. Высказываниями же данные языковые образования считаются потому, что в них говорится о том, что предмет, обозначаемый одним единичным термином, тождественен предмету, обозначаемому другим единичным термином. Информативность данных высказываний заключается не в том, что они нечто сообщают об объектах референции и их признаках, но в том, что они нечто сообщают о терминах и их смысле (интенсии)¹¹⁹. Заметим здесь же, что для указания условий истинности высказываний о тождестве, как правило, используют принцип Лейбница: высказывание о тождестве тогда и только тогда истинно, когда предме-

¹¹⁸ Насколько материал, из которого состоит определенный индивид, конститутивен для его идентичности, вопрос открытый. Если мы заменим большую часть материала, из которого состоит, например, письменный стол (дерево на пластик), то мы вряд ли получим тот же самый стол. Однако: несмотря на постоянную смену клеток в теле человека, мы склоняемся говорить о том же самом теле.

¹¹⁹ Отметим, что кажущееся противоречие — между информативностью высказываний о тождестве и тем, что они не способны сообщать новую информацию о конкретных вещах, — стало важной причиной того, что Фреге предложил различать между смыслом и значением термина (поскольку смысл терминов «утренняя звезда» и «вечерняя звезда» различен, не ясно, тождественны ли значения терминов; при помощи высказывания «Утренняя звезда есть вечерняя звезда» сообщается о том, что оба термина обозначают одно и то же — планету Венеру).

ты, обозначаемые входящими в него терминами, совпадают по всем своим свойствам. Этот принцип, однако, требует дополнительных уточнений¹²⁰.

Наконец, в определенных случаях глагол «быть» занимает позицию предиката: он не дополняется никакими иными предикативными выражениями. В таких случаях глагол «быть» может считаться равнозначным с выражением «иметься в наличии», «происходить», «существовать»¹²¹. Высказывания, в которых «есть» играет такую роль, называются экзистенциальными высказываниями. Строго говоря, здесь мы также не имеем дело с «обычными» высказываниями, в которых нечто одно могло бы предцироваться чему-то другому. Глагол «быть» в своей «экзистенциальной» функции порождает определенные проблемы, к рассмотрению которых мы переходим.

§2. Проблема унивокальности глагола «быть»

Стоит ли различать глаголы «быть» и «существовать»? Тезис о равнозначности глаголов «быть» и «существовать» принимается не всегда. Интуитивно нам ясно: все то, чему осмысленно можно

¹²⁰ Принцип действителен для «синхронных» высказываний о тождестве; в случае «диахронных» высказываний о тождестве он становится проблематичным. Высказывание «Макс, которого я сегодня встретил, есть тот же Макс, с которым год назад я ограбил банк» кажется осмысленным; оно также обладает значением истинности. Но как именно следует трактовать условия истинности для такого рода высказываний (где о предмете в момент времени t_2 утверждается, что он тождественен предмету в момент времени t_1)? Интересный вариант решения проблемы был предложен Барухом Броди. См.: *Brody B. Identity and Essence. Princeton, 1980.*

¹²¹ Следует отметить, что идею о равнозначности «быть» и «существовать» признают не все аналитические философы (такие, например, как Э. Залта и Т. Парсонс). Иной пример — Нино Коккьярелла; он утверждает, что универсалии имеют «предикативную» природу, которая и конституирует их универсальность. Эта предикативная природа заключается в способе бытия, отличном от способа бытия полных («насыщенных») предметов; универсалии, в отличие от множеств, не порождаются их экземплярами. См.: *Cocchiarella N. Logic and Ontology // Axiomathes, Vol. 12, 2011. Pp. 117-150.*

что-либо предцировать, каким-то образом «есть», но не все многообразии таких объектов мы готовы считать именно «существующими» («существовать» здесь очевидно означает «быть действительным»). Наряду с различными категориями сущностей (материальные вещи, числа, пропозиции, «положения дел») можно было бы выделять различные виды или способы бытия. В таком случае можно полагать, что имеется некоторое общее выражение (например, «быть»), которое многозначно в том смысле, что предполагает различие нескольких типов бытия («существование», «субсистенция» или «обстояние» и другие)¹²². Позицию сторонников теории «способов бытия» (в терминологии Марии Райхер¹²³) можно выразить таким образом: «Есть Fs» (т.е. предметы s, которые F) не влечет за собой то, что Fs существует; «Fs существует» влечет за собой то, что есть Fs. «Теория способов бытия» может казаться привлекательной для разных философов: в частности, при обсуждении проблемы абстрактных предметов (можно утверждать, что абстрактные предметы некоторым образом «имеются в наличии», но отличны от конкретных вещей тем, что не существуют). Насколько действительно хороша эта «теория»? Интересный ответ на вопрос дает австрийский философ Мария Райхер. Чтобы понять, в чем действительный смысл различения нескольких способов бытия, будем говорить о том, что одни предметы существуют, другие — «обстоят». Мы можем сказать: все, что имеется в наличии, либо существует, либо обстоит; всякий существующий предмет не обстоит, всякий «обстоящий» предмет не существует¹²⁴. Далее, в терминах «способов бытия»

¹²² Можно выбрать иного рода терминологию; в качестве обозначающего наиболее общий тип бытия можно выбрать выражение «существовать». Тогда следовало бы различать между подвидами «специального» существования, в зависимости от природы сущностей той или иной категории. Можно было бы говорить о «пространственно-временном» существовании (для материальных предметов и, возможно, событий), «логико-математическом» существовании, «ментальном» существовании (для таких сущностей, как сны, мысли, представления), «абстрактном» существовании (а также его подвидах — «пропозициональном», «атрибутивным», «реляционным» и других). См.: *Trapp R.W. Analytische Ontologie*. Frankfurt a. M., 1996. S. 43–44.

¹²³ *Reicher M.E. Referenz, Quantifikation und ontologische Festlegung*. Frankfurt a. M., 1996. S. 96.

¹²⁴ *Reicher M.E. Op. cit.* S. 97.

мы можем определить ту или иную разновидность предметов: например, мы можем допустить, что (а) «Обстояние» есть способ существования абстрактных предметов, и (б) «Существование» есть способ бытия материальных и физических предметов. Рассмотрим следующие два высказывания: (1) кенгуру существуют, и (2) универсалии обстоит. Учитывая приведенные чуть выше определения для «существования» и «обстояния», высказывание (1) можно перефразировать в высказывание (1*) Кенгуру суть материальные или физические предметы; высказывание (2) — в (2*) Универсалии суть абстрактные предметы. Высказывания (1*) и (2*) уже не упоминают о «способах бытия», а значит, сама данная теория оказывается полностью избыточной (на деле же мы различаем категории предметов). Весь разговор об «обстоянии» и «существовании» оказался не более чем терминологической условностью; «бытие» абстрактных предметов не отличается от «бытия» материальных предметов, и может быть вполне адекватно выражено словом «существует». Следующая аналогия, приводимая Райхер, позволяет сделать данное утверждение полностью очевидным¹²⁵.

Допустим, что имеется два способа плавать (*schwimmen*) — *schwummen* и *schwümmen*. Первым способом плавают исключительно мужчины, вторым — исключительно женщины. Необходимо заметить, что в данном случае различают не стили плавания (наподобие классических «кроль», «дельфин» и другие); в этом смысле мужчины плавают никак не иначе, чем женщины; различие между *schwummen* и *schwümmen* заключается в том, что первое может быть предикатом только в отношении мужчин, второе — только в отношении женщин. Поэтому два этих понятия не совпадают по объему; но и их существенное отличие от привычных для нас стилей плавания заключается в том, что в ходе анализа *schwummen* и *schwümmen* можно элиминировать из предложений: (а) *a schwummt* означает то же, что и (а') *a* есть мужчина и *a* плавает; по аналогии (б) *a schwümmt* означает то же, что и (б') *a* есть женщина и *a* плавает. Различие между существованием и обстоянием аналогично не различию между стилями плавания, а различию ме-

¹²⁵ *Reicher M.E.* Op. cit. S. 103-105.

жду *schwimmen* и *schwümmen*. Как выше уже было показано, выражения «существовать» и «обстоять» можно также элиминировать из предложений. Итак, различие способов бытия так же избыточно, как избыточно допущение *schwimmen* и *schwümmen*. Имеются не различные способы бытия, а различные типы предметов (Райхер, следуя в своей терминологии за А. Мейнонгом, говорит о различии в «так-бытии» предметов отдельных категорий).

§3. Проблема интерпретации экзистенциальных предложений

Перейдем к одному из наиболее популярных вопросов в аналитической онтологии и философии логики: Является ли «существовать» предикатом? Этот вопрос требует определенных уточнений: с грамматической точки зрения трудности быть не должно — предложения вида «Снежный человек плавает» и «Снежный человек существует» имеют одну и ту же грамматическую форму («*Fa*»), и слово «существовать» является, несомненно, грамматическим предикатом; трудности возникают в тех случаях, когда «существовать» начинает исследоваться с логической точки зрения, как логический предикат. Вопрос о том, является ли «существовать» логическим предикатом, включает в себе два аспекта: содержательный (является ли существование свойством) и формальный (какова логическая форма экзистенциальных предложений, или, шире, какой должна быть корректная логическая интерпретация экзистенциальных предложений обыденного языка).

Исторически сомнение в том, что «существование» является «обычным» предикатом, имело два источника: первым оказалась проблема «онтологического доказательства бытия Бога», вторым — проблема единичных экзистенциальных высказываний (именно: проблема трактовки отрицательных единичных экзистенциальных высказываний).

Ядром всех «онтологических» доказательств бытия Бога является тезис о том, что понятие Бога включает в себе понятие существования (как следствие, с одной стороны, того, что Бог есть совершенное

существо, и, с другой стороны, того, что существование есть одно из «совершенств»). Пожалуй, наиболее известным критиком «онтологического» доказательства бытия Бога был Иммануил Кант, полагавший, что существование не есть «реальный предикат» (а именно это допущение лежит в основе «онтологического доказательства») ¹²⁶. Возможна следующая интерпретация позиции Канта: функция реального предиката состоит в том, чтобы способствовать лучшему определению предмета, и этой функции псевдопредикат «существовать» не имеет; говоря о некотором предмете, что «...а еще он существует», мы тем самым никак его не доопределяем. Согласно этой интерпретации предикат «существовать» просто излишен. Отметим, что одна из форм «тезиса об излишестве» встречается в «Трактате о человеческой природе» Дэвида Юма ¹²⁷. «Тезис об излишестве», однако, не позволяет еще исключить выражение «существовать» из числа логических предикатов (в рассуждениях Юма и Канта было показано, что существование не является признаком предметов, но это вовсе не означает, что единичные экзистенциальные предложения не имеют форму «*Fa*»). Для того чтобы понять, чем собственно является «существовать», необходимо обратиться к имеющимся формализациям экзистенциальных предложений.

Рассмотрим следующие предложения: «Тигры существуют» и «Тигры суть млекопитающие животные». Второе предложение можно формализовать таким образом: $\forall x(Tx \rightarrow Mx)$ (читается: для всякого x , если x есть тигр, то x есть млекопитающее животное). Как формализовать первое предложение? Предположим, что так же, как и второе (используя букву «*E*» для грамматического предиката «существуют»): $\forall x(Tx \rightarrow Ex)$ (для всякого x , если x есть

¹²⁶ «Ясно, что *бытие* не есть реальный предикат, иными словами, оно не есть понятие о чем-то таком, что могло бы быть прибавлено к понятию вещи. Оно есть только полагание вещи или некоторых определений само по себе» (B626). Кант И. Сочинения. В 8 т. Т. 3. М.: Чоро, 1994. С. 452.

¹²⁷ «Просто думать о какой-нибудь вещи и думать о ней как о существующей совершенно одно и то же. Идея существования, присоединенная к идее какому-нибудь объекта, ничего к ней не прибавляет. Что бы мы ни представляли, мы представляем как существующее. Всякая идея, какую бы мы ни образовали, есть идея некоторого бытия, а идея некоторого бытия есть любая идея». Юм Д. Сочинения: В 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 124.

тигр, то x существует). Однако особенностью предложения «Тигры существуют» является то, что оно представляет собой общее экзистенциальное предложение; и для формализации общих экзистенциальных предложений в классической логике предикатов предусмотрен особый инструмент — квантор существования (« \exists »). Следовательно, «Тигры существуют» можно выразить так: $\exists x(Tx)$ (существует x , такой, что x есть тигр). Какая из формализаций «Тигры существуют» корректнее? Первая формализация выражает то, что всякая вещь, которая имеет свойство «быть тигром», также имеет свойство «существовать». Вторая формализация выражает то, что из всех вещей, имеющих в мире, некоторые обладают свойством «быть тигром». То, что вторая формализация предпочтительнее первой, можно увидеть на примере отрицательных общих экзистенциальных предложений. Перейдем для этого к другому примеру. Обозначим в предложении «Крылатые лошади не существуют» предикат «есть крылатая лошадь» буквой F . Используем приведенные выше формализации: (1) $\neg \forall x(Fx \rightarrow Ex)$ (не для всех x : если x есть летающая лошадь, то x существует), (2) $\neg \exists x(Fx)$ (не существует то, что является крылатой лошадью). Однако (1) означает просто $\exists x(Fx \ \& \ \neg Ex)$ (имеется нечто, что является крылатой лошадью и не существует). Интуитивно такая интерпретация предложения «Крылатые лошади не существуют» нами оценивается как некорректная. Можно попробовать следующую формализацию: $\neg \exists x(Fx \ \& \ Ex)$ (не имеется ничего, что является крылатой лошадью и существует); но в таком случае предложение «Существуют крылатые лошади» будет выглядеть как $\exists x(Fx \ \& \ Ex)$ (имеется нечто, что является крылатой лошадью и существует). И в таком случае «Тигры существуют» выражается как $\exists x(Tx \ \& \ Ex)$ (имеется нечто, что является тигром и существует). Такая трактовка, очевидно, некорректна: утверждая, что существуют тигры, мы не хотим сказать, что многие (или даже — некоторые) тигры существуют, то есть, мы не хотим сказать тем самым, что некоторые тигры не существуют. Эти трудности показывают, что общие экзистенциальные предложения следует формализовать, используя квантор существования и не обращаясь к такому предикату, как «существует».

Особого рода проблемы порождают отрицательные единичные экзистенциальные высказывания. Допустим, что в предложении «Пегас не существует» существование представляет собой логической предикат. Тогда это предложение будет иметь форму « $\neg(Fa)$ ». Допустим, что «Пегас не существует» истинно; тогда его отрицание «Пегас существует» ложно. Известно, что истинность или ложность предложения изначально предполагает его осмысленность. Является ли осмысленным предложение «Пегас существует»? Чтобы однозначно ответить на этот вопрос, вспомним, что осмысленность предложения вида Fa своим условием предполагает то, что единичный термин a нечто обозначает. Однако, по предположению, Пегас не существует, а значит, имя «Пегас» ничего не обозначает, это — «пустое имя»¹²⁸. И следовательно, предложение «Пегас существует» не является осмысленным. У этой проблемы есть и иная сторона: мы используем предикации формы « Fa » для того, чтобы нечто сказать об одном определенном предмете. Это же означает, что предикация предполагает два момента: во-первых, мы «выхватываем» из области всевозможных имеющихся предметов какой-то один определенный, и, во-вторых, говорим, о нем, что он имеет то или иное свойство. Второе, очевидно, невозможно без первого: чтобы нечто высказать об определенном предмете, необходимо выделить этот предмет с помощью субъектного выражения. Подобное «выхватывание», однако, предполагает, что употребляемый единичный термин обозначает некоторый предмет. А это говорит о следующем: если в предложении вида « a существует» что-то говорится об a , то это предложение либо истинно, либо же бессмысленно. И потому « a не существует» никак не может быть ложным.

Описанные проблемы возникли потому, что мы допустили считать «существует» (стандартным) логическим предикатом. Следу-

¹²⁸ Ничего не обозначающие единичные термины («Пегас») для стандартной логики предикатов имеют весьма неприятные следствия. Из логической истины « $\forall x(x = x)$ » мы через подстановку (закон универсального подтверждения) получаем «Пегас = Пегас». Применяя далее правило экзистенциального обобщения, мы получаем утверждение « $\exists x(x = \text{Пегас})$ ». Фактическая ложь была выведена из логической истины.

ет отметить, что решений может быть несколько. Можно допустить, что существование не есть единственный «способ бытия»: когда мы употребляем имя «Пегас», то с его помощью мы обозначаем некоторый несуществующий предмет; то, что предмет «не существует», вовсе не означает, что его нет — просто способ бытия этого предмета отличен от способа бытия знакомых нам предметов. Отметим, что возражения на «теории способов бытия» были приведены выше. Иное решение — попытаться трактовать «существует» не как логический предикат.

Один из магистральных путей в аналитической философии начал прокладывать Готтлоб Фреге. Его решение можно свести к следующему тезису: существование есть «понятие второго порядка». Чтобы предложенное решение стало вполне понятным, мы напомним о некоторых элементах логико-семантического учения Фреге.

Для Фреге понятие — это значение некоторого языкового выражения, а именно — предиката. Например, понятие *кот* — это значение предиката «...есть кот». Фреге предлагает различать понятия и языковые выражения.

Далее, согласно Фреге, понятия — это функции. На чем основывается такое отождествление? Изначально (в математике) под функциями понимали выражения, которые содержат в себе переменную. Например, « $2x^2 + x$ » — функция, аргументом которой может быть какое-то число, скажем, «1», и если этот аргумент мы подставим в функцию, то получим выражение « $2 + 1$ », которое равно 3; «3» — это значение нашей функции для аргумента «1». Немецкий термин для «значения функции» — *Wert*; *Wert* — это значение (*Bedeutung*) такого выражения, которое получится, если в выражении функции заменить переменные знаками чисел.

Такое (строго) математическое понятие функции Фреге существенно расширяет. Во-первых, Фреге полагает, что для образования функциональных выражений мы можем использовать знак равенства. Можно, например, образовать функцию « $x^2 = 1$ ». Аргументы такой функции — числа, но значением (*Wert*) уже не может быть число. Поэтому, во-вторых, Фреге расширяет область тех предметов, которые могут быть значением функций. Заменяя переменную в « $x^2 = 1$ »,

мы получим уравнение. Уравнения могут быть либо истинными, либо ложными. Следовательно, замечает Фреге, значением такой функции с равенством будет некоторое «истинностное значение» (Wahrheitswert) — либо «истина», либо «ложь».

Но как, все же, понятие функции связано с понятием понятия? Значение функции « $x^2 = 1$ » для аргумента, скажем, «-1» — это значение «истина». Это же математическое обстоятельство можно выразить другим способом: «[...] «число -1 имеет то свойство, что его квадрат есть 1», или короче: «-1 есть некоторый корень квадратный из 1», или «-1 подпадает под понятие корня квадратного из 1». [...] Отсюда видно, сколь тесно связано то, что в логике называется понятием, с тем, что мы называем функцией. Да, мы можем прямо сказать: понятие есть функция, значение которой есть всегда какое-то истинностное значение»¹²⁹.

От равенств и неравенств Фреге переходит к «утвердительно-повествовательным предложениям» (Behauptungssatz). Такой переход не случаен, поскольку сами равенства и неравенства имеют форму утвердительно-повествовательных предложений. Эти предложения «содержат мысль в качестве смысла — или же, по меньшей мере, претендуют на это; и эта мысль вообще истинна или ложна; это значит, что она обладает значением истинности, которое надлежит рассматривать в качестве значения предложения»¹³⁰.

Утвердительно-повествовательные предложения, как и равенства, можно делить на две части. Одна часть в некотором смысле «неполноценна», поскольку содержит пустое место, и это пустое место может быть заполнено только единичным термином. Значением такой «неполноценной» («ненасыщенной») части предложения, согласно Фреге, является функция. Значением другой части предложения оказывается любой предмет. Например, в предложении «Цезарь завоевал Галлию» неполной частью будет выражение «завоевал Галлию», Цезарь — аргумент, значение — «истина». Тем самым можно сказать, что для Фреге понятие — это функция,

¹²⁹ Фреге Г. Логика и логическая семантика. Сборник трудов. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 221–222.

¹³⁰ Там же. С. 222.

выражение которой благодаря наполнению («насыщению») может стать утвердительно-повествовательным предложением. Собственно «ненаполненными», согласно Фреге, являются не только языковые выражения, но и то, что обозначается этими выражениями, т. е. функции.

Определенные дескрипции Фреге также раскладывает на две части — завершённую и ненасыщенную. Например, фраза «столица Германской империи» имеет ненасыщенную часть — «столица чего-то» и завершённую — «Германская империя»; её значение — Берлин. Таким способом Фреге подходит к экспликации понятия «предмет»: «предметом является все то, что не есть функция и, стало быть, выражение, которое его означает, не предполагает никаких пустых мест»¹³¹. Функции и, соответственно, понятия — это не предметы. А значения истинности, напротив, являются предметами, поскольку они «насыщены» — выражения «истина» и «ложь» не содержат пустых мест.

Далее, согласно Фреге, можно образовать функции, аргументами которых будут не предметы, а сами функции. Например, « $\exists x(_x)$ ». Пустое место в этом функциональном выражении можно заполнить только другим функциональным выражением, скажем, Fx . Fx — это аргумент функции « $\exists x(_x)$ »; значение функции для этого аргумента — либо «истина», либо «ложь».

Функции, аргументами которых являются сами функции, Фреге называет функциями второго порядка. Те функции второго порядка, которые являются понятиями, Фреге называет понятиями второго порядка. Итак, понятие второго порядка — это функция, аргументами которой будут другие функции.

После этих пояснений мы можем вернуться к решению Фреге. Итак, существование — это понятие второго порядка. Сам Фреге даёт такое разъяснение: существование — это не свойство предметов, а свойство понятий. «В предложении «существует, по крайней мере, один квадратный корень из 4» высказывается что-либо не об определенном числе 2 и не о числе -2, а о некотором понятии, именно, о понятии *квадратный корень из 4*, про которое

¹³¹ Там же. С. 223.

говорится, что оно не пусто»¹³². Когда говорят, что «существует Ф», то тем самым выражают, что понятие (Ф) подпадает под другое понятие, более высокого порядка (существование).

Следует отметить, что анализ понятия существования, разработанный Фреге, без оговорок подходит для общих экзистенциальных предложений. Можно ли его распространить на единичные экзистенциальные предложения? Позиция Фреге по данному вопросу однозначна: единичных экзистенциальных предложений, по большому счету, быть не должно, поскольку такие предложения имеют неправильную форму. Существование — это понятие второго порядка, предикат предикатов, но не предикат индивидов. Соответственно, тот, кто приписывает индивиду существование, нарушает правила логической грамматики. В языке, очищенном от недостатков естественного языка, единичные экзистенциальные предложения просто не встречались бы. Решение проблемы единичных экзистенциальных предложений может состоять тогда только в том, чтобы изменить естественные языки и образовать такой язык, в котором нельзя было бы составлять «единичные экзистенциальные высказывания».

Такое решение, очевидно, неудовлетворительно. Дело не только в наших естественных наклонностях, но и в том, что без таких высказываний непозволительно упрощается наша повседневная коммуникация. Требуется обнаружить те возможности, которые позволили бы нам представить единичные экзистенциальные предложения в качестве правильно построенных. Требуются иные интерпретации естественного языка.

Наиболее распространенная стратегия состоит в том, чтобы (кажущиеся) единичные экзистенциальные предложения преобразовать в общие экзистенциальные предложения. Один из наиболее ранних вариантов был предложен Б. Расселом. Для примера опять обратимся к предложению «Пегас не существует». Согласно Расселу, имя собственное «Пегас» является не чем иным, как скрытой (или сокращенной) дескрипцией, имеющей вид «крылатая лошадь из греческой мифологии». В таком случае наш пример можно перифразировать в предложение вида «Крылатая лошадь не существ-

¹³² Там же. С. 258.

вует»; отсюда мы получаем следующее общее предложение: «Неверно, что имеется в точности один x , такой что: x есть крылатая лошадь». Метод Рассела мог бы стать универсальным, если бы было доказано, что все имена собственные являются скрытыми дескрипциями. Однако, как показал С. Крипке, далеко не все определенные дескрипции равнозначны именам собственным; и метод Рассела не получится распространить на все единичные экзистенциальные предложения. В нашем распоряжении все же есть другой ход. Он состоит в том, что из имеющегося имени собственного мы конструируем предикат, который мог бы применяться только к одному-единственному предмету. Это можно сделать, например, при помощи (знака) тождества. Из имени «Пегас» мы можем сконструировать предикат «тождественный Пегасу»; этот предикат применим только к одному предмету. В таком случае предложение «Пегас не существует» можно переформулировать в «Неверно, что имеется x , такой что: x тождественен Пегасу» (формально $\neg \exists x(x = p)$); это формула — правильно построенная. Схожий с данным решением, свой вариант решения предложил У. Куайн¹³³. Он также предлагал рассматривать имена собственные в качестве предикатов, но отказывался от использования тождества. Из имени «Пегас» мы могли бы сконструировать предикат «пегасирует». «Пегас не существует» можно было бы интерпретировать тогда как «Неверно, что имеется x , такой что: x пегасирует». Следует отметить, что метод Куайна, подвергнутый сильной критике, пользуется меньшей популярностью, чем предложенный чуть выше метод конструирования предикатов при помощи тождества.

Идея, согласно которой «существовать» представляет собой предикат второго порядка (и «существование», соответственно, свойство второго порядка), в аналитической философии является одной из самых популярных. Альтернативными могут быть следующие позиции: указанная «теория двух способов бытия» и «теория двух способов употребления «существует» (или, двух смыслов «существования»)». Ключевой тезис последней теории

¹³³ *Quine W.V.O. On What There Is // From a Logical Point of View. Cambridge, Mass., 1953. P. 8. См.: Куайн У.В. О. С точки зрения логики. 9 логических очерков. М.: Канон+, 2010. С. 29–30.*

заключается в том, что «существует» в предложениях естественного языка употребляется двояко: с одной стороны, как предикат второго порядка (предикат классов), с другой стороны, как предикат первого порядка (предикат индивидов). Интересная версия теории «двух смыслов» представлена в работе Тобиаса Розефельта «Что не существует»¹³⁴.

Обращение к концепции «двух смыслов» во многом мотивировалось тем, что анализ предложений вида «*a* (не) существует» согласно стратегии Фреге — Рассела — Куайна не привел к необходимому результату. В частности, анализ, предложенный Куайном, не позволяет нормально интерпретировать предложения вида «Все люди существуют, но могли бы и не существовать» — утверждения о не необходимости человеческого существования. Еще интереснее то, что знаменитый ответ Куайна на вопрос «What there is?», а именно «Everything», с логической точки зрения не является правильно построенным предложением (как таковым не является высказывание «Есть нечто, что не существует»), а потому оказывается бессмысленным! Первая и наиболее очевидная модификация концепции Куайна состоит в том, чтобы отказаться от тезиса, что существование в формальном языке может выражаться исключительно при помощи квантора существования; следующий шаг — допустить, что существование может иногда выражаться открытой формулой « $\exists y(y = x)$ ». Однако «то, что выражается квантором существования, и то, что выражается открытой формулой, суть совершенно разные вещи. Если мы допустим, что оба выражения обозначают свойство, то квантор существования выражает свойство второго уровня — свойство $\lambda X(\exists x(Xx))$, — напротив, открытая формула « $\exists y(y = x)$ » выражает свойство первого уровня, то есть свойство предметов — свойство $\lambda x(\exists y(y = x))$, — которое мы также можем обозначить, самое простое, как свойство, быть чему-то тождественным»¹³⁵. Тем самым, даже сторонники Куайна, стремясь улучшить его анализ, пришли к тому, что: (1) выра-

¹³⁴ *Rosefeldt T.* Was es nicht gibt: eine Untersuchung des Begriffes der Existenz. Heidelberg, 2006.

¹³⁵ *Rosefeldt T.* Op. cit. S. 64.

жение естественного языка «существует» многозначно, в одном смысле — это логический квантор (то, что в логическом языке можно адекватно передать с помощью квантора существования), в другом смысле — это сложный логический предикат (то, что в логическом языке может быть адекватно переведено при помощи формулы « $\exists y(y = x)$ »); (2) существование в первом смысле есть свойство второго порядка (свойство свойств), существование во втором смысле есть свойство первого порядка (свойство предметов); (3) существование в первом смысле есть «дискриминирующее» свойство (то, которым могут обладать многие, но не все, свойства первого порядка), существование во втором смысле есть «недискриминирующее» свойство (то, которым обладают все предметы). Оригинальность позиции Т. Розефельта заключается в том, что, соглашаясь с первыми двумя пунктами, он оспаривает правильность третьего пункта (именно, что существование во втором смысле является недискриминирующим свойством); Розефельт также оспаривает то, что свойство «быть тождественным чему-либо» должно трактоваться как существование. Розефельт предлагает следующий аргумент, дополняющий и немного корректирующий приведенное выше рассуждение. Рассмотрим предложения: (а) «Дедушка аббата жил 83 года»; (б) «Брак родителей аббата длился 43 года». То, что утверждается в этих предложениях, можно выразить также как (а*) «Дедушка аббата существовал 83 года» и (б*) «Брак родителей аббата существовал 43 года». Предложения (а*) и (б*) стилистически аляповаты, но мы вполне можем понимать, что они подразумевают. Следовательно, выражение «существовать» часто употребляется так, что оно оказывается над-понятием по отношению к понятиям, выражаемым словами «жить», «длиться», «происходить». Отношение между этими понятиями и понятием существования аналогично отношению между определяемым понятием и его определяющими: мы могли бы сказать, что «жить», «обстоять», «происходить», «бывать», «длиться» являются способами «существовать», так же как «бежать», «ехать» и «катиться» являются способами «двигаться». «Брюки, вулканы, овсяные хлопья не живут и не обстоят, но делают что-то подобное тому, что делают люди, пока они живут: они

существуют некоторое время и затем перестают существовать»¹³⁶. Общим для всех тех конкретных вещей, которые мы называем существующими, является свойство занимать определенное положение во времени (и, возможно, в пространстве). В связи с этим, один из смыслов слова существовать Розефельт обозначает как «присутствовать в мире». «Если мы согласимся, что «существовать» иногда употребляется для того, чтобы выражать существование в смысле присутствия в мире, то «существование» не во всех значениях этого выражения будет обозначать количество (т.е. то, что выражается логическим квантором. — *Д.М.*). Понятие существования в смысле присутствия есть над-понятие для понятий «жить», «обстоять» или «иметь место», а жить, обстоять и иметь место являются, несомненно, свойствами вещей»¹³⁷. Далее, поскольку существование в смысле присутствия в мире возможно только для пространственно-временных предметов, и поскольку, как полагает Розефельт, есть вещи, не расположенные во времени и пространстве, свойство «присутствовать в мире» оказывается дискриминирующим свойством; более того, вещи обладают им не необходимым образом (точнее, (а) свойство в какой-то момент времени присутствовать в мире, принадлежит вещам с необходимостью, однако (б) для всех моментов времени (t) и всех свойств (e) имеет место: если e есть свойство присутствовать в мире в момент t, то e — свойство, которым вещи обладают не необходимо). Отсюда становится ясным, почему Розефельт не считает возможным трактовать свойство «быть тождественным чему-либо» как один из смыслов слова «существовать»: каждый предмет с необходимостью тождествен себе самому, но существует каждый предмет не с необходимостью.

Несколько слов о втором смысле слова «существовать». Существование в этом случае, согласно Розефельту, оказывается свойством «что есть один» (*die Eigenschaft, dass es einen gibt*). Это свойство выражается при помощи слова «есть» или «имеются» (*es gibt*) и по ходу логического анализа обозначается квантором существования.

¹³⁶ Ibid. S. 188.

¹³⁷ Ibid. S. 73.

Предложение вида «Есть люди, которые владеют собаками» можно выразить как «Люди, которые владеют собаками, имеют свойство быть многочисленными»; такое свойство владельцев собак как «есть один» тождественно экземплифицированности (представленности хотя бы однажды) свойства «владеть собакой».

Отметим в заключение несколько подходов к проблеме существования, которые, несмотря на свою оригинальность, на наш взгляд, не получили должного развития и не вызвали оживленных дискуссий. В статье «Существование во времени и пространстве»¹³⁸ Э. Тugendhat рассматривает проблему «темпорального понятия существования», предлагая «традиционный» вариант анализа: темпоральное существование можно редуцировать к квантору существования. В «Курсе вводных лекций по лингво-аналитической философии» Тugendhat уже иначе обсуждает эту проблему, связывая ее с общей схемой. В множестве экзистенциальных предложений он предлагает выделить подмножество особых предложений, анализ которых будет предполагаться при анализе всех других. Речь идет об экзистенциальных предложениях, посредством которых материальные предметы и события локализируются во времени и пространстве. Локализирующие экзистенциальные предложения (вида «Для всех F: имеется один и только один объект, который находится в таком-то и таком-то положении») специфицируют часть универсального поля верификации; в них сообщается не о том, что в точности одно F имеет определенное свойство, но о том, что в этой части универсального поля верификации имеется в точности одно F. Что в таком случае означает выражение «есть»? С помощью этого выражения мы сообщаем о протекании события в определенное время, или о наличии материального предмета в определенном месте, о его существовании какой-то промежуток времени. Темпоральное «существует» понимается Тugendhatом уже как двухместный предикат (именно, «x существует в t_n»)¹³⁹. Существует

¹³⁸ “Existence in Space and Time”, содержится в Tugendhat E. Philosophische Aufsätze. Frankfurt a. M., 1993. S. 67–89.

¹³⁹ Tugendhat E. Vorlesungen zur Einführung in die sprachanalytische Philosophie. Frankfurt a. M., 1976. S. 467.

ли еще x в момент t_n , проверяется не тем, что исследуется x , но посредством изучения момента t_n .

Работа Вольфганга Карла «Существование и предикация» содержит иную, на наш взгляд, интересную, но мало обсуждаемую трактовку понятия существования. Что означает выражение «существовать»? Карл показывает, что «каждое предложение, где этот предикат встречается, может быть преобразовано в предложение, логическая форма которого — форма частного предложения, и при этом в нем не будет встречаться выражение, которое могло бы означать и выражать то, что выражается предикатом «существовать» в исходном предложении»¹⁴⁰. Предложение вида «Некоторые ___ суть ---», при правильном анализе, должно выражать то же, что выражает «___ --- существует». Дело в том, что, например, предложение (1) «Укрощенные львы существуют» может пониматься нами тогда, когда имеется (эквивалентное ему) (2) «Некоторые львы (суть) укрощенные». Задача любого правильного анализа высказываний — сформулировать высказывание так, как его следовало бы понимать. И только форма частного предложения позволяет обнаружить способ, с помощью которого можно было бы верифицировать (или фальсифицировать) экзистенциальное утверждение. Далее, предложение, получившееся в результате успешного переформулирования исходного утверждения (о существовании/несуществовании), с помощью субъектного термина должно отсылать к области таких предметов, существование которых уже невозможно подвергнуть сомнению, и в отношении которых мы способны успешно применить предикативный термин.

Субъектные термины переформулированных предложений, выполняющие данное условие, могут быть только «сортальными» выражениями (под которыми Карл понимает некоторую комбинацию из аппликативных выражений и числительных¹⁴¹). Такие выражения, как «собака», «кошка», «мышка», а не «лысый» или «ползающий», должны использоваться для того, чтобы заполнить

¹⁴⁰ Carl W. Existenz und Prädikation. München, 1974. S. 74.

¹⁴¹ Ibid. S. 90.

пропуск в «___ --- существует». Карл полагает, что существование можно предцифировать только тому, о чем также можно спросить «Сколько (их)?».

Чтобы понимать утверждения о существовании, нам необходимо знать, как можно их верифицировать; верификация (или фальсификация) этих утверждений становится возможной при допущении, что имеется область предметов¹⁴², в отношении которых можно узнать, применим ли к ним субъектный термин экзистенциального утверждения, или нет. Если такую область (очевидно, не пустую) специфицировать с помощью имени нарицательного («G»), то можно будет образовать предложение («Некоторые Gs суть Fs»), в которое F больше уже не входит как субъект, но заявляет о F-сти некоторых предметов, отмеченных посредством «G»¹⁴³. Такая трактовка существования, согласно Карлу, имеет несколько достоинств: во-первых, она объясняет, почему приписывание существования какой-либо вещи не становится тавтологией; во-вторых, она поясняет, почему был прав Кант, отказываясь считать экзистенциальные предложения предикациями; наконец, она объясняет, откуда появляются экзистенциальные допущения в предикации — а именно, интерпретируя утверждения о существовании Fs как подведение Fs под предикат «G» (сам предикат «G» включает в себе условия для классифицирующего, индивидуализирующего и отождествляющего употребления «F») ¹⁴⁴.

¹⁴² «Эти («сортальные») выражения всегда должны относиться к области предметов, в рамках которой их предикативное употребление помогает ясно выразить различие видов. К этой области относится принцип классификации, определяющий, какие свойства предметы должны иметь, чтобы принадлежать к определенному виду». *Carl W. Op. cit.* S. 99.

¹⁴³ *Ibid.* S. 74–79.

¹⁴⁴ *Ibid.* S. 175–179.

РАЗДЕЛ 2

Несемантические проекты ОНТОЛОГИИ

В данном разделе мы перейдем к разбору таких онтологических концепций, в которых вопросам семантики уделяется заметно меньшее внимание. Надо отметить, что «степень недоверия» к логико-семантическим подходам в онтологии и, шире, в метафизике, крайне сильно варьируется от одного аналитического философа к другому. Явными противниками «семантологии» выступают, например, немецкий философ Даниэль фон Вахтер¹⁴⁵ и американский философ Джон Хейл¹⁴⁶. При этом едва ли найдется какой-либо серьезный аналитический онтолог, который станет утверждать, что изучение языковых феноменов (например, особенностей референции и предикации) ничего не дает для собственно онтологических исследований. Но столь же неверно полагать, что все, чем должен заниматься онтолог, сводится исключительно к прояснению структуры языка. Немецкий аналитический философ Уве Майкснер замечает в связи с этим, что «язык, как и восприятие, почти в такой же мере скрывает структуру мира, в какой он ее раскрывает, и не существуют непогрешимые критерии, позволяющие нам решать, когда он скрывает, а когда раскрывает»¹⁴⁷. По крайней мере некоторые языковые феномены «могут просто игнорироваться как ничего онто-теоретически не значащие»¹⁴⁸. В дальнейшем мы представим различные варианты «несемантической» (или, иначе, «не-столь-уж-семантической») онтологии.

¹⁴⁵ *Wachter D. Ontologie und Semantologie // Siebel M., Textor M. (Hg.) Semantik und Ontologie. Frankfurt a. M., 2004. S. 267–279.*

¹⁴⁶ *Heil J. From an Ontological Point of View. Oxford, 2003. P. 5ff.*

¹⁴⁷ *Meixner U. Von der Wissenschaft der Ontologie // Logos (neue Folge) 1 (1994), S. 377.*

¹⁴⁸ *Meixner U. Ibid. S. 378.*

Для начала проведем немного упрощенное разделение между существующими онтологическими концепциями. Можно выделить три больших класса в зависимости от того, как онтологи отвечают на вопрос «Что существует на самом деле?»: первый класс образуют концепции, авторы которых дают ответ вида «Существуют только конкретные индивиды» или «Всё в мире индивидуально»; второй класс образуют концепции, авторы которых дают ответ вида «Верно говорить, что существуют конкретные индивиды, но нам не вполне ясно, как быть с неконкретными сущностями, и не вполне оправдано утверждать, что всё индивидуально» или «Попробуем описать мир так, как если бы в нем имелись партикулярии, а вопрос об универсалиях оставим на потом»; наконец, третий класс составляют концепции, авторы которых дают ответ вида «Существуют не только конкретные индивиды» или «В мире имеются и конкретные индивиды, и абстрактные индивиды, имеется сама «форма мира» и т. д.». Авторы концепций из первого класса, на наш взгляд, склоняются к монокатегориальной онтологии и особую привлекательность находят в возможности редуцировать мнимое многообразие разнородных сущностей к набору однородных сущностей. Дополнительным мотивом для таких онтологов оказывается и то, что монокатегориальная онтология лучше всего позволяет обобщить результаты физических наук и продемонстрировать единство физического мира. Авторы концепций из второго класса склоняются к бикатегориальной онтологии и заняты, как правило, тем, что описывают онтические структуры нашего «жизненного мира», мира «макроявлений», в терминологии Христиана Канциана¹⁴⁹ (тогда как «редуктивисты» раскрывают онтические структуры мира «микроявлений»). При этом можно отметить следующее: поскольку объекты, которые интересуют таких онтологов, являются знакомыми нам всем «повседневными вещами», то и категориальной сеткой хорошо вылавливаются только конкретные индивидуальные сущности. Наконец, авторы концепций из третьего класса, очевидно, склоняются к поликате-

¹⁴⁹ *Kanzian C. Der Verweis auf Intuitionen als Argument in der Ontologie // Metaphysica 1 (2003). S. 95–97.*

гориальной онтологии, способной учесть разнообразие всего, что «в онтологическом смысле» может быть дано человеку (или, иначе, в терминологии Майкснера, способной представить «тотальность существующего»). Из имеющихся на данный момент онтологических концепций, представителей первого класса, наиболее проработанной нам представляется «онтология полей» Даниэля фон Вахтера (изложена в его книге «Вещи и свойства»¹⁵⁰). В книгах Христиана Канциана «События и другие партикулярии»¹⁵¹ и «Вещь — Субстанция — Личность: повседневная онтология»¹⁵² представлена концепция второго класса. Наконец, концепция третьего класса, так называемая «онтология положений дел», содержится в различных публикациях таких авторов, как Эрвин Тегтмайер, Уве Майкснер и Рафаэль Хюнтельман.

ГЛАВА 1. «Онтология полей» Даниэля фон Вахтера

В книге «Вещи и свойства»¹⁵³ Даниэль фон Вахтер представил один из вариантов «монокатегориальной» онтологии. Следует отметить, что большинство предлагаемых здесь систем относятся к числу так называемых «онтологий тропов»: термин «троп» (*trope*), впервые употребленный в «особом философском смысле» Дональдом Вильямсом в «*On the Elements of Being*»¹⁵⁴, обозначает

¹⁵⁰ *Wachter D. Dinge und Eigenschaften. Versuch zur Ontologie.* Dettelbach, 2000.

¹⁵¹ *Kanzian C. Ereignisse und andere Partikularien. Vorbemerkungen zur einer mehrkategorialen Ontologie.* Paderborn, 2001.

¹⁵² *Kanzian C. Ding — Substanz — Person. Eine Alltagsontologie.* Ontos Verlag, 2009.

¹⁵³ *Wachter D. Dinge und Eigenschaften. Versuch zur Ontologie.* Dettelbach, 2000.

¹⁵⁴ «Я полагаю, что сущности, подобные нашим «едва уловимым частям» или «абстрактным компонентам», суть первичные конституэнты этого или любого возможного мира, самый алфавит бытия. Они не только актуальны, но суть единственные актуальности, в том смысле, что если сущности всех остальных категорий буквально состоят из них, то они сами вообще не состоят из сущностей дру-

конкретное свойство какого-либо индивида (свойство, которое не может быть представлено одновременно в нескольких конкретных предметах, — уникальное, больше нигде не встречающееся, неповторимое свойство); существует несколько систем онтологии тропов, из которых система философа Кейта Кемпбелла наиболее близка к онтологии фон Вахтера. Сделаем еще одно важное замечание: система, изложенная фон Вахтером, не универсальна и представляет собой скорее вариант «региональной онтологии» — в книге исследуется лишь регион материального, — однако и здесь верен тезис «всё, что существует, индивидуально»: в регионе нематериального также всё индивидуально¹⁵⁵. Суть «онтологии полей» можно выразить следующим образом: «Материальный мир состоит из определенного числа полей, протянувшихся вдоль всего пространства; эти поля индивидуальны»¹⁵⁶.

Что говорит нам в пользу такой системы взглядов? Проследуем за рассуждениями фон Вахтера. Любое онтологическое исследование должно всегда учитывать два очевидных факта: во-первых, каждая конкретная вещь сложна и в ней можно различать множество граней, аспектов, особенностей, и, во-вторых, многие вещи могут обладать схожими особенностями. Следуя за Гуссерлем, можно утверждать, что в каждой вещи, поскольку она сложна, существуют многие различные моменты, или «абстрактные части» (обозначение «абстрактные» говорит здесь лишь о том, что части данной вещи не пространственные, а особого рода — «каче-

гого сорта. То, что эта основополагающая категория не имеет постоянного имени, как раз есть характеристика первых принципов и одна из причин, почему последние стоит отыскивать... Вспоминая, однако, что Сантаяна словом «троп» обозначал сущность проявления, я обращаю слово, которое почти бесполезно в любом из своих словарных смыслов, так, чтобы оно обозначало абстрактный индивид, который, так сказать, есть проявление сущности. Тогда, троп — это особая сущность, либо абстрактная, либо состоящая из нескольких конкретных сущностей в сочетании с абстракцией. Так, Наполеон и прядь волос на лбу Наполеона — это не тропы, а осанка Наполеона — троп, как и целое, составленное из его пряди волос и осанки, как и его пребывание на Эльбе». *Williams D.C. The Elements of Being // Van Inwagen P., Zimmerman W. (Ed.) Metaphysics: The Big Questions. Blackwell Publishers, 1998. P. 43.*

¹⁵⁵ *Wachter D. Dinge und Eigenschaften. Versuch zur Ontologie. Dettelbach, 2000. S. 224.*

¹⁵⁶ *Ibid. S. 224.*

ственные», абстрагированные от конкретной вещи): например, в конкретном камне сосуществуют такие моменты, как масса, плотность, температура и т.д., камень при этом есть лишь целое, состоящее из этих моментов. Далее, вещи обладают схожими особенностями потому, что они обладают подобными «абстрактными частями», частями, которые подобны друг другу; подобие, как полагает фон Вахтер, есть нечто примитивное, далее не анализируемое — подобие есть просто «элементарный факт».

Момент есть лишь аспект вещи, и он так же индивидуален, как и сама вещь, — он занимает определенное положение в пространстве и времени. Моменты, составляющие сложные вещи, не самостоятельны, они не способны существовать «поодиночке» (отметим, что здесь Д. фон Вахтер расходится с К. Кемпбэллом — согласно последнему «базовые первичные тропы», они же моменты, достаточно самостоятельны и могут существовать независимо от остальных тропов¹⁵⁷). О «несамостоятельности» моментов, согласно фон Вахтеру, говорит абсурдность обратного допущения, ибо «могли бы мы, странствуя, споткнуться о плотность камня; могли бы мы наступить на нее ногой, или поднять ее и с удивлением обнаружить, что эта вещь не имеет температуру?»¹⁵⁸. Итак, моменты нуждаются в дополнении; моменты могут существовать только все вместе, и тем самым составлять конкретное целое — вещь. Такая конкретная вещь, каждый момент в которой дополняется серией других моментов, также называется фон Вахтером «полной» вещью. Поскольку каждый момент не самостоятелен и требует дополнения, теряет актуальность вопрос о том, что удерживает моменты вместе (вопрос, очевидным образом возникающий в «онтологии тропов» — где вещи понимаются как комплексы из тропов, или как «связки» из тропов; в последнем случае естественно спросить, что связывает в «связки» — вполне может напрашиваться образ вязанки хвороста)¹⁵⁹.

¹⁵⁷ *Campbell K.* *Abstract Particulars.* Oxford, 1990. P. 59.

¹⁵⁸ *Wachter D.* *Op. cit.* S. 194.

¹⁵⁹ Можно отметить, что «тропы» — своеобразный аналог буддийских дхарм. Вопрос о том, что связывает их в агрегаты (скандха) и реальны ли такие агрегаты — главное различие и главный предмет обсуждения между вайбхашиками и саутрантиками. (За данное замечание автор благодарит Е.В. Фалёва.)

Вернемся к проблеме подобия двух вещей. Как уже указывалась, подобие трактуется фон Вахтером в качестве простого факта: если вещь a подобна вещи b , то это означает, что какой-то момент вещи a подобен моменту вещи b , и подобие моментов зависит только от самих моментов — нет необходимости предполагать наличие универсального свойства «подобия». Предполагать обратное — допускать «существование» универсального свойства (как это делает, например, Дэвид Армстронг) — значит не иметь возможности адекватно трактовать «неточные» подобия между вещами и не учитывать степени подобия. Сам фон Вахтер предлагает следующее решение проблемы «неточного» подобия: во-первых, следует отметить, что подобие симметрично — если «момент зеленоватости листа в определенной степени подобен моменту зеленоватости зеленушки, то и момент зеленоватости зеленушки в той же степени подобен моменту зеленоватости листа»¹⁶⁰; далее, «неточное» подобие не транзитивно (если момент a подобен моменту b в степени G и момент b подобен моменту c в степени G , то отсюда не следует, что a подобно c в степени G); «точное» подобие, напротив, транзитивно. В итоге мы получаем разумное решение: моменты вещей более или менее подобны друг другу, точное подобие есть высшая степень подобия, и различие между точным и неточным подобием состоит лишь в том, что первое транзитивно, а второе нет¹⁶¹. Далее, моменты, очевидно, могут образовывать семейства — классы подобия; эти семейства могут выстраиваться в иерархическую систему (семейство карминных моментов подчинено семейству красных моментов и т. д.).

То, что моменты «имеют» степени подобия, не говорит о наличии «моментов» у самих моментов. В тех случаях, когда, как кажется, что-либо приписывается моменту (например, «Зеленоватость этой вещи светлее» или «Зеленоватость этой вещи ярка»), фон Вахтер предлагает применять две следующие стратегии, позволяющие избегать допущения «моментов» у моментов: (1) в одних случаях речь может идти об уточнении того, в каком семейст-

¹⁶⁰ Ibid. S. 198.

¹⁶¹ Ibid. S. 200.

ве располагается соответствующий момент (в предложении «Зеленоватость этой вещи светлее» указывается на конкретное место соответствующего момента в спектре зеленых моментов); (2) в других случаях сообщается о наличии еще одного момента в данной вещи наряду с уже имеющимся (в предложении «Зеленоватость этой вещи ярче» речь идет о моменте яркости, как дополнительном к моменту зеленоватости).

Обратимся теперь к следующему вопросу: моменты индивидуальны и занимают определенное положение в пространстве и времени; означает ли это, что моменты имеют четкие границы? И в каких случаях мы можем эти границы определять? Наиболее распространенная и очевидная стратегия ответа заключается в следующем: можно провести границы между конкретными свойствами в тех случаях, когда сами свойства являются единичными («чем-то определяющим», *determinate*) и относятся к одному родовому свойству («чему-то определяемому», *determinable*) — момент *a* имеет границу там, где начинается момент *b*, и оба момента принадлежат одному классу подобия. Например: в воду помещено яйцо, вода имеет температуру 21 градус, яйцо имеет температуру 20 градусов; эти единичные свойства, очевидно, относятся к родовому свойству «быть температурой»; граница между двумя единичными свойствами в нашем случае совпадает с поверхностью яйца — единичное свойство «иметь температуру 20 градусов» занимает тот же регион пространства, что и яйцо. Несложно заметить, что не во всех случаях границы между моментами проходят по поверхностям соответствующих предметов (и даже наш пример с яйцом в воде достаточно условен: температурный момент может занимать не весь регион, но только его часть — температура яичного белка может отличаться от температуры яичного желтка). И более того, как полагает фон Вахтер, установление границ между моментами — не констатация непреложного факта, но лишь привычный для нас способ восприятия мира. Иными словами, границы между моментами условны и не однозначны, установление границ целиком зависит от наших интересов и потому произвольно. Аргументирует фон Вахтер следующим образом: если следовать за приведенной выше стратеги-

ей ответа, то окажется, что между двумя единичными свойствами, занимающими определенный регион, имеется некоторый разрыв; однако в действительности два однородных качества не дисконтинуальны — например, если два региона имеют разную температуру, то всегда найдется третий, пребывающий между ними, регион, имеющий соответствующую среднюю температуру. И если переход между двумя единичными свойствами не терпит разрывов, то неверно полагать, что между моментами имеются объективные границы¹⁶².

Как все предыдущие рассуждения связаны с «онтологией полей»? Обобщим изложенное: материальный мир состоит только из единичных конкретных (и «полных») вещей, сами вещи состоят из единичных моментов, конкретных качеств; границы между моментами условны. Все ли моменты можно в равной мере считать конституэнтами реальности, или можно выделить некоторые основополагающие моменты, из которых будут составляться остальные моменты (и, соответственно, весь материальный мир)? Как полагает фон Вахтер, не все моменты можно рассматривать как «основополагающие», и лишь те моменты могут считаться конституэнтами реальности, которые полностью лишены границ.

Именно основополагающие, лишенные границ, моменты фон Вахтер называет полями¹⁶³. Поля простираются вдоль всех пространственных регионов, любой сектор пространства содержит сектор каждого из полей. Материальный мир состоит из множества полей. Эти поля «напластовываются» друг на друга, так что мир состоит из некоторого множества напластовывающихся полей.

Далее, как полагает фон Вахтер, каждое поле имеет интенсивность (Feldstärke). В различных местах интенсивность поля различная. Во избежание недоразумений, фон Вахтер подчеркивает, что поле и его интенсивность — не две разные сущности, поле не является «носителем» интенсивности (как вещи не являются «носителями» свойств). Поле в данном месте есть не что иное, как интенсивность поля в данном месте. В разных регионах простран-

¹⁶² Ibid. S. 203-205.

¹⁶³ Ibid. S. 208.

ства поле проявляет разную интенсивность. Те или иные места поля могут быть подобными, и в максимальном случае они «в точности» подобны, т.е. их интенсивность равна¹⁶⁴.

Элементарные частицы (лептоны, бозоны, кварки и т.д.) представляют собой места повышенной интенсивности полей. Частицы — это «возмущение» в некотором поле. Поскольку макроскопические предметы являются конгломератами частиц, то тем самым они оказываются просто местами повышенной интенсивности полей.

Любой регион пространства содержит строго одинаковое число полей. Поля не имеют разрывов, и только интенсивность полей в различных местах неодинакова. Это означает, что между вещами нет «пустого» пространства; «пустоты» представляют собой зоны пониженной интенсивности полей. Поля можно делить произвольно много раз, и любой сектор поля можно рассматривать как момент¹⁶⁵.

Какого рода поля имеют место в мире? На этот вопрос, согласно фон Вахтеру, должна отвечать физика. Но пока физики не пришли к однозначному ответу, мы можем спекулировать. Можно допустить, что поля — это фундаментальные физические силы; в таком случае, в мире имеются поля а) гравитации, б) электромагнитных сил, в) сильных элементарных сил и г) слабых элементарных сил. В число полей можно также включить пространство — хотя данное решение далеко не очевидно; можно предположить, что пространство и материя представляют собой две несамостоятельные сущности, всегда друг друга дополняющие¹⁶⁶.

Следующий вопрос — как можно редуцировать знакомые нам свойства («не-онтические» моменты) к определенным интенсивностям в полях? Можно рассмотреть три стратегии (в каждой из

¹⁶⁴ Ibid. S. 208.

¹⁶⁵ Д. фон Вахтер полагает, что его «онтология полей» не требует дополнительного обоснования: «То, что мир состоит из полей, я принимаю за “элементарный факт”, т.е. за такой факт, который уже нельзя объяснить с помощью онтического положения вещей. То, что поле есть поле, и что поля, из которых состоит мир, имеют общим лишь то, что они поля, я также считаю “элементарным фактом”». *Wachter D. Op. cit. S. 209.*

¹⁶⁶ Ibid. S. 210.

них предполагается, что любое конкретное свойство есть функция интенсивности полей).

(1) В наиболее простых случаях свойство можно редуцировать к определенным комбинациям из интенсивностей¹⁶⁷: можно сказать, что свойство E находится в положении P тогда, когда в P поле L имеет интенсивность I_3 и поле M имеет интенсивность m_7 .

(2) Свойство можно редуцировать к интегралу от интенсивности полей по определенному региону. В том случае, когда свойство зависит от одного поля, эта редукция может выглядеть так: пусть E — соответствующее свойство, x , y и z — пространственные координаты, R — соответствующий регион, f — интенсивность поля F ; тогда ($dV = dx dy dz$):

$$E(R) = \iiint_R f(x, y, z) dx dy dz$$

(3) Свойство можно редуцировать к изменениям интенсивности полей в соответствующем регионе. Так, например, можно поступить с температурой (в кинетической теории газов она сводится к движению молекул): поскольку частицы — это места повышенной интенсивности полей, то температура, представленная как движение частиц, оказывается просто изменением интенсивности полей.

Какими преимуществами обладает «онтология полей»? Даниэль фон Вахтер рассматривает несколько проблем, прежнее решение которых ему представляется неудовлетворительным. Первая проблема — изменение предметов. Во многих «тропизмах» изменение предметов объясняется сменой соответствующих тропов, замещением одного тропа другим. Такая трактовка не выдерживает критики, полагает фон Вахтер: во-первых, в ней не учитывается континуальный характер изменений (и, значит, в ней допускается существование «точных» границ между моментами), во-вторых, в ней адекватно не учитывается «закономерный» характер изменений (поскольку оказывается, что каждый момент мог бы быть замещен произвольным моментом). Онтология полей предлагает простое решение: в тех случаях, когда изменяется вещь, на онтическом уровне в соответствующем фрагменте поля происходит

¹⁶⁷ Ibid. S. 211.

изменение ее интенсивности — поле становится более или менее интенсивным.

Другая проблема — отношение между родовыми свойствами и единичными свойствами. В представленной онтологии находится онтическая структура, дублирующая данное отношение и прекрасно его проясняющая. Согласно фон Вахтеру, отношение между родовым и единичным свойством находит свое соответствие в отношении между полем и его интенсивностью. То, что вещь имеет некоторое родовое свойство, означает, что вещь располагается в определенном поле (или комбинации полей), т. е. сектор определенного поля оказывается абстрактной частью вещи. Сектор поля имеет определенную интенсивность, и, значит, всякая вещь, имеющая родовое свойство, будет также иметь единичное свойство. Подобие единичных свойств у двух предметов предполагает то, что обе вещи располагаются в одном и том же поле и соответствующие сектора поля имеют одинаковую интенсивность. Отличие в единичных свойствах, относящихся к одному родовому свойству, заключается в неточном подобии соответствующих секторов поля. Наконец, то, что вещь *a* имеет единичное свойство *L* и вещь *b* имеет единичное свойство *M*, причем оба свойства не связаны одним родом, означает, что *L* и *M* — сектора различных полей.

Онтология полей, наконец, устраняет проблему произвольности составных моментов вещей. Вещи состояются из строго определенного набора моментов, сам набор «задается» полями. Единство состава вещей гарантируется «вездесущностью» полей и их безграничностью. Напомним, что внутри полей нет разрывов; нет разрывов и в «напластованиях» полей — каждое поле, как абстрактный момент, несамостоятельно и всегда нуждается в дополнении, а значит, в любом месте пространства представлены все поля.

Под конец нашего обзора онтологии полей укажем на решающее, с точки зрения фон Вахтера, преимущество этой системы. Заключается оно в том, что с ее помощью становится возможным продемонстрировать единство материального мира и учесть тем самым последние достижения физических наук. «Точка зрения, что мир есть собрание отдельно друг от друга существующих, во времени длящихся, частиц или вещей с определенными условиями

идентичности, кажется, пережила свои лучшие времена. Многое говорит в пользу того, что поля имеют будущее в онтологии»¹⁶⁸.

ГЛАВА 2. «Повседневная онтология» Христиана Канциана

В этой главе мы опишем онтологическую систему австрийского философа Христиана Канциана. Эту систему он называет «повседневной онтологией»¹⁶⁹ (*Alltagsontologie*), противопоставляя ее, с одной стороны, «физикалистским онтологиям» (примерами которых служат разнообразные «онтологии тропов»; иной пример — онтология Куайна) и, с другой стороны, разнообразным «феноменологическим онтологиям», частью которых может считаться «онтология положений дел» (представленная в работах Бергмана, Гроссмана, Тегтмайера и др.). Особенность «онтологии повседневности» состоит, во-первых, в том, что в ней решающее значение придается нашим повседневным интуициям (нашим повседневным установкам) и, во-вторых, она позволяет учесть базовые характеристики повседневной языковой коммуникации (например, то, что высказывания имеют субъект-предикатную структуру, или то, что термины, реферирующие к различным предметам, могут предполагать разные условия идентификации этих предметов). Последнее, однако, исключает наивное онтологизирование повсе-

¹⁶⁸ *Ibid.* S. 244.

¹⁶⁹ Следует заметить, что «онтологии повседневности» далеко не редки в рамках аналитической философии. Интересный вариант такого рода онтологии представлен в работе Л.Р. Бейкер «Метафизика повседневности: Опыт о практическом реализме». Бейкер, называя себя «практическим реалистом», имеет в виду следующее: «Я реалист, поскольку верю, что объекты и свойства могут существовать независимо от нашей способности что-либо знать о них; практический, поскольку я верю, что повседневный мир — та часть реальности, которая включает нас, наш язык и вещи, с которыми мы взаимодействуем, — онтологически не менее важен, чем микрофизические части реальности». См.: *Backer L.R. The Metaphysics of Everyday Life: An Essay in Practical Realism. Cambridge, 2007. P. 20.*

дневного языка. Согласно Канциану, анализ языка следует понимать исключительно как средство критической корректировки онтологических систем, как критерий, позволяющий определять, стоит ли принимать данный тезис, или нет. В рамках «повседневной онтологии» не рассматриваются отдельные области языка и не делаются на основании языкового анализа поспешные онтологические выводы (для Канциана неверен, например, подход, руководствующийся лозунгами «В повседневности мы говорим о сущностях вида F, а значит, эти F должны существовать» или «В повседневности мы говорим о G, что ему присущ признак M, а значит, признак M существенен для этих G»)¹⁷⁰.

Говоря о категориях своей онтологии, Канциан избегает говорить о проблеме существования универсальных сущностей (неявно они скорее учитываются в его системе). Он описывает мир так, как если бы мы ничего не знали об универсалиях. Мир повседневности состоит из «партикулярий» — вещей и событий. «Партикулярии» — это 1) индивиды, нечто противоположное универсалиям, существующее единожды, не повторяющееся (не пребывающее одновременно в разных местах); 2) *Konkreta* — обладающее пространственными и временными свойствами, занимающее определенное положение в пространстве и времени; 3) на уровне языка: то, что невозможно чему-либо предиктировать или о чем-либо «высказывать». Категории «Вещей» и «Событий» (точнее говоря, «Событийных сущностей», главной разновидностью которых являются события), образующие «фундамент» системы Канциана (и делающие ее бикатегориальной), сами допускают следующее деление:

(1) «Событийные сущности» содержат в себе подкатегории «Событий» и «Сосотояний»;

(2) «Вещи» включают в себя подкатегории «Артефактов» (*Artefakten* — искусственно созданные предметы) и «Живых существ» (*Lebewesen*).

В нашем изложении мы сначала обратимся к категории «Событий» и затем перейдем к категории «Вещей».

¹⁷⁰ *Kanzian C. Ding — Substanz — Person. Eine Alltagsontologie. Ontos Verlag, 2009. S. 28-29.*

§1. Категория событий и ситуаций

Дать детальное определение «событию», которое устроило бы всех современных онтологов, как полагает Канциан, не представляется возможным: каждый автор в согласии со своими интересами выделяет те или иные «компоненты» событий. Это не означает, однако, что имя «событие» ничего не именует. Как показывает Канциан, большинство авторов сходятся в том, что «событие» является индивидом, существующим во времени и пространстве¹⁷¹. Следует отдельно заметить, что не все аналитические философы соглашались принимать в свою систему категорию событий. Часть из них Канциан обозначает как «элиминативистов», часть — как (радикальных) «редуктивистов». Странником элиминативистского подхода является, например, Теренс Хорган¹⁷². Он полагает, что «событиям» уделяется незаслуженно много внимания (причиной этому служит то, что в рамках обсуждения актуальных проблем аналитической философии они играют важную роль); философы могли бы обсуждать проблемы и приходить к их решению, не обращаясь к «событиям», которые можно с помощью определенных средств элиминировать из нашей речи. Критикуя Хоргана, Канциан отмечает, что его тезис слишком сильный — не ясно, можно ли полностью элиминировать «события», например, из объяснений проблем причинности (физической и ментальной). Менее радикален подход редуктивистов: они признают значимость «событий» в нашей речи и наших объяснениях, но полагают возможным редуцировать «события» к онтически более фундаментальным сущностям. Существует несколько вариантов редукции «событий»: к вещам и их свойствам, к тройке «вещь — свойство — время», к «положениям дел». Последний вариант был предложен («ранним») Родериком Чизолмом, для которого «положения дел» являются абстрактными и универсальными сущно-

¹⁷¹ *Kanzian C.* Ereignisse und andere Partikularien. Vorbemerkungen zur einer mehrkategorialen Ontologie. Paderborn, 2001. S. 130.

¹⁷² *Horgan T.* The Case Against Events // *The Philosophical Review*, Vol. 87 (1978). P. 28-47.

стями. Редукция «событий» к «положениям дел», как полагал Чизолм, позволяет решить проблему «повторяемости» событий. Эта позиция допускает различные возражения: с одной стороны, в обыденном языке выражение «то же самое (событие)» не всегда имеет значение тождества — а значит, не имеет смысла говорить о «в точности тех же самых», «повторяющихся» событиях; с другой стороны, в объяснениях отношения причинности уместнее говорить о конкретных, а не абстрактных сущностях. Следует отметить, что Чизолм впоследствии сам изменил свой взгляд на «события» — он стал полагать, что события — это серия состояний, а состояния конкретны (состояния «состоят» из конкретных вещей, «субстратов», и свойств, «атрибутов» или «содержаний» (content) состояния; проблема повторяемости событий решается следующим образом: события не повторяются, повторяются «содержания» событий, атрибуты)¹⁷³. Редуктивисты (в отношении событий), как полагает Канциан, во многих случаях изменяют свои взгляды — от более радикальных (события суть только суммы их компонентов) до менее радикальных (события «больше чем» суммы компонентов; компоненты онтологически фундаментальнее, но это не служит причиной исключения «событий» из онтологического инвентаря). Это обстоятельство указывает на правильность «онтологической интуиции» философа, уделяющего значительное внимание «событиям» (в системе Канциана, надо заметить, «события» менее фундаментальны, чем «вещи»; на это мы укажем ниже).

В онтологии Канциана категория, в которую входят «события», дополняется еще такими сущностями, как «состояния». О «состояниях» мы говорим тогда, когда мы говорим о том, что некий предмет обладает определенным признаком или свойством; «онтологическими» компонентами состояний являются вещи (носители состояния) и реализуемые ими свойства. Состояния «растянуты» во времени, и в отношении всякого состояния верно сказать, что некоторое время определенный признак присущ дан-

¹⁷³ *Chisholm R. On Metaphysics. Minneapolis, 1989. Pp. 150-155.* На странице 153 Чизолм пишет: «Строго говоря, то, что повторяется, суть не события, но скорее те атрибуты, которые образуют повторяющиеся содержания событий».

ной вещи; состояние перестает существовать с потерей вещью соответствующего признака. Канциан отмечает, что состояния (как и события) нельзя редуцировать к сумме их (онтологических) компонентов: например, состояние «коричневости» моего стола есть нечто большее, чем сочетание «коричневый цвет» + «стол»; отдельное существование этих компонентов еще не порождает существование соответствующего состояния. В объяснениях причинности состояния (как и события) предстают всегда как «целое»: если я схватился за сосуд с кипящей жидкостью и обжег руку, то причиной боли стала не отдельно жидкость или ее температура, но именно — конкретное температурное состояние жидкости.

Состояния и события тесно между собой связаны. Канциан полагает неверным считать, что а) состояния есть подвид событий, либо б) события есть подвид состояний, либо в) состояния «в порядке мышления» первичнее событий (события можно представить как серии «мгновенных» состояний и проанализировать в терминах теории множеств), а события «в порядке бытия» первичнее состояний («понятие актуальности» для множества состояний можно свести к «понятию актуальности» для событий)¹⁷⁴. И состояния, и события являются видами одного онтологического рода.

Что общего у состояний и событий? Они — партикулярии; они обладают «временной формой»: для них можно указать начало во времени и конец, они какое-то время длятся. Более того, «протянутые» во времени состояния и события можно делить на нумерически отличающиеся временные отрезки или части. К событиям наиболее близки в своем строении «сложные (молекулярные) динамические состояния». Простым можно считать то состояние, в котором некоторой вещи присуще одно свойство. Сложными считаются те состояния, в которых вещи обладают множеством взаимосвязанных свойств (например, если X болен, то у него повышенная температура, боль и т. д.). «Сложные состояния» могут быть в том смысле «динамичными», что составляющие их свойст-

¹⁷⁴ *Kanzian C. Op. cit. S. 191–193. Позиции в) придерживается Уве Майкснер: Meixner U. Ereignis und Substanz: Die Metaphysik von Realität und Realisation. Paderborn, 1997. S. 87–97.*

ва каким-либо образом сменяют друг друга. Про эти состояния можно сказать, что они «развиваются»: в момент t вещь может обладать свойствами F, G, H и в момент t' — свойствами F, G, I и т. д. Отметим, что от остальных состояний сложные динамические состояния отличаются тем, что их временные части качественно различаются.

Чем события отличаются от состояний? От «простых» состояний события отличаются тем, что имеют качественно различные временные части; события «гетеромерны», тогда как «простые» состояния имеют лишь нумерически отличные временные части. Различие между сложными состояниями и событиями заключается в том, что только вторые могут иметь «фазы». Под «фазами» Канциан понимает: 1) «подлинные» временные части (т. е. для всякой фазы P_1 имеется другая фаза P_2 , такая, что эти фазы не перекрывают друг друга (не имеют общих частей)), 2) те сущности, что всегда отличаются друг от друга (и это требование выполняется для определенных пар — для фазы и ее непосредственной предшественницы или непосредственной последовательницы), 3) то, что само состоит из временных частей, для которых также верны первые два пункта (эти части также подлинны и качественно отличаются от предшественниц или последовательниц), причем данные временные части снова можно делить на временные части, для которых выполняются первые два пункта и т. д. «Фазовый» аспект присущ и сложным динамическим состояниям; их части только не подпадают под пункт три. Канциан замечает, что существуют особого рода «событийные» сущности, «процессы», части которых могут не различаться качественно; в таких случаях «процессы» можно представить как сочленения состояний, переходами между которыми служат события. И еще один аспект отличает события от состояний: только первые имеют «кульминационный» характер. У событий есть не только «субъекты» (их «носители»), но и «объекты», то, к чему эти события «устраиваются». Состояния, как обычно считается, таких объектов не имеют — точнее говоря, такие объекты для них не определены (тогда как события «из самих себя» указывают на моменты кульминации). Следует отметить, что про-

цессы и здесь образуют некоторый «пограничный» случай между состояниями и событиями; это, в свою очередь, служит подтверждением известной условности в разделении событий и состояний.

Как связаны между собой события и состояния, есть ли между ними зависимость? События и состояния имеют временные границы. При этом временными границами состояний являются события, а временными границами событий являются состояния: для состояния, например, «стол имеет коричневый цвет» одной границей будет служить событие «закрашивание стола в коричневый цвет», другую границу образует событие «перекрашивание стола в синий цвет». Если мы допустим, следуя за Канцианом, что события и состояния имеют разную временную форму, то перед нами возникнет проблема перехода от одной сущности к другой. Как понимать этот переход? Можно предположить, что он растянут во времени; однако это предположение ведет к трудностям: если сам переход растянут во времени, то он, очевидно, имеет временные границы; если так, то мы снова стоим перед «проблемой перехода» — на этот раз перехода от события/состояния к переходу между состоянием/событием; если и этот переход протяжен во времени, то наше рассуждение повторяется, и так до бесконечности. Следовательно, имеет смысл говорить о переходе между событием и состоянием как о чем-то «моментальном» или «мгновенном». Момент перехода (далее «МП») является «мгновенной», не протянутой во времени границей; Канциан полагает, что «содержательно» МП является состоянием (точнее говоря, сложным «мгновенным» состоянием, скомпонованным из «конца события/состояния» и «начала состояния/события») ¹⁷⁵. Очевидно, МП не может быть частью ни события, ни состояния. Канциан выделяет четыре группы МП, в зависимости от того, что предшествует МП и что за ним следует: 1) МП, отграничивающее состояние от события, 2) МП, отграничивающее событие от состояния, 3) МП, отграничивающее два события и 4) МП, отграничивающее два состояния (в этом случае Канциан также говорит о «мгновен-

¹⁷⁵ *Kanzian C. Op. cit. S. 210.*

ных» событиях¹⁷⁶; впрочем, этому термину отводится скорее техническая роль). Такое разделение МП позволяет выделять типы зависимости между событиями и состояниями. Канциан предлагает различать между «внешней» и «внутренней» зависимостью («внутренняя» зависимость проявляется в тех случаях, когда x зависит от y и y есть (внутренняя) составная часть x ; «внешняя зависимость» проявляется в тех случаях, когда x зависит от y , но y не есть часть x и x не есть часть y), а также «непосредственной» и «опосредованной» зависимостью. Итак, для всех событий: они непосредственно внешне зависят от «мгновенных» состояний; с другой стороны, они опосредованно внешне зависят от (протяженных во времени) состояний и от других событий. Для всех (протяженных во времени) состояний: они непосредственно внешне зависят от «мгновенных» состояний; они также опосредованно внешне зависят от событий; наконец, они опосредованно внешне зависят от других состояний.

Можно ли говорить о внутренней зависимости протяженных состояний и событий от «мгновенных» состояний? Составлены ли события и ситуации из «точечных» событий? Канциан полагает, что нет. Все протяженные во времени события внутренне зависят от своих временных частей; но такие временные части сами оказываются событиями, состоящими из временных частей, и т. д. Все протяженные во времени состояния внутренне зависят от протяженных во времени других состояний¹⁷⁷.

Подведем небольшой итог: в силу разной временной формы события и состояния следует различать; однако нет причин рассматривать их как сущности разных категорий — «внешняя» зависимость событий от ситуаций (и наоборот) не говорит о категориальном различии — ибо такого рода зависимости имеют место между представителями одной и той же категории.

¹⁷⁶ Ibid. S. 211-212.

¹⁷⁷ Канциан, очевидно, предлагает не смешивать отношение часть-целое и отношение (онтологического) конституирования. Только протяженные во времени (далее делимые, не атомарные) события могут быть компонентами событий. При этом вовсе не исключается то, что события могут «иметь» «атомарные» части.

§2. Категория вещей

Обратимся к категории вещей, и прежде, чем дать им самостоятельную характеристику, определим их особенности по отношению к категории событий. Вещи — носители событий, события — то, что происходит или случается с вещами. Эти сущности не все аналитические философы относят к разным категориям. Канциан особое внимание здесь уделяет идеям Куайна. Для Куайна вещи и события онтологически сопоставимы и могут быть отнесены к одной категории, а именно, физических объектов. Физический объект — нечто, являющее собой «пространственно-временное образование», агломерат нумерически различных пространственно-временных частей. Канциан выдвигает несколько возражений на позицию Куайна. Во-первых, позиция Куайна сильно отдалается от наших повседневных установок (нам представляется, что сегодня мы имеем дело с теми же вещами, что и вчера). Во-вторых, сторонник Куайна был бы вынужден редуцировать наш повседневный язык (имеющий дело с «континуантами», объектами, которые «endure», а не «persist» — остаются тождественными себе во времени) к тому языку, в котором можно было бы говорить о суммах пространственно-временных частей; такая редукция, однако, невозможна — даже говоря о временных частях вещей, мы вынуждены обращаться к вещам как «континуантам». В-третьих, онтология Куайна «статична» и не позволяет адекватно интерпретировать изменения (по крайней мере, несовместима с классической и всем привычной интерпретацией изменений — в момент t вещь a имеет свойство Q , а в момент t' вещь a имеет свойство P). Отказавшись от понимания вещей как «физических объектов» в куайновском смысле, мы обнаруживаем возможность обосновать категориальное различие вещей и событий. Различаются они в своей «временной форме». Как показывает Канциан, в повседневности мы по-разному говорим о временности событий и временности вещей: о первых мы говорим, что они случаются, происходят, протекают во времени; и мы совсем не так говорим о вторых (сторонники Куайна могли бы здесь, как, впрочем, и ранее, заметить, что задача философа — нарушать, пересматривать обыден-

ные представления; для Канциана это неприемлемо — философ занят тем, что истолковывает наше фактическое пребывание в мире и наше фактическое мышление о нем¹⁷⁸). Существеннейшее различие между вещами и событиями состоит в том, что вещи трехмерны, события же четырехмерны. Вещи не имеют временно-го измерения; они — «*res extensae*» и это означает, что они сами по себе, независимо от других сущностей, пребывают в трех пространственных измерениях; то, что они не имеют четвертого, временного, измерения, означает, что они в каждый момент своего существования предстают перед нами «целиком», а не какой-то временной частью. События имеют и пространственное, и временное измерение; иметь временное измерение — значит быть «непосредственно» связанным со временем¹⁷⁹; время, как таковое, предполагает протекание событий. Следует отметить, что события в таком случае приобретают «презентистскую» трактовку — они имеют «актуальные фазы»; отношения «раньше, чем» и «позже, чем» в таких случаях сводятся к отношениям между частями событий — «раньше, чем» имеет место между начальной и актуальной фазой события, или между актуальной и конечной фазой, и так далее. Между событием и временем, очевидно, нет опосредующей инстанции. Вещи, напротив, не непосредственно связаны со временем; время с необходимостью предполагает изменения (события можно трактовать как «изменения»), а само изменение предполагает вещи, как свои носители; значит, время опосредованно предполагает то, что не имеет временного измерения. Итак, вещи и события категориально различны.

Как связаны между собой вещи и события? Вещи являются основополагающими сущностями для событий; но в некотором отношении сами вещи зависят от событий. Вещи — непрменные носители событий, нет событий, лишенных носителей. События «внутренне» зависят от вещей, вещи «со-составляют» (*mitkonstituieren*) события (Канциан, как мы уже указывали, не решается привести точный перечень тех сущностей, которые дополни-

¹⁷⁸ Ibid. S. 232.

¹⁷⁹ Ibid. S. 234.

тельно к вещам конституируют события). Наконец, вещи «существенны» (essentiell) для событий — событию необходимо иметь тот носитель, который оно имеет. Вещи, в свою очередь, обладают временной формой исключительно благодаря своим «историям» — агломерату из событий. Однако, согласно Канциану, вещи лишь «внешне» зависят от времени, а значит, события не могут быть конституэнтами вещей (что исключается также и в силу конститутивного для событий характера вещей). Итак, «степень» зависимости событий от вещей выше, чем вещей от событий; вещи оказываются более «фундаментальными» сущностями.

Охарактеризуем категорию вещей саму по себе. Эта категория включает в себя «искусственно созданные предметы», «артефакты», и «живые существа». К категории вещей Канциан не относит такие образования, как «массы» или «скопления вещества» (например, груды золота), «естественные формации» (например, озера или горы) и «материальные соединения» (например, кучи песка). Эти объекты Канциан относит к числу «квази-индивидов». «Квази-индивиды» — это предметы, которые нельзя точно посчитать (которые лишены свойства «bestimmte Zählfbarkeit»), основанием чему служит отсутствие у них «принципа единства». В языке выражения вида «кусочек Q» или «часть Q» (где «Q» — выражение, референтом которого является квази-индивид) не имеют точно определенного референта (очевидно, по той причине, что критерий идентификации предметов, подпадающих под «Q», не определен). Вещи, напротив, можно с точностью посчитать, им присущ «принцип единства». В выражениях, обозначающих вещи («сортовых» выражениях), всегда подразумевается критерий идентификации. «Простые массы» — груды золота, водные массы, — очевидно, не обладают «принципом единства» и не могут быть посчитаны. Материальные соединения, которые могут быть однородными (куча песка) или разнородными (кварцевые соединения, «камни»), не являются вещами по той же причине, что и «простые массы»: они есть нечто составленное из масс, причем такое составление не предполагает «принцип формы» или «принцип единства» (и лишает нас возможности точно посчитать эти предметы) — подлинными частями камня также могут быть названы камнями и хо-

рошо «сцепленные» каменистые образования вполне могут считаться одним камнем, а значит, камни не могут быть посчитаны с определенностью. Естественные формации (озера, моря, горы) не являются вещами по схожим соображениям: они «просто» состоят из сложно упорядоченных материальных соединений. Естественные формации также не обладают принципом единства: это проявляется в том, что они не имеют четких границ (нельзя точно указать, где гора начинается и где она заканчивается). Следует заметить, что под «принципом единства» Канциан понимает такой принцип, который определяет, с одной стороны, особенности существования вещи во времени, с другой стороны, структурное расположение частей. Отметим также, что в выражении, обозначающем естественную формацию, не подразумевается определенный критерий идентификации — вопрос о количестве гор в Тироле лишь тогда оказывается осмысленным, когда он понимается как вопрос о том, сколько образований, именуемых «гора», имеется в Тироле¹⁸⁰.

Итак, только «артефакты» и «живые существа» являются вещами. Что их объединяет в одну категорию? Во-первых, они имеют одну и ту же «временную форму» — они «опосредованно» связаны со временем, они трехмерны, они приобретают «временные свойства» благодаря событиям, составляющим их историю. Во-вторых, они имеют сходную структуру. Согласно Канциану, «артефакты» и «живые существа» имеют структуру «положения дел» (*Sachverhaltstruktur*): такой структурой обладают сущности, компоненты которых принадлежат различным онтологическим родам. «Вещи» состоят из двух разнородных компонентов: некоторого материала и определенной формы (закрывающей в себе «принцип единства», в том числе способ составления материальных частей).

В чем различаются «артефакты» и «живые существа»? Первые зависят от сознания (с одной стороны, они порождаются определенным умельцем, с другой стороны, их существование во време-

¹⁸⁰ *Kanzian C. Ding — Substanz — Person. Eine Alltagsontologie. Ontos Verlag, 2009. S. 183–184.*

ни предполагает то, что имеется хотя бы одно сознание, способное их воспринимать и признавать как таковые¹⁸¹); вторые ни в своем возникновении, ни в дальнейшем существовании во времени, от (человеческого) сознания не зависят. Зависимость артефактов от сознания обуславливает и то, что их идентичность (т. н. «диахронная идентичность») конвенциональна. Это, в свою очередь, означает, что артефакты в разное время могут принадлежать разным видам (более того, в одно и то же время разными людьми артефакт может восприниматься как представитель разных видов), и потому имеется возможность по-разному определять их структуру¹⁸². Идентичность «живых существ», как полагает Канциан, устанавливается неконвенционально; она дается «из самой природы»¹⁸³. Представители естественных видов и синхронно, и диахронно принадлежат одному *species infima*; поэтому их структура определяется однозначно.

Существенное различие между артефактами и живыми существами состоит также в их индивидуальной форме (как части «онтологической» структуры). Форма артефактов — это композит из «пользы» (той цели, которой они служат), направленной на ее выполнение «функции» и соответствующего способа организации частей в целом («мереологического принципа»)¹⁸⁴. Индивидуальная форма живых существ составлена из (1) «этой» конкретной закрытой организационной структуры, (2) «этих» со структурой согласованных принципов организации, (3) соответствующих планов развития и репликации (последнее говорит об особенностях протекания процесса развития индивида, его возможности воспроизводить новые особи, и даже о характере эволюции всего вида)¹⁸⁵.

В заключение отметим, что в подкатегории «Живых существ» Канциан особое внимание уделил такой сущности, как «Личность» (Person). «Личность» — это сознающее само себя существо; инди-

¹⁸¹ Ibid. S. 134.

¹⁸² Ibid. S. 151.

¹⁸³ Ibid. S. 169.

¹⁸⁴ Ibid. S. 148.

¹⁸⁵ Ibid. S. 166.

видуальная форма этого существа отличается от индивидуальных форм других живых существ тем, что она проста и далее неразложима. Эта форма, являясь единственно возможным носителем «единства самосознания», конституирует идентичность личности. Особенностью индивидуальной формы личности является и то, что она принципиально неполна; такая неполнота проявляет себя в том, что нет «только личности», но «личность» всегда принадлежит другим родам — роду человек, роду «биологический организм» и т. д.

ГЛАВА 3. Онтология «положений дел»

Эта онтологическая система получила развитие в работах Густава Бергмана и его учеников, Райнхарда Гроссмана и Герберта Хохберга, Эрвина Тегтмайера и Рафаэля Хюнтельмана; в работах Уве Майкснера по формальной онтологии представлена очень любопытная версия поликатегориальной онтологии, дополняющая систему Тегтмайера и Хюнтельмана. Ключевые тезисы онтологии «положений дел» (в дальнейшем мы будем ее обозначать «S-онтология») можно сформулировать следующим образом¹⁸⁶. 1. Всё, что существует, по своей природе либо просто, либо сложно (комплексно). 2. Просты те сущности, которые не содержат частей. 3. Комплексны те сущности, которые состоят из простых или комплексных частей. 4. Всё, что комплексно, есть

¹⁸⁶ Ср. с тезисами, которые Г. Бергман выдвинул в работе “Realism. A Critique of Brentano and Meinong”: «Существовать, быть сущностью, иметь онтологический статус есть одно и то же» (р. 3). «О некоторых сущностях говорят, что они конституируют другие» (р. 3). «Сущность проста, если и только если она не имеет конституэнт; в противном случае она комплексна, или, что синонимично, комплекс» (р.4). «Собрание сущностей как таковое не есть сущность» (р. 9). «Тот, кто не признает онтологический статус связки (nexus), не может иметь ясного понимания комплексов. Иметь такое понимание и эксплицитно различать вещи и факты на самом деле есть одно и то же» (р. 11). «Обычные вещи не вещи, но факты (комплексы)» (р. 11). «Не существуют вещи, которые являются комплексами в точно таком же смысле, в каком комплексами являются факты» (р. 12).

«Положение дел»; классы и структуры можно редуцировать к «Положениям дел».

Наше исследование S-онтологии будет состоять из четырех частей. В первой части мы выясним историю понятия *положение дел* (нем. *Sachverhalt*, англ. *state of affairs*) (§1). Во второй части мы детально проанализируем онтологию Г. Бергмана (§2). В третьей части мы рассмотрим онтологию Э. Тегтмайера (§3). В четвертой и заключительной части мы исследуем один из вариантов формальной онтологии У. Майкснера (§4).

§1. История понятия *положение дел*

История понятия *положение дел*¹⁸⁷ неотделима от истории школы Brentano. Впервые явно термин «положение дел» употребил Карл Штумпф в лекциях 1888 года по логике. Под «положением дел» Штумпф понимал «специфическое содержание суждения, которое нужно отличать от содержания представления (материи), и которое грамматически выражается придаточным предложением, начинающимся с союза “что”, или отглагольным существительным»¹⁸⁸. В лекциях он давал такое разъяснение: «От материи суждения мы отличаем его содержание или положение дел, выраженное в суждении. Например, “Бог есть” своей материей имеет Бога, своим содержанием — бытие Бога. “Бога нет” имеет ту же самую материю, а содержанием — “небытие Бога”»¹⁸⁹. Как элементы класса «образований» (в который входят также понятия, совокупности, гештальт-качества и ценности), положения дел оказываются необходимыми коррелятами интеллектуальной функции

¹⁸⁷ «*Sachverhalt*», вероятно всего, немецкая калька с латинского юридического выражения *status rerum*. См. статью Б. Смита «*Sachverhalt*» в: *Ritter J., Gründer K. (Hg.) Historisches Wörterbuch der Philosophie*, Bd. 8. Darmstadt, 1992. S. 1102–1111. Так же: *Rojszczak A., Smith B. Urteilstheorien und Sachverhalte // Neumaier O. (Hg.) Satz und Sachverhalt*. Sankt Augustin, 2001. S. 9–60.

¹⁸⁸ *Штумпф К.* Явления и психические функции // *Лосский Н.О., Радлов Э.Л.* Новые идеи в философии. Сборник 4. Что такое психология? СПб., 1913. С. 87.

¹⁸⁹ *Stumpf K.* Syllabus for Logic // *Rollinger R.* Husserl’s Position in the School of Brentano. Dordrecht/Boston/London, 1999. P. 313.

суждения, и именно поэтому их надо отличать как от самих психических функций, так и от явлений. Далее, положение дел «не может даваться непосредственно само по себе, независимо от какой бы то ни было функции и этим самым делаться также реальным. Оно будет реально только как содержание актуального суждения»¹⁹⁰.

Стоит отметить, что теория суждений, разработанная Ф. Brentano в «Психологии с эмпирической точки зрения» (1874 год) и предполагающая, что предмет суждения не отличается от предмета представления (различие заключается в модусе), несколько корректируется им в докладе 1889 года «О понятии истины». В докладе Brentano утверждал, что определенные суждения находятся в отношении соответствия со своими содержаниями и собственно в силу этого истинны. Сами содержания оказываются существованием или несуществованием обсуждаемого предмета¹⁹¹. Схожую теорию суждения развивал А. Марти. В «Исследованиях основания общей грамматики и философии языка» (1908 год) он писал: «Если понятие содержания суждения, в отличие от других понятий, которые мы можем образовать, размышляя над нашими суждениями... имеет внутреннее оправдание, то оно должно означать то, что не зависит от существования судящего и что само по себе образует условие для возможной правильности акта суждения. Другими словами: ...содержание суждения есть то, что объективно обосновывает правильность акта суждения, или, точнее: то, без чего осуществление этого акта не могло бы быть правильным или адекватным. Соответственно, признавая за содержаниями суждений бытие или небытие, в смысле существования и несуществования, я уже в своих статьях о бессубъектных предложениях определял это понятие [содержания суждений] тем, что говорил: сущим будет то, что признается в верном суждении, а несущим — то, что отрицается в верном суждении»¹⁹².

Марти, подчеркивавший независимость содержания суждения от акта мышления, в некоторой степени оппонировал Штумпфу,

¹⁹⁰ Штумпф К. Цит. соч. С. 91.

¹⁹¹ Brentano Ф. Избранные работы. М., 1996. С. 112.

¹⁹² Marty A. Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie. Halle a. S., 1908. S. 295.

для которого положения дел были имманентны суждениям. Однако безусловным оппонентом Штумпфа в этом вопросе был другой ученик Brentano, А. Мейнонг, разрабатывавший всеобщую теорию предметов. В работе «О предположениях» (1902 год) он различал два вида предметов: объекты и объективы. Мейнонг отказался от термина «положение дел», поскольку естественная область применения этого термина представлялась ему достаточно узкой: например, этот термин нельзя применить к объективам, которые не имеют места, не фактичны¹⁹³. Поэтому философ из Граца предпочитал термин «объектив» и различал не только положительные и отрицательные объективы бытия (что *A есть*, что *A не есть*), но также положительные и отрицательные объективы так-бытия (что *A есть B*, что *A не есть B*); кроме того, он различал объективы об объектах и объективы о других объективах¹⁹⁴.

Заметим, что Мейнонг понимал термин «объектив» довольно широко, так что им обозначался не только некоторый предмет онтологии, но также и предмет логики: например, Мейнонг полагал, что Гуссерль всего ближе подошел к идее «объектива» в своей «Чистой логике», но только вместо простого и подсказываемого языком термина «объектив» он воспользовался термином «предложение» (*Satz*)¹⁹⁵. В связи с этим обстоятельством приведем суждение А. Райнаха: «Основное возражение, которое можно выдвинуть против Мейнонга, мне кажется, состоит в том, что его понятие объектива содержит в себе неразделенно два различных понятия — предложения (в логическом смысле) и положения дел. Не вполне удовлетворительно, как это делает Мейнонг, обозначать предложение как “постигнутый, по возможности даже высказанный, по меньшей мере, так сказать, сформулированный в словах наличный объектив”»¹⁹⁶.

¹⁹³ Ср. с соответствующим рассуждением у Марти: «Часто употребляется выражение «положение дел» и я его использовал бы, если не имелась бы эквивокация, в силу которой нередко под «положением дел» понимают только соответствующее истине и действительности содержание суждения, тогда как последний термин также обозначает содержание суждения, которому не соответствуют факты». *Marty A. Die “logische”, “lokalistische” und andere Kasustheorien.* Halle a. S., 1910. S. 81.

¹⁹⁴ *Meinong A. Über Annahmen.* Leipzig, 1902. S. 162–163.

¹⁹⁵ *Meinong A. Op. cit.* S. 197.

¹⁹⁶ *Reinach A. Zur Theorie des negativen Urteils // Münchener Philosophische*

Выражения вида «содержание суждения», «положение дел», «объектив» использовались многими философами школы Brentano так, как если бы они имели одну и ту же функцию. С помощью этих выражений Brentano, Штумпф, Марти и Мейнонг, по сути, давали одни и те же ответы на довольно разные вопросы: о том, что составляет содержание акта суждения, о том, что является значением суждения, и о том, что делает суждение истинным или ложным. Прояснить особенность каждого из вопросов и объяснить специфическую функцию «положений дел» в теории суждения сумел Э. Гуссерль во втором томе своей работы «Логические исследования» (1901 год). Он полагал, что в терминах «положений дел» отвечают исключительно на вопрос о том, что делает суждение истинным (или ложным); положения дел он строго отличал и от самих суждений с их имманентными содержаниями, и от предложений, которые теперь понимались как идеальные значения суждений. При этом функция положений дел, как объективных коррелятов определенных актов сознания, трактовалась Гуссерлем довольно широко.

Прежде всего, положения дел понимались как предметные корреляты суждений; в этой своей роли они составляли универсальную категорию, дополнявшую категорию вещей — предметных коррелятов номинативных актов. Гуссерль писал: «Объективную [сторону] подразумевающего в суждении акта мы называем обсуждаемым положением дел; мы отличаем его в рефлексии от самого акта суждения, как акта, в котором нам видится то-то и то-то так или иначе; точно так же, как при восприятии мы отделяем воспринятый предмет от восприятия как акта»¹⁹⁷. Заметим в связи с этим, что исследование категориальных различий положений дел и вещей составило ядро новой дисциплины — формальной онтологии, которую Гуссерль понимал как формальную теорию предметов и ясно отделял от формальной логики. Можно также отметить, что во многих отношениях эта формальная онтология была близка к теории предметов, развиваемой Мейнонгом¹⁹⁸.

Abhandlungen, Leipzig, 1911, S. 221. См.: Райнах А. Собрание сочинений. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 120.

¹⁹⁷ Гуссерль Э. Логические исследования, том 2, часть 1. М., 2011. С. 406.

¹⁹⁸ Любопытно то обстоятельство, что требование теории предметов, рассмат-

Далее, положения дел понимались и как несколько модифицированные корреляты специфических номинативных актов: «Если мы осуществляем суждение, т. е. акт завершенной в себе предикации, то нам представляется, что нечто есть или не есть, например *S есть P*. Однако то же самое бытие, которое для нас при этом «представимо», будет, очевидно, представимо совершенно другим образом, если мы скажем: *P-бытие [этого] S*. Точно так же... когда мы говорим: *тот факт, что S есть P*, или просто *то, что S есть P — в качестве следствия — радует, вызывает сомнение* и т.д. [...] Во всех этих случаях положение дел — но не суждение — становится для нас в некотором другом смысле предметным и, соответственно этому, представлено в другом значении, чем в суждении;.. и оно затем, очевидно, предметно в аналогичном смысле, как предметна вещь,.. — хотя положение дел не есть вещь»¹⁹⁹.

Наконец, положения дел функционировали и как корреляты актов желания и вопрошания: «Всему суждению в целом соответствует в качестве полного и целого предмета обсуждаемое положение дел, которое, как тождественное, может быть представлено в простом представлении, желаться в желании, о котором может быть спрошено в вопросе, которое в сомнении может быть подвергнуто сомнению и т.д.»²⁰⁰ Более того, акты воли, согласно Гуссерлю, соотнесены не с вещами, а с положениями дел: «желание *нож должен лежать на столе* хотя и относится к ножу, но в нем я желаю не нож, а то, чтобы нож лежал на столе, чтобы так обстояло дело»²⁰¹.

Размышления Гуссерля о *положениях дел* дальнейшее развитие получили как в работах его прямых последователей — Йоханеса Дауберга и Адольфа Райнаха, — так и в работах некоторых представителей Вюрцбургской школы (О. Зельц, Н. Ах, К. Бюлер). Для нашего исследования нет необходимости останавливаться на иде-

ривать чистый предмет как «внебытийный» (*außer-seiend*) и пребывающий по ту сторону бытия и небытия, вполне сопоставимо с феноменологическим требованием «заклЮчения в скобки» онтического статуса ноем мышления в ходе редукции к первому слою трансцендентальной субъективности.

¹⁹⁹ Гуссерль Э. Цит. соч. С. 418–419.

²⁰⁰ Там же. С. 367.

²⁰¹ Там же. С. 368.

ях этих философов, однако было бы серьезным упущением не рассмотреть теорию положений дел, представленную в «Логико-философском трактате» (1921 год) Л. Витгенштейна. Согласно Витгенштейну, простые предметы, составляющие субстанцию мира (2.021), могут находиться в определенном отношении друг к другу. Положение дел — это «некая связь предметов (сущностей, вещей)» (2.1). «Когда даны все предметы, тем самым даны все возможные положения дел» (2.0124). «Каждая вещь существует как будто в пространстве возможных положений дел» (2.013). Элементарное предложение истинно тогда, когда простые предметы, обозначаемые простыми именами, так связаны в положении дел, что конфигурация предметов отображается в структуре предложения. Согласно Витгенштейну, каждое осмысленное предложение можно в анализе представить как функцию истинности от элементарных предложений. Суть логического атомизма Витгенштейна заключается в том, что элементарные предложения (и, тем самым, соответствующие им положения дел) логически не зависят друг от друга. Мир поэтому распадается на положения дел: «совокупность всех существующих положений дел есть мир» (2.04).

Мир есть также «совокупность фактов» (1.1). Под фактом Витгенштейн понимает существование или несуществование положений дел. Существование положения дел он называет положительным фактом, а несуществование — отрицательным фактом (2.06). «Существование и несуществование положений дел есть действительность» (2.06). Картина (особенно логическая картина, предложение или мысль) «отображает действительность тем, что она представляет возможности существования или несуществования положений дел» (2.201). «Предложение представляет существование или несуществование положений дел» (4.1). «Смысл предложения — его соответствие или несоответствие возможному существованию или несуществованию положений дел» (4.2). «Простейшее предложение, элементарное предложение утверждает существование некоего положения дел» (4.21).

Несколько прояснив историю понятия *положение дел*, мы можем перейти к онтологии Г. Бергмана.

§2. Онтология Густава Бергмана

Густав Бергман считается основателем «онтологической школы города Айовы» (ее наиболее выдающиеся ученики — Герберт Хохберг и Райнхард Гроссман). Ключевые принципы этой школы можно сформулировать следующим образом: 1) онтологический анализ должен осуществляться с помощью «идеального языка»²⁰², 2) онтологический анализ должен эксплицировать наш «реалистический» (в терминологии Бергмана, «здравый») взгляд на мир²⁰³, 3) онтологический анализ должен установить «конституэнты» реальности, выделить сущности, имеющие онтологический статус²⁰⁴. Прежде чем раскрыть эти принципы и указать на альтернативные модели онтологии, а тем самым доопределить онтологический проект Бергмана, мы рассмотрим саму систему — ее ключевые положения и основные понятия.

В онтологии Бергмана ключевую роль играет «принцип знакомства», переставший быть просто критерием, позволяющим усугублять значение неопределенных знаков логического (идеального) языка, и ставший критерием существования. Одна из его

²⁰² Если следовать схеме, предложенной Питером Стросоном (*Strawson P.F. Individuals. An Essay in Descriptive Metaphysics. London, 1959. P. 9; см.: Стросон П.Ф. Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики. Калининград, 2009. С. 8*), то онтология Бергмана и его последователей окажется не дескриптивной, а ревизионистской — «философствуя посредством идеального языка», онтолог пытается «выйти за пределы мира», он не удовлетворяется той картиной, которую ему предоставляет наше актуальное мышление о мире. См.: *Bergmann G. Strawson's Ontology // The Journal of Philosophy, Vol. 57, №19 (1960), p. 608.*

²⁰³ Иными словами, гносеологическая установка Бергмана и его последователей — так называемый «реализм», который следует понимать и как анти-идеализм и как анти-материализм: в мире онтологов из Айовы встречаются тела и личности, т.е. наделенные сознанием тела.

²⁰⁴ Николас Вольтершторфф предлагает называть такую онтологию «конституэнтной» (*constituent-ontology*), ключевой вопрос которой, определяющий всякое дальнейшее вопрошание — «Каковы конституэнты обычной вещи?». См.: *Wolterstorff N. Bergmann's Constituent Ontology // Nous, Vol. 4, №2 (1970), p. 111.* Мы склоняемся к тому, чтобы назвать онтологию Бергмана «дискретной», по примеру Хазенъегера: онтологической экспликации подвергается наше представление о мире как о том, что состоит из вещей, имеющих определенные свойства и вступающих в определенные отношения. См.: *Hasenjaeger G. Einführung in die Grundbegriffe und Probleme der modernen Logik. Freiburg/München, 1962. S. 31.*

формулировок у Бергмана — следующая: «Имеются разные вещи, с которыми мы знакомимся, как только они предстают перед нами. Если одна из таких вещей предстает перед нами снова, то мы признаем ее»²⁰⁵. Стоит отметить, что принцип знакомства, по сути, лишь отражающий привычное для нас убеждение, что всё существующее может быть объектом нашего восприятия, встречается уже у Беркли и Юма, которые использовали его в своей критике учения о субстанциях²⁰⁶. Его явную формулировку мы находим, безусловно, в работах Рассела²⁰⁷; однако принцип знакомства у Рассела все-таки тесно связан с собственно анализом языковых выражений и получает преимущественно лингвистическую трактовку: выражение, чтобы быть осмысленным, должно содержать такие термины, со значением/референтами которых мы знакомы. Такие значения/референты и оказываются «логическими атомами» системы Рассела. Для Бергмана применение принципа знакомства не ограничивается сферой анализа языка, но распространяется на всякое исследование (и онтологию *par excellence*): в согласии с принципом знакомства, исследование считается неадекватным, если простые компоненты произведенного анализа нам не представлены / не знакомы. Надо заметить, что слово «представление» у Бергмана получает столь широкую трактовку, что «предстоящими» оказываются весьма многие «вещи». В приведенной нами бергмановской формулировке принципа знакомства, кстати, мы могли бы вполне заменить слово «вещи» на «физические объекты» и «быть представленным» на «быть воспринимаемым» — вышла бы своего рода «азбучная истина»; но принцип знакомства, по Бергману, вовсе не предполагает такую спецификацию, а потому исследователь волен сам определять вид тех объектов, с которыми он будет работать.

Бергман полагает, что наряду с объектами непосредственного (прямого) знакомства существуют также объекты опосредованного (непрямого) знакомства. Мы можем быть знакомы, с одной сто-

²⁰⁵ Bergmann G. *Meaning and Existence*. Madison, 1960. P. 44.

²⁰⁶ См.: Allaire E. *The Attack on Substances: Descartes to Hume // Dialogue*, 3 (1964), p. 281–287.

²⁰⁷ См.: Russell B. *Mysticism and Logic*. London, 1917. P. 209f.

роны, с так называемыми «феноменальными» сущностями (теми объектами, которые существуют только «в сознании»²⁰⁸ — Sense-Data и акты сознания), с другой стороны, в широком смысле перед нами опосредованно «предстают» сами «внешние» физические, чувственно воспринимаемые объекты (например, стулья, столы и камни). Подчеркивая возможность знакомства с «не-феноменальными» чувственно воспринимаемыми объектами, Бергман пытается устранить слабости «феноменалистской» программы логических позитивистов, бывших коллег по Венскому кружку (сама эта слабость заключается в опасности превратить объекты восприятия в то, что сконструировано из «чувственных данных», и через это — в нечто фиктивное). Приписывая актам сознания статус существующих, Бергман борется со слабостями «физикалистской» программы, в рамках которой мир редуцируется к материальным, физическим процессам. Эти два момента являются характерными для той позиции, которую занимает Бергман и которую он называет «адекватным» реализмом²⁰⁹.

«Принцип знакомства» получает у Бергмана такое применение, что в его системе появляются сущности, которые не согласятся признать многие онтологи. Бергман полагает, что «форма мира» (то есть, не совсем точно, то, что находит свое отражение в логике, то, выражение чего будет предполагать «онтологизацию» логики) в некотором смысле всегда предстает перед нами, и, следовательно, она может считаться «существующей». Особое значение онтолог придает всему, что «репрезентируется» логическими знаками в правильно построенных предложениях.

То, что «логическая форма»²¹⁰ и характерные для нее особенности предстают перед нами, Бергман демонстрирует с помощью

²⁰⁸ Техническое для Бергмана выражение, означающее, что (1) объект «имманентен» акту сознания (лишь интендируется состоянием сознания) и (2) объект оказывается «первичной интенцией» акта. См.: *Bergmann G. Logic and Reality*. Madison, 1964. P. 326. Различие между «первичной» и «вторичной» интенцией акта соответствует проводимому Brentano различию между первичным и вторичным объектами акта: первичен для акта некоторый его предмет, вторичен — он сам.

²⁰⁹ *Bergmann G. Logic and Reality*. Madison, 1964. P. 131.

²¹⁰ Выражение «логическая форма» обозначает семейство логических форм: это и то, что представлено формами («внешним видом») (нелогических) знаков

двух исследовательских приемов: (1) он производит логический анализ специально сконструированных («мысленных») примеров²¹¹, (2) он осуществляет метаязыковое исследование — конструируя «идеальный язык», или средство «идеализации» естественного языка²¹².

Используя последний прием, Бергман демонстрирует, что логическая структура «идеального языка» (а именно, то, что выражается в синтаксических и семантических правилах языка) отра-

языка и правилами их комбинирования, и то, что представлено логическими знаками, и то, что наделяет знаки свойством «иметь одну и ту же форму», и то, что делает предложение аналитическим, и так далее.

²¹¹ Примером является следующее рассуждение: «Когда я знаю, что это — зеленое пятно, тогда я также знаю, что (1) пятно есть индивид, (2) цвет есть признак, и (3) первое индивидуализирует (exemplifies) второе (а не, наоборот, второе — первое). Откуда я мог бы знать все это, если, в некотором смысле, оно не предстало передо мной? Чтобы лучше понять идею, рассмотрим два разноцветных пятна, одно зеленое, другое красное, как бы попавших в поле моего зрения. Когда в моем поле зрения предстают эти два пятна, я уже знаю, какое пятно какой цвет индивидуализирует, а также то, что ни одно из пятен не индивидуализирует цвет другого пятна. Откуда, спрашивается, я мог бы знать обо всех этих вещах, если они не предстали передо мной? Есть три дополнительные конституэнты факта — соответственно, два «свойства» (1) индивидуальности и (2) универсальности, а также «связка» (3) экземплификации (exemplification)» (*Bergmann G. Logic and Reality. Madison, 1964. P. 47f.*).

²¹² «Идеальный язык» — особое орудие в руках онтолога; функции такого языка: (1) сделать ясным тот язык, на котором мы говорим, но который не совсем понимаем, с помощью языка, который мы полностью понимаем, но на котором не говорим; (2) отразить категориальные признаки мира в своих структурных свойствах. Надо заметить, что Бергман отличает «идеальный язык» от «улучшенного»; язык может быть назван идеальным только если в нем выполняются три условия: (1) Каждое не-философское, дескриптивное предложение принципиально может быть в нем выражено, (2) Пункт 1 недействителен для «не реконструированных» философских предложений, (3) Все философские предложения можно реконструировать как высказывания (этого языка) через правильно подобранный синтаксис и интерпретацию (*Bergmann G. Meaning and Existence. Madison, 1960. P. 43*). См. также: *Bergmann G. The Metaphysics of Logical Positivism. Madison, 1954. P. 39–43*. Различие между философскими и не-философскими предложениями, по Бергману, основывается на различии в употреблении слов: в таком предложении, как «Мир состоит из простых объектов», слово «состоит» употребляется философски; в предложении «Тело состоит из анатомических элементов» слово «состоит» употребляется уже физиологически. Исключительно философское словопользование Бергман находит проблематичным и предлагает реконструировать философские предложения в таком языке, в котором ни одно слово не могло бы употребляться философски.

жает логическую форму мира. Несомненно, наделяя онтологическим статусом «логические сущности», Бергман подвергает себя опасности серьезной, даже разрушительной критики. Однако, по всей видимости, позиция реалиста и сторонника теории отражения (то есть убеждения, что определенные системы репрезентации отражают действительность), обязывает быть готовым к тому, чтобы делать «структуры реальности» предметом онтологического исследования. Попытка отказа от теории отражения и «наивно-го» реализма чревата особыми сложностями: логические системы в таком случае приобретут характер произвольных конструкций, а привычная убежденность в том, что мир не зависит от языка и сознания, потребует тщательного прояснения. С возникающими сложностями Бергман не пожелал разбираться. И, как видится, онтологизация логических форм оказывается той ценой, которую приходится платить, если позволить себе усомниться в том, что наиболее общие логические правила, относящиеся к самой основе нашего и многих иных языков, полностью произвольны и покоятся на простых конвенциях. Разработанный Бергманом метод конструирования «идеального языка» (который он также называл «методом реконструкции» — реконструкции «метафизических допущений», лежащих в основе тех или иных систем) — изначально, как способ уточнить аналитические (логические) процедуры, разрабатываемые Расселом и Витгенштейном²¹³, — позволяет прояснить роль «логических сущностей» в онтологии. В

²¹³ Речь идет об уточнении и, далее, «онтологической» экспликации синтаксических процедур, представленных в *Principia Mathematica*. Следует отметить, что для Бергмана основной вопрос «Логико-философского трактата» сводится к вопросу «Как предложению удается репрезентировать факт?» (*Bergmann G. Logic and Reality. Madison, 1964. P. 247*). Заметим также, что Бергман в такой трактовке очевидным образом солидаризуется с Расселом: для последнего вопрос: «В каком отношении один факт (такой, как предложение) должен находиться к другому, чтобы иметь возможность быть символом этого другого?» — оказался тем логическим вопросом, который преимущественно интересовал Витгенштейна. См.: *Wittgenstein L. Tractatus Logico-philosophicus. London, 1961. P. ix*. И далее, где бы в «Логико-философском трактате» Витгенштейн ни анализировал логическую форму языкового выражения, в силу которой выражение нечто репрезентирует, он всегда прибегает к символизму *Principia Mathematica*. Уточнение этого символизма дает Бергману повод для критики Витгенштейна.

результате выявляются такие формы, как «экземплификация», «индивидуальность» и «универсальность» — то, что позволяет онтологически эксплицировать определенные аспекты правил логического синтаксиса, а также интуитивно понятное преимущество стандартных двузначных систем над многозначными²¹⁴.

Следует еще раз отметить, что система Бергмана, как следствие его усилий по цельному и «адекватному» анализу «логических» сущностей, может показаться не вполне приемлемой и, в некоторых случаях, даже «экстремальной». Последняя характеристика может быть верной постольку, поскольку философ старается придерживаться знаменитого «правила Оккама». Требования экономности к выстраиваемой онтологии Бергман не придерживался и этим отличался, в частности, от Рассела, для которого такое требование нашло реализацию в теории дескрипций (например, демонстрирующей то, что имеются средства, позволяющие избежать того, чтобы приписывать некоторый существующий предмет (пусть даже и в статусе «существующей» возможности) всем «компонентам» грамматически корректно построенных предложений). Возможный способ избежать упреков в «неэкономности», которым Бергман на деле не воспользовался, но который стали применять его ученики, представители «онтологической школы Айовы» Г. Хохберг и Р. Гроссман, — сделать «принцип знакомства» эмпирически чуть более строгим. Можно, например, считать, что мы не знакомы с некоторыми логическими формами²¹⁵.

Приведенные оговорки, однако, не нарушают категориальную сетку, намечаемую Бергманом. Категории, отражающие характерные особенности структуры реальности, суть следующие:

(А) Индивиды и универсалии. Они предстают как простые составные части более сложных сущностей. Они образуют «логические атомы», которые в «идеальном языке» Бергмана обозначаются простыми именами; из них, на деле, состоит мир. Мы знакомы,

²¹⁴ Бергман полагал, что многозначные логические системы продолжают определяться «двузначностью» метаязыка, поскольку каждое высказывание в этих системах, согласно изначальному предположению, либо обладает определенным истинным значением, либо нет. См.: *Bergmann G. Logic and Reality. Madison, 1964. P. 53.*

²¹⁵ См. например: *Grossmann R. The Structure of Mind. Madison, 1965. P. 164–168.*

однако, не с «чистыми» (или «голыми» — bare) индивидами или универсалиями, а с универсалиями (свойствами или отношениями), представленными («экземплифицированными») в индивидах. В системе имеются логические атомы двух типов — на том основании, что этого требует наш онтологический анализ; вслед за Бергманом мы можем исследовать такой пример: даны два совершенно одинаковых красных пятна; онтологическим основанием их «одинаковости» является универсалия «красный», основанием их различия (если мы допустим дополнительно, что оба пятна одинаковы во всём остальном) является индивид каждого из пятен. Итак, универсалии объясняют «тождество в различии», а индивиды — «различие в тождестве»²¹⁶.

Однако простое «нагромождение» индивидов и универсалий еще не будет исчерпывающим описанием структуры реальности. Необходимо указать, в силу чего индивиды и универсалии друг с другом связаны. Следовательно, без допущения связывающих элементов сложно будет понять отличие простого нагромождения от упорядоченных особым образом комплексов. Сами связывающие элементы должны быть лишены «предметного» характера и всех особенностей, которые есть у индивидов и универсалий как простых сущностей. В противном случае возникнет проблема, известная под названием «бесконечный регресс Брэдли»²¹⁷: дотошный исследователь начнет выяснять, что связывает связывающие элементы со связываемыми сущностями, и... конца такому исследованию не будет. Итак, помимо индивидов и универсалий в мире обнаруживаются такие категориальные сущности (т.е. представители отдельных, друг к другу не сводимых категорий), как факты и формирующие их «субсистенты» (subsistents).

(Б) Факты. Простейшие комплексы, атомарные факты, образуются с помощью логического, асимметрического отношения «экземплификации» (то есть с помощью своеобразного «онтологического клея», склеивающего в единый комплекс индивид и универсалию). Полное описание мира требует признания также сле-

²¹⁶ Bergmann G. Meaning and Existence. Madison, 1960. P. 92.

²¹⁷ Своеобразная «авторская» его формулировка встречается в: Bradley F.H. Appearance and Reality. London, 1916. P. 21.

дующих фактов: частные и общие факты, ментальные факты (на деле — акты сознания) и негативные факты; эти факты индуцируют определенные формы мира — соответственно, существование и общность, интенциональность и негативная экземплификация.

(В) Субсистенты. Они позволяют несвязанные последовательности логических атомов оформлять в комплексы; они — логические или формальные связки, гаранты единства, «спаянности» нашего мира.

Так возникает мир, в котором кроме индивидов и универсалий существуют также факты, «субсистируют» (каким-то образом в мире пребывают и не обращаются в ничто) логические формы. Различия этих сущностей отражаются в «идеальном языке»: в очевидных различиях между «простыми именами» (знаками для индивидов и универсалий), сложными последовательностями знаков, логическими константами и правилами языка. Надо заметить, что Бергман остерегается говорить о различии в «модусах существования»: «Это не означает, что имеются два (или более) способа существования; «существовать», в действительности, унивокально; <...> есть несколько родов существующего, и различие между высшими родами или типами на деле весьма велико»²¹⁸.

Представив в общих чертах онтологическую систему Бергмана, мы можем вернуться к вопросу об отличиях ее от других онтологических систем.

I. Существенное отличие онтологии Бергмана от «дескриптивной» (анализирующей характерные особенности нашей концептуальной схемы) онтологии Стросона — в используемом аналитическом орудии. Оба философа, жившие в эпоху совершившегося лингвистического поворота, «философствуют о мире посредством языка». Однако Стросон — «философ обыденного языка», а Бергман философствует с помощью идеального языка. «Философ обыденного языка» исследует язык, на котором мы говорим, точнее, он исследует особенности коммуникации, то, как мы научаемся языку и как с его помощью общаемся. «Философ идеального языка» полагает, что поскольку первичная цель обыденного языка —

²¹⁸ *Bergmann G. Logic and Reality. Madison, 1964. P. 129.*

коммуникация, постольку он не подходит на роль «языка», посредством которого (но не в котором) мы философствуем. Идеальный язык — только схема, «скелет языка», он не может использоваться в целях коммуникации; его цель — служить «картиной» (picture) мира.

Рассмотрим примеры, которые проиллюстрируют разницу в подходах двух философов. Характерное для Бергмана рассуждение: «В поле восприятия, которое состоит только из цветного пятна и ничего другого, мне представлены две сущности, пятно и его цвет; и три логические характеристики, индивидуальность, универсальность и экземплификация, показываемые, соответственно, пятном, цветом и фактом того, что первое индивидуирует второе. Мой Идеальный Язык изображает две сущности с помощью двух синтаксически примитивных знаков, часто называемых неопределенными дескриптивными знаками; три логические характеристики изображаются формами этих знаков и их совместным расположением»²¹⁹. Типичную для Стросона схему рассуждения мы можем реконструировать следующим образом. Допустим, что Том, разговаривая с Диком, который не знает Гарри, указывает ему на высокого блондина, проходящего мимо, и говорит: «Это Гарри». Допустим, что в этом случае (в этом контексте) определенная дескрипция «высокий блондин, прошедший мимо» недвусмысленна. Тогда, независимо от жеста Тома, способность Дика успешно коммуницировать в другой ситуации, где приходится говорить о Гарри, с необходимостью предполагает его возможность идентифицировать Гарри, а это, в свою очередь, предполагает, что в первой ситуации, когда Дик учился употреблять имя «Гарри», факт, делающий определенную дескрипцию истинной и недвусмысленной, был непосредственно ему представлен. Коммуникация была бы невозможна, если бы не было класса сущностей, которые говорящий и слушающий могли определенным образом «опознавать» (identify) и «отождествлять» (или «узнавать как то же самое» — reidentify). Таким классом для Стросона оказывается класс тел, то

²¹⁹ *Bergmann G. Strawson's Ontology // The Journal of Philosophy, Vol. 57, №19 (1960). P. 609.*

есть привычных физических объектов (столы, а не электроны). Тела поэтому становятся «базовыми индивидами» и определяют односторонний онтологический порядок²²⁰. Для Бергмана такая иерархия — вовсе не порядок Бытия, и даже не порядок Познания, но порядок, задаваемый коммуникацией; онтологическим, по Бергману, его можно назвать лишь условно.

II. Свою позицию Бергман характеризует как «реализм», понимая под этим (а) антиномализм (универсалии существуют независимо от мышления и языка), (б) антиидеализм (существуют определенные непсихические сущности — т. н. «тела» (*bodies*)), (в) антиматериализм (существуют определенные психические сущности — т. н. «сознания» (*minds*)). «Адекватность» такого реализма заключается в том, что применяемая система категорий не требует существенного изменения в тех случаях, когда необходимо «онтологически» эксплицировать «ситуации познания» (*knowing situations*) — ситуации, в которых субъект осознает объект как воспринимаемое, мыслимое, желаемое и так далее. По Бергману, «ситуация познания» включает в свой состав три компоненты: (1) того, кто познает, (2) то, что познается, и (3) связь между первым и вторым²²¹. Познающее, т. е. сознание, есть одна конституэнта психического акта; познаваемое есть интенция акта и вторая конституэнта; связь между познающим и его интенцией называется «интендированием» (*intending*). По своей «природе» «интендирование» подобно «экземплификации» и относится к категории субсистентов.

Соответственно, в онтологии Бергмана различие между психическими и непсихическими сущностями есть различие между двумя типами универсалий. Индивиды (*bare particulars*) и связки не могут трактоваться ни как психические, ни как непсихические. Акт есть комплекс, или факт, в котором индивид индивидуализирует две универсалии — мысль (то, что познается в «ситуации по-

²²⁰ *Strawson P.F. Individuals. An Essay in Descriptive Metaphysics. London, 1959. P. 38–40. См.: Стросон П.Ф. Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики. Калининград, 2009. С. 43–46.*

²²¹ *Bergmann G. Realism — A Critique of Brentano and Meinong. Madison, 1967. P. 126.*

знания») и вид (тип или модус акта познания — «быть восприимчивым», «быть воспоминанием» и т. д.). И, таким образом, в онтологии Бергмана предложения «Это зеленое и круглое пятно» и «Это акт восприятия пятна» анализируются одним и тем же образом; их общее схематическое выражение — $\mu(a, A_1, A_2)$. Оба предложения выражают факты, «в» составе которых можно выделить связку (экземплификация/интендирование — обозначается через « μ »), индивид (обозначается через « a » — обычный индивид/сознание) и две универсалии (обозначаются через « A_1 » и « A_2 » — две «непсихические» универсалии/«психическая» и «непсихическая» универсалия).

Свою «реалистическую» онтологию Бергман противопоставляет онтологиям двух знаменитых австрийских философов — Франца Brentano и Алексиуса Мейнонга²²². Позицию Brentano, согласно Бергману, скорее можно охарактеризовать как (а) номинализм (особого толка, получивший название «реизм», от *res*: реальными сущностями оказываются только индивидуальные сознания и обычные вещи), (б) антиидеализм (но в трактовке Бергмана такой антиидеализм оказывается скорее «репрезентационизмом» или скрытым идеализмом), (в) антиматериализм. Позицию Мейнонга можно охарактеризовать как антиноминализм, анти-идеализм и антиматериализм (но недостатки в глазах Бергмана имеет и эта система — она остается до некоторой степени «реистской»).

Согласно Бергману, ключевая стратегия в обосновании «реизма» заключалась в последовательном различении автосемантических (*selbstbedeutenden*) и синсемантических (*mitbedeutenden*) выражений²²³. Автосемантические выражения обозначают конкретные

²²² См.: *Bergmann G. Realism — A Critique of Brentano and Meinong*. Madison, 1967. P. 221–444. Стоит отметить, что в данной работе главным объектом критики для Бергмана становится онтология «позднего» Brentano, предполагающая, что предметами нашего сознания могут быть только конкретные вещи или «реальное».

²²³ Предложено Антоном Марти; см.: *Marty A. Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie*, Halle a. S., 1908. S. 205ff. Надо заметить, что Brentano, не решившийся впоследствии пойти по пути Казимира Твардовского и различать предмет и содержание психических актов, чтобы избавиться от двусмысленности понятия «предмет акта», был вынужден оговаривать, что термин

сущности (нечто реальное, а не фиктивное), а синсемантические выражения суть то, что Рассел называл «неполными символами». Необходимая предпосылка реизма Brentano — только общие дистрибутивные имена и имена собственные должны быть автосемантическими выражениями (слово «собака» обозначает дистрибутивно собаку «Шарик», собаку «Барбос» и т.д.).

В интерпретации Бергмана, реизм приводит к репрезентационизму и идеализму (что особенно проявляется в Brentanовской теории истины). Рассмотрим следующий пример: требуется адекватно проанализировать предложение «Я вижу стул». Согласно Бергману, Brentano может предложить только следующую парфразу, «адекватно» раскрывающую данное предложение: «Воспринимающее-стул-сознание существует». Бергман соглашается с тем, что любое синтетическое предложение всегда можно перефразировать в экзистенциальное предложение (или их конъюнкцию); однако, полагает он, адекватно проанализировать условия истинности таких предложений крайне сложно. Более конкретно:

(а) Предложение «Воспринимающее-стул-сознание существует» не предполагает, что стул, интенциональный объект сознания, существует. Согласно корреспондентной теории истины, предложение тогда истинно, когда существует непсихическая сущность (факт), которая «соответствует» предложению. Однако в рамках онтологии Brentano «корреспондентная теория» уже не работает: «корреспонденция» не может пониматься ни как отношение (универсалия), ни как синсемантическое «интендирование» (поскольку то, что интендируется актом, есть характеристика одного лишь акта). Brentano поэтому отбрасывает «корреспондентную теорию» и принимает теорию самоочевидности истины. В более богатой онтологии Бергмана «корреспондентная теория» продолжает полноценно функционировать.

(б) Синсемантическое выражение «стул», которое входит в истинное или ложное предложение «Воспринимающее-стул-сознание существует», не обозначает ни сознание, ни физический

«предмет» получает значение только в зависимости от позиции, занимаемой им в предложении, и не имеет самостоятельного значения.

объект. При этом существование физического объекта, который (за исключением того, что он может существовать) подобен интенциональному объекту, гарантируется только тогда, когда предложение истинно. Интенциональный объект репрезентирует существующий объект, если предложение истинно, и ничего не репрезентирует, если предложение ложно. А если так, то позиция Brentano должна характеризоваться как «репрезентационизм»²²⁴.

Согласно Brentano, предложение «Я утверждаю/отрицаю, что объект А существует» следует интерпретировать как «Я признаю/отвергаю А», и это предложение истинно, если акт признания/отвержения либо самоочевиден, либо сводим к серии самоочевидных актов признания/отвержения, при этом сами переходы между актами также должны быть самоочевидны. В результате предложенного анализа, как указывает Bergmann, факт, делающий истинным/ложным предложение «Я утверждаю/отрицаю, что объект А существует» (и говорящий о том, что А существует), превратился в некоторую имманентную сознанию акциденцию. А это, по Bergmannу, идеализм²²⁵.

С онтологией Мейнонга возникают также особые проблемы. Согласно Bergmannу, ее самое слабое место — невозможность адекватно эксплицировать различие между обычной вещью (скажем, α) и набором ее качеств ($a_1 \dots a_n$). Качества в онтологии Мейнонга — это индивиды; поскольку набор качеств отдельно взятого стола отличается от самого стола, то что-то еще должно быть добавлено к набору качеств, чтобы мы получили полноценную вещь. Онтолог-реист (каким оказывается Мейнонг, согласно Bergmannу) может добавить лишь другой индивид, некоторый X, так что условием существования α будет существование набора ($a_1 \dots, a_n$ X) в дополнение к набору ($a_1 \dots a_n$). Однако, согласно Bergmannу, такое решение не приводит к результату: если набор каких-то индивидов не образует новый индивид, то простое расширение набора также ничего не дает.

²²⁴ Bergmann G. Realism — A Critique of Brentano and Meinong. Madison, 1967. P. 225.

²²⁵ Ibid. P. 303.

Можно было бы, по примеру Фреге, новый индивид понимать как значение функции, аргументами которой являются качества. Однако с позиции Бергмана «онтология функций» имеет свои недостатки, к рассмотрению которых мы и переходим.

III. Как указывалось (третий принцип «онтологической школы Айовы»), ключевым понятием онтологии Бергмана становится понятие «быть конституэнтной некоторой вещи». В онтологии функций (согласно Бергману, первые варианты такой онтологии мы можем найти уже у Фреге) ни одна сущность не способна стать конституэнтной какой-либо другой сущности. Элементы анализа не соединяются связкой, а координируются друг с другом на манер математических функций («функций» в общем смысле, как их понимал, например, математик Дирихле). Функция просто координирует друг с другом элементы двух множеств (или элементы каких-либо собраний). В онтологии функций утверждение о том, что красное и круглое пятно существует, может быть проанализировано как функция, координирующая пространственный регион r , временной интервал t и качества «красный» и «круглый» со значением «истина», если такое пятно существует, или со значением «ложь», если не существует: $f(r, t, \text{красный}, \text{круглый}) = \text{И}$ или $f(r, t, \text{красный}, \text{круглый}) = \text{Л}$.

Все различия между двумя типами онтологий («комплексной» Бергмана и «функциональной») связаны с различием в способе объяснения индивидуальности обычных вещей. Онтологический анализ Бергмана схематически может быть представлен так: $\gamma_1(\alpha, A_1, \dots, A_n)$, где α — это индивид (*bare particular*), A_1, \dots, A_n — индивидуализируемые им универсалии, γ_1 — связка (т. н. «экземплификация»). «Функциональный» онтолог свой анализ схематически может представить так: $\gamma_2(i_1, i_2, a_1, \dots, a_n)$, где малые латинские буквы обозначают качества двух видов: «координатные» качества i_1 и i_2 , или пространственные места и моменты времени, в которых локализуются другие качества a_1, \dots, a_n . «Координатные качества» Бергман предлагает называть «совершенными качествами», так как именно они индивидуализируют другие качества. Таким образом, в «функциональной онтологии» анализ обычной вещи предполагает лишь две категории — качеств и фактов (то есть качеств,

скоординированных связкой γ_2). В «комплексной онтологии» имеется три типа категориальных сущностей — индивиды, универсалии и факты (то есть, универсалии, связанные с индивидами при помощи связки γ_1)²²⁶.

Два главных недостатка «онтологии функций» Бергман видит в том, что 1) такая онтологическая модель не позволяет адекватно эксплицировать различие между универсалиями и индивидами (дело в том, что «координатные качества» являются не только «индивидуаторами», но и собственно качествами), 2) далее, такая модель не позволяет продемонстрировать (интуитивно ясное) различие между комплексами просто скоординированных сущностей и фактами.

Наиболее удачным способом, как полагает Бергман, образ нашего мира передает только его онтологический анализ, с тройкой категориальной сеткой (индивиды и универсалии — факты — субсистенты). Такую «картину мира» (с такой ее структурой) вполне можно, на наш взгляд, обозначить термином «дискретная онтология». Эта картина предполагает, что мир состоит из вещей, которые имеют определенные свойства и которые вступают в разные отношения друг с другом. Эта (несколько «реистская», в сопоставлении с системой Эрвина Тегтмайера) структура мира не зависит от нашей возможности что-либо о ней знать; более того, общезначимость определенных схем высказываний объясняется тем, что в основе всего лежит эта структура. Различные (логические) отношения между вещами и свойствами/отношениями имеют место независимо от того, какие именно конкретные вещи и свойства/отношения подразумеваются. И, например, в отношении вещей всех возможных типов мы можем утверждать, что какая-то вещь данного типа либо обладает определенным свойством, либо нет, и что есть, по крайней мере, одна вещь этого же типа, которая не обладает таким свойством.

²²⁶ Ср.: *Koerner S. On Bergmann's Ontology // Philosophy of Science, №1 (1968), P. 66–67.*

§3. Онтология Эрвина Тегтмайера

От онтологии Бергмана перейдем к S-онтологии Э. Тегтмайера²²⁷. Вначале мы представим общие положения его системы, затем обратимся к некоторым деталям, а также укажем на одно уточнение, сделанное Р. Хюнтельманом.

Всё, что существует, есть либо предмет (Sache), либо «положение дел» (Sachverhalt), либо форма. Понятие предмета охватывает собой, согласно Тегтмайеру, понятие индивида, понятие свойства и понятие отношения. Положения дел состоят из индивидов, свойств и отношений. Положения дел строго комплексны, предметы строго просты. Формы тесно связаны с индивидами, свойствами, отношениями или положениями дел — они как бы «пребывают» в них. Индивиды имеют форму индивидуальности, свойства и отношения, фундированные положениями дел, обладают в совокупности всею разными формами. Формы предметов дифференцируются в согласии с типами предметов²²⁸. Отношения и свойства в S-онтологии трактуются как универсалии. Далее, положения дел также имеют формы. Атомарные положения дел, то есть положения, состоящие только из предметов, имеют форму экзemplификации. Формами молекулярных положений дел являются конъюнкция, дизъюнкция, импликация, отрицание и квантификация. Все связи между предметами свое основание имеют в положениях дел, то есть они не должны фундироваться какими-то дополнительными сущностями.

²²⁷ В отличие от той системы, которую представил Д. фон Вахтер, назвавший ее «региональной онтологией», Тегтмайер предложил «всеохватывающую онтологию»: «Как уже сообщалось, я кратко опишу теперь онтологию, современную онтологию, которая охватывает весь мир, которая охватывает как физическое, так и психическое». И далее: «Всё то, что имеет место в мире, классифицируется онтологией по немногим родам, различным категориям. Сущности разных категорий различаются максимально. Им общо не более чем то, что они сущности, т. е. что они существуют. Но это не реальная общность, т. е. она не основывается на некоторой [вышестоящей] сущности. Само существование не есть существующее, не есть сущность. Когда говорится о некоторой сущности, что она существует, то основывается такое утверждение на самой этой сущности». (Tegtmeier E. Grundzüge einer kategorialen Ontologie. Dinge, Eigenschaften, Beziehungen, Sachverhalte. Freiburg/München, 1992. S. 37.)

²²⁸ Tegtmeier E. Op. cit. S. 43ff.

Связь между положениями дел также основывается на положениях дел, а именно, на молекулярных положениях дел. Тем самым, отношения (реляции) не являются в S-онтологии связывающими сущностями. Обратимся к деталям этой системы²²⁹.

Что такое положение дел? Это комплекс из предметов или других положений дел. То, что Мария носит платье карминного цвета, есть атомарное положение дел: оно состоит из двух индивидов (Мария и платье), одной одноместной универсалии (карминный цвет) и одной двухместной универсалии (отношение ношения). То, что Мария носит платье карминного цвета и туфли бордового цвета, есть молекулярное положение дел, форма которого — конъюнкция. Оно состоит из двух положений дел (что Мария носит платье карминного цвета и что Мария носит туфли бордового цвета), связанных между собой конъюнкцией.

Положения дел «замещают» собой то, чем в классической онтологии были вещи. Вещи классической онтологии в S-онтологии понимаются как объемные конъюнктивные положения дел, компонентами которых являются простые свойства и (иногда) отношения. Основная причина, по которой классические вещи, понимаемые как «первые сущности» или «субстанции», следует трактовать как положения дел, заключается в том, что реистские

²²⁹ Ср. с S-онтологией Д. Армстронга: «Гипотеза этой работы («Мир положений дел»). — *Д.М.*) — то, что мир, всё, что есть, это мир положений дел... Общая структура положений дел, как будет доказано, такая. Положение дел существует, если и только если индивид (позднее именуемый «пустым» (*thin*) индивидом) имеет свойство или, наоборот, отношение имеет место между двумя или более индивидами. Каждое положение дел, и каждая конституэнта любого положения дел, а под конституэнтами подразумеваются индивиды, свойства, отношения, и в случае высокоуровневых положений дел, положения дел более низкого уровня, существуют контингентно. Свойства и отношения суть универсалии, не партикулярии. Отношения все суть внешние отношения. Полезно допустить молекулярные положения дел. Они, однако, только конъюнкции (но не негации и дизъюнкции) исходных положений дел. Молекулярные положения дел не образуют онтологическое дополнение к членам конъюнкции». (*Armstrong D.A. World of States of Affairs. Cambridge, 1997. P. 1.*) Отличие системы Армстронга от системы Тегтмайера в том, что первый трактует универсалии (свойства) как всегда экземплифицированные («в» индивиде и полностью в нем присутствующие (своеобразный «имманентный реализм»), тогда как для второго универсалии совершенно независимы и отделены от индивида («трансцендентный реализм»).

онтологии были «несправедливы» к отношениям (реляциям)²³⁰. В S-онтологии вещи трактуются уже как бескачественные индивиды (*bare particulars*). Индивиды тогда оказываются зависимыми от универсалий точно так же, как в классической схеме универсалии зависели от индивидов; иными словами, в нашем мире индивиды встречаются лишь как компоненты положений дел. То же самое верно для других предметов.

Согласно классической аристотелевской концепции, мы можем различать два вида свойств: такие, которые присущи сущности лишь внешне, и такие, которые внутренне ей присущи. Последние называются сущностными свойствами. Однако если свойства строго просты, то сущностные свойства не должны существовать, поскольку каждое сущностное свойство может пониматься как комплекс, состоящий из простых свойств. Если все сущностные свойства можно свести к простым свойствам, то все свойства оказываются для индивида внешними (трансцендентными) и связываются с ним только в положении дел.

Другая проблема классической онтологии, перешедшая в S-онтологию, — проблема понимания отношения, установившегося между частями некоторого целого. Что связывает различные части материальной вещи в целую вещь? Кошка, например, имеет голову, глаза, хвост и т. д., которые, в свою очередь, сами состоят из частей. Отношение между частью и целым обычно описывалось с помощью метафоры: что целое есть «нечто большее», чем сумма его частей. Но выражение «большее» никак не пояснялось, и смысл предложения оставался туманным. В S-онтологии это «большее» некоторого целого в отношении к частям фундируется положениями дел. То, что кошка имеет голову, глаза, хвост и т. д., есть конъюнктивное положение дел, которое состоит из множества индивидов, соотнесенных с некоторым индивидом (кошка) посредством отношения обладания. Итак, вещи в S-онтологии понимаются как бескачественные индивиды, связываемые в положениях дел с другими индивидами, или свойствами и отношениями.

²³⁰ Tegtmeier E. Op. cit. S. 19ff; ср.: Bergmann G. *Logic and Reality*. Madison, 1964. P. 253ff.

Под свойством в S-онтологии понимают нереляционную универсалию. Свойства образуют подкатегорию в категории предметов; от индивидов они отличаются тем, что не могут локализоваться в пространстве и времени. Между свойствами имеется подобие (или таковое отсутствует). Между индивидами самими по себе отношение подобия не имеет места; они могут быть подобны друг другу лишь потому, что с ними связаны те или иные универсалии²³¹. Реалистическая трактовка универсалий, явным образом предполагаемая в S-онтологии, основывается на том, что противоположная ей номиналистическая установка своим основанием имеет реизм, некоторого рода переоценку значимости единичных вещей, и своим следствием будет иметь, как показывает Тегтмайер, «идеалистический» взгляд на мир²³².

В S-онтологии Тегтмайера (и Хюнтельмана) универсалии трактуются как несамостоятельные сущности (тем самым избегают трудностей, связанных с «платоническим» реализмом): нет универсалий, которые не были бы экземплифицированы. Основанием для этого является еще и то, что предметы, то есть и индивиды, и

²³¹ Tegtmeier E. Op. cit. S. 40.

²³² Ibid. S. 19–31. В своих рассуждениях Тегтмайер опирается на работу Готтфрида Мартина «Вильгельм Оккам. Исследования по онтологии порядков». В этом исследовании Мартин пытался показать, что «Оккам, продолжая развивать понятие *трансцендентального множества* Фомы и понятие *трансцендентального отношения* у Дунса Скота, так далеко внедрил понятие *трансцендентального бытия* в учение о категориях, что все категории, кроме субстанции и качества, стали пониматься как трансцендентальное бытие» (Martin G. Wilhelm von Ockham. Untersuchungen zur Ontologie der Ordnungen. Berlin, 1949. S. 216). Тегтмайер следующим образом интерпретирует тезис Мартина. Для Оккама понятие трансценденталий включает в себя, среди прочих, понятия отношений и количеств. Сами трансценденталии трактуются Оккамом либо как множества вещей (multae res), либо как коннотативные понятия. Однако «множество вещей» — не некоторый самостоятельный комплекс, а простое собрание многих вещей; понятия — это «нечто в душе». Поэтому, замечает Тегтмайер, для Оккама отношения и количества — это всего лишь представления, которым в мире ничего собственно не соответствует. В целом, Оккам приходит к тому, что объявляет большую часть категорий аристотелевской онтологии простыми представлениями, и тем самым подготавливает идеализм Канта (учение о том, что все категории только представления). Согласно Тегтмайеру, от тезиса о том, что отношения и соединения являются только представлениями, не так уж сложно перейти к тезису о том, что всё данное нам существует только в нашем представлении: Канти лишь объединил убеждение в том, что познание всегда есть познание связей, с учением о том, что связь «есть стихийный акт способности представления» («Критика чистого разума» В130).

универсалии, всегда связываются в положениях дел и вне положений дел не встречаются.

Универсалиями являются не только нереляционные свойства, но и отношения (реляции). Реляции также могут быть присущи многим вещам; это, однако, означает не только то, что одно отношение всегда связывает, по меньшей мере, две вещи, но и то, что одно отношение может встречаться многократно между двумя вещами. Почему отношения трактуются в S-онтологии как универсалии? Дело в том, что и свойства, и отношения в положениях дел являются определяющими сущностями²³³. В положении дел, что платье карминного цвета, универсалия *карминный цвет* есть определяющая сущность, платье — определяемая сущность. В положении дел, что Мария носит платье, отношение *ношения* есть также определяющая сущность, а Мария и платье — нечто определяемое. Каждое положение дел содержит в точности одну определяющую сущность, что имеет свое основание в форме положения дел. Поскольку отношения могут экземплифицироваться различными вещами, то есть могут встречаться в разных положениях дел, они относятся к категории универсалий. В S-онтологию Тегтмайера (и Хюнтельмана) не допускаются «тропы» — такого рода сущности подпадали бы под категорию вещей и не выполняли бы те функции, которые возложены на свойства и отношения; свойства и отношения, которые могли бы интерпретироваться как пространственные (материальные) части вещи, представляются здесь метафизическим нонсенсом.

Во многих онтологиях, где в число категорий включаются положения дел, связь между компонентами положения дел часто трактуется как некоторая дополнительная фундирующая сущность²³⁴.

²³³ Ibid. S. 94.

²³⁴ Ключевым примером является, безусловно, система Бергмана. Стоит в связи с этим отметить, что Бергман по-разному оценивал роль фактов в своей онтологии. В статье 1960 года “Acts”, опубликованной в “Logic and Reality”, Бергман называл себя «онтологом вещей» (thing ontologist), и полагал, что «акт есть не вещь, а факт. [...] Поскольку я не онтолог фактов, я не стал бы говорить, даже если бы говорил философски, что акты «существуют»; но я бы сказал, что существуют их ингредиенты» (р. 30). Однако двумя статьями далее, в той же самой книге, Бергман уже утверждал, что факты существуют: «В [предложении] «Это (есть) зеленое» содержится, по меньшей мере, три формы или вида. Два слова представляют «вещи»; третье, «фундаментальная связка», само предложение,

Например, положение дел, что книга лежит на столе, в таких онтологиях интерпретируется следующим образом: в положении дел, что книга лежит на столе, мы имеем дело с двумя индивидами, одним отношением и одной связкой, то есть отношение «лежать на столе» «прикрепляется» к «книге» и «столу» с помощью некоторой связки. Для Тегтмайера идея такого рода предполагает убежденность в том, что вещи самостоятельны и совершенно не нуждаются ни в каких положениях дел. В S-онтологии, однако, единственными в мире самостоятельными сущностями являются положения дел. Согласно Тегтмайеру, связь между компонентами положения дел фундируется самим положением дел и не требует дополнительной связки; вещи и отношения несамостоятельны²³⁵.

Как предметы, так и положения дел имеют формы. Под формой положения дел Тегтмайер понимает «способ совместного бытия (Zusammensein) его компонентов»²³⁶. Тегтмайер выделяет шесть форм положений дел. Атомарное положение дел имеет форму экзemplификации. Молекулярные положения дел имеют форму конъюнкции, дизъюнкции, импликации, отрицания и квантификации. Далее, форма индивидов в категории предметов отличается от формы универсалий. Первые обладают формой индивидуальности, вторые — универсальности, которая, в свою очередь, дифференцируется в соответствии с теорией типов Рассела. Универсалии различаются в своих порядках и местности (числе мест). В отношении порядка Тегтмайер выделяет две формы: универсалии первого порядка (свойства и отношения вещей) и универсалии второго порядка (свойства свойств и отношения между отношениями). Форма универсалии зависит от положения дел, в котором

комплекс того типа, который называется «факт». По тому, как я использую это слово (весьма обосновано, что я показал в случае «есть»), все эти сущности существуют» (р. 88). В книге “Realism. A Critique of Brentano and Meinong” Бергман уже однозначно склонялся к онтологии фактов: «Все комплексы суть «факты» и «факты» суть комплексы; всё простое — «вещи» и все «вещи» просты. «Вещи», однако, не единственные конституэнты «фактов». Каждый «факт» имеет по меньшей мере одну конституенту того типа, которую я называю «связкой», и которая, в свою очередь, есть подвид онтологического вида «субсистенты»» (р. 4).

²³⁵ Tegtmeier E. Op. cit. S. 177ff.

²³⁶ Ibid. S. 46.

она встречается. «В каждом атомарном положении дел имеется в точности одна универсалия (свойство или отношение), от которой зависит, сколько еще предметов, кроме нее, может содержаться в положении дел, и на каком уровне они находятся. Эти универсалии я буду называть определяющими сущностями положения дел»²³⁷. Определяемые сущности всегда на уровень ниже того, что определяет их в положении дел. В согласии с этим, местность универсалии можно определить следующим образом: «Универсалия n-местная точно тогда, когда положения дел, в которых она является определяющей сущностью, имеют n+1 компонентов»²³⁸.

Ограничено ли число порядков и мест? Тегтмайер полагает, что да: он выделяет два порядка и максимум четыре места. Если учесть, что речь идет о числе форм универсалий, то всего насчитывается девять форм предметов. «Мы указываем на форму предмета, когда говорим, что он есть двухместная универсалия первого порядка; но также и тогда, когда говорим о предмете, что он есть индивид»²³⁹.

Приводимый Тегтмайером список категорий не показался полным У. Майкснеру, который отметил также, что S-онтологии в версии Тегтмайера не хватает «поссибилистского измерения»: «Он просмотрел, что едва ли ему удастся обойтись без несуществующих, то есть неактуальных положений дел; именно такие положения дел интендируются многими актами полагания или понимания»²⁴⁰. Р. Хюнтельман дополнил систему Тегтмайера еще одной категорией — модальной (два модуса, актуальности и потенциальности)²⁴¹. Согласно Хюнтельману, модусы просты, так же как предметы и формы, однако они не сводятся ни к первым, ни ко вторым. Модусы связаны исключительно с положениями дел; связь эта представляется Хюнтельману еще более тесной, чем связь между формами и положениями дел. Модусы полностью зависят от положений дел. С другой стороны, обстоит ли положение

²³⁷ Ibid. S. 43.

²³⁸ Ibid. S. 43.

²³⁹ Ibid. S. 44.

²⁴⁰ Meixner U. Rezension von Erwin Tegtmeier: Grundzüge einer kategorialen Ontologie // Deutsche Zeitschrift für Philosophie 2/1993, S. 418.

²⁴¹ Hüntelmann R. Existenz und Möglichkeit // Metaphysica Sonderheft (Bd. 2), 2002. S. 43–45.

дел или не обстоит, зависит от того, с каким модусом оно связано. При этом простые сущности не могут трактоваться как актуальные или потенциальные; единственное, что можно в данном случае сказать — это то, что они существуют.

Модусы, очевидно, образуют самостоятельную категорию по отношению к категории предметов; имеет ли смысл отличать их от форм? Формы, как указывалось выше, это способы совместного бытия компонентов положений дел. Для атомарных и молекулярных положений дел формы различны. В трактовке Хюнтельмана, модусы «проникают» во всё положение дел, «пронизывают» все его компоненты²⁴². Отсюда и их категориальное отличие.

Положения дел могут быть либо актуальными, либо потенциальными; они могут, говоря иначе, или обстоять, или не обстоять (дизъюнкция строгая). Модусы положений дел отличаются от (логических) модальностей; говоря о модусе, мы сообщаем о том, что сущность имеет место (либо нет), тогда, как говоря о модальностях, мы непосредственно не высказываемся о наличии (или отсутствии) какой-то сущности. Более важное отличие заключается в том, что, согласно Хюнтельману, модусы относятся к категории сущностей, тогда как модальности являются понятиями, соотношенными с некоторыми отношениями. Кроме того, модальные понятия не унивокальны — то, что в одном отношении считается «возможным», в другом отношении будет считаться «невозможным»; модус — всегда несамостоятельная компонента положения дел и каждое положение дел имеет строго один модус.

§4. Формальная онтология Уве Майкснера

Вариант «всеохватывающей» онтологии, дополняющей и расширяющей S-онтологии Тегтмайера и Хюнтельмана, разрабатывается У. Майкснером. Его работы по формальной онтологии технически очень сложны; но это не помешает нам представить его идеи — за образец мы возьмем его работу «Моделируя метафизи-

²⁴² *Hüntelmann R.* Op. cit. S. 44.

ку: метафизика модели»²⁴³. В ней нам предлагается своеобразный эксперимент, осуществление которого позволит взглянуть на наш мир так, как если бы мы сами могли быть его создателями или задумали набросать план для нового и наиболее совершенного творения. Сетка категорий чрезвычайно обширна: она включает в себя индивиды (базовые и небазовые), универсалии разных типов, многообразии положений дел, события, и даже тропы.

Пространство онтологической модели образуют 100 пространственных положений (или, проще, упорядоченные клетки, составляющие сетку 10×10 , каждая ячейка которой представлена парой (x_i, y_i) , где $i = 1, \dots, 10$); эти пространственные положения могут быть либо заполнены, либо пусты. Также в модели имеется 100 временных положений, каждое представленное одним из чисел в $(1, \dots, 100)$; положения упорядочиваются отношением «раньше-позже», представленным порядком натуральных чисел в ряде.

Уникальное наполнение пространственной позиции («полнота») в данной модели представляет универсалию (тогда как сами пространственные и временные позиции — базовые индивиды). Какого рода универсалией оказывается «полнота» (типом или свойством), зависит от целей того, кто модель будет использовать. Пространственная позиция «экземплифицирует» «полноту»; «полнота» — также и то, что может размещаться во множестве положений. «Полнота» каким-либо образом может именоваться и не является реляцией; реляции нельзя именовать, но можно опосредованно обозначать при описании модели. С другой стороны, реляции атемпоральны, их экземплификация никак не должна выпадать на какую-либо временную позицию. Далее, уровень свободы реляций предельно ограничен, точнее, равен 0.

Индивиды в этой модели — это пространственные и временные позиции; эти индивиды атомарны. Производные от них неатомарные индивиды — либо сложные конфигурации пространственных позиций, либо сложные конфигурации временных позиций. Пространственные конфигурации модели — континуанты,

²⁴³ *Meixner U. Modelling Metaphysics: The Metaphysics of a Model. Frankfurt a. M., 2010.*

неабстрактные индивиды, полностью представленные в каждой временной позиции; просто континуанты (*simpliciter*) — это неабстрактные индивиды, размещенные более чем в одной пространственной позиции и полностью представленные в той временной позиции, в которой они размещены. Очевидно, временные конфигурации — не континуанты.

Положения дел в этой модели подпадают под четвероякую классификацию (по двум позициям — зависимость от времени и «тематизация» времени): 1) те, которые зависят от времени и тематизируют время, 2) те, которые зависят от времени, но не тематизируют время, 3) те, которые не зависят от времени, но тематизируют время, 4) те, которые не зависят от времени и время не тематизируют. Положения дел четвертого класса ничего не сообщают о временных позициях и обстоят безотносительно ко времени; положения дел третьего класса нечто сообщают нам о временных позициях и обстоят безотносительно ко времени; положения дел второго класса суть положения дел с десигнатором «что...», и они имеют форму «что p наполнено», «что p пусто» (это, по сути, атомарные одномоментные положения дел); наконец, положение дел первого класса имеет форму, например, «что (1, 1) наполнено теперь, в 2». Десигнатор «теперь», надо отметить, индексален, указывает на качество «быть в настоящий момент» и обозначает ту или иную временную позицию не всегда, но исключительно в зависимости от случая — для всех временных позиций в модели может случиться то, что их будет обозначать этот десигнатор²⁴⁴.

События в рамках своей модели Майкснер трактует как временные последовательности «одномоментных» состояний. То есть событие — это функция, область определения которой — непустое множество временных позиций, и которая каждой позиции в этой области сопоставляет одномоментное состояние. Общее событие в модели Майкснера — это временная (непустая) последовательность одномоментных состояний, где каждое из этих состояний в действительности вызывается хотя бы одним наполнением временной позиции. Редкое событие в модели — это временная последовательность

²⁴⁴ *Meixner U. Op. cit. P. 45.*

одномоментных состояний, выполняющая следующие требования: а) временные позиции в области определения должны образовывать связанную временную конфигурацию, б) последовательно расположенные «одномоментные состояния» должны быть атомарными или сложными одномоментными состояниями, каждое из которых таково, что пространственные позиции, входящие в него, будут образовывать связанные пространственные конфигурации²⁴⁵.

Тропы в модели Майкснера — это сущности, обозначаемые посредством выражения «полнота P в (момент) Z ». Что первичнее, компоненты тропов или сами тропы? Майкснер полагает, что обе позиции одинаково возможны. Тот, кто склоняется к тому, чтобы подчеркивать предельно частный характер мелких неделимых порций пространства/времени, предпочтет второе; кто такой склонности не испытывает — первое²⁴⁶. Несложно также заметить, что все три сущности (положение дел, событие и троп) находятся в 1-1 соответствии, а именно: (а) «что P наполнено в (момент) Z », (б) одномоментное состояние, т. е. (полнота, P), предписанное Z , и (в) полнота P в Z .

Итак, модель Майкснера имеет два типа позиций: пространственные и временные позиции; относительно этих позиций имеется два типа наполнения: а) универсальная полнота в случае пространственных позиций, б) множество способов распределения «полноты» по всем пространственным позициям — в случае также временных позиций. Позиции и наполнения, сложенные вместе (составленные, скомпонованные), конституируют сущности, отличные от компонентов. Если P — пространственная позиция, то [полнота, P] — атомарное одномоментное состояние, {полнота, P } — пространственный троп; если Z — временная позиция, то $\{<Z, ST>\}$, где ST — максимально скомпонованное одномоментное состояние, есть максимальное одномоментное событие. Продолжая далее комбинировать с позициями и наполнениями, можно получить (из довольно компактной по своим средствам модели) наиболее полное (формальное) описание нашего мира.

²⁴⁵ Ibid. pp. 48-49.

²⁴⁶ Сам Майкснер приводит аргумент в пользу фундаментальности первой позиции — аргумент «несуществующие тропы». См.: *Meixner U. Op. cit. p. 57.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Под онтологией мы понимаем дисциплину, которая эксплицирует и проясняет структуру реальности: она выявляет элементы, составляющие эту структуру, и описывает характер их взаимоотношений. Указать на элементы, составляющие реальность, — значит ответить на вопрос «Что существует на самом деле?». Очевидно, что простой перечень фундаментальных сущностей не удовлетворит тех, кто решит всерьез заняться онтологическим анализом. Каждый такой перечень требует оправдания, и поэтому основательное онтологическое исследование всегда начинается с предварительного метаонтологического размышления. В рамках немецкой аналитической философии наиболее продуманное и глубокое метаонтологическое исследование осуществил Э. Тугендхат. Он попытался обосновать, почему онтологический анализ должен быть формально-семантическим анализом, и почему вопрос о том, что конституирует реальность, должен трансформироваться в вопрос о том, что значит понимать предложения разных форм. Стратегия обоснования заключалась в следующем.

Во-первых, Тугендхат показывает, что вопрос о фундаментальных конституэнтах реальности предполагает весьма специфический способ исследования — формализацию. Характер этой формализации определяется тем средством, которое использует онтолог. После череды «поворотов» в философии уже невозможно наивно полагать, что реальность дана нам как таковая, непосредственно. Какое средство помогает онтологу «прорваться» к реальности? Ключевой элемент стратегии Тугендхата — доказать то, что всё, с чем мы имеем дело, тем или иным способом нами «проговаривается», опосредуется языком; иная точка зрения — а именно, что способы сознания, а не способы говорения, задают ту структуру, которая опосредует реальность, — Тугендхатом опровергается. Итак, Тугендхат вначале демонстрирует, что средство, позволяющее онтологу пробиться к реальности, есть язык, а спе-

цифический метод исследования — формально-семантический анализ.

Во-вторых, Тугендхат показывает, что между онтологией классической и новым способом исследования имеется преимущество: после того, как мы соглашаемся считать, что подлинное, обоснованное онтологическое исследование может проводиться только формально-семантическими методами, наш вопрос о фундаментальных конституэнтах из вопроса о «сущем как сущем и том, что ему присуще» трансформируется в вопрос о том, что значит понимать предложения той или иной формы. Одновременно выясняется, насколько ограниченной была проблематика классической онтологии и насколько сложнее наш вопрос о фундаментальных элементах реальности.

Конкретная реализация фундаментального семантического исследования, которое, по замыслу, должно, в конце концов, прояснить структуру реальности (точнее, менее наивно: структуру нашего говорения о реальности), не была полностью осуществлена Тугендхатом: он проработал только вопрос о структуре нашего понимания асерторических предложений; но и проделанная работа была достаточной, чтобы превзойти начинания древних. Иные онтологические проблемы с помощью формально-семантических методов в рамках немецкой аналитической онтологии пытались решить авторы, о которых у нас шла речь в главах 2 и 3 раздела первого.

Тугендхат, по сути, разобрал лишь те проблемы, которые в классической онтологии возникали в связи с конкретными предметами. Проблема абстрактных предметов стала главной темой исследований В. Кюнне. Сам вопрос об абстрактных предметах — один из принципиальнейших в онтологии. От того, какой статус онтолог придает универсалиям, зависит характер его онтологии: именно вопрос о включении универсалий в перечень фундаментальных элементов реальности мотивирует онтолога заняться мета-онтологическими размышлениями. После того как было установлено, что подлинным методом онтологии является формально-семантический анализ, наш изначальный вопрос о существовании универсалий автоматически приобретает такую форму: как нам понимать термины, которые (кажется) реферируют к (условным)

абстрактным сущностям? Лингвистический (или формально-семантический) номинализм заключается теперь в демонстрации того, что т. н. «абстрактные термины» не функционируют в предложениях как нормальные термины (понять это нам мешают многочисленные унаследованные предрассудки, например, своего рода «миф об отношениях», как полагал Селларс, — вера в то, что слова всегда с чем-то соотнесены; устранение предрассудка — в осознании того, что функция у слов разная и определяется контекстом, т. е., по Тугендхату, пониманием формы соответствующих предложений). Лингвистический реализм, сторонником которого и был В. Кюнне, сводится к тому, что «абстрактные термины» не всегда можно элиминировать из предложений, что такие термины существенно влияют на истинность предложений, их содержащих.

Рассуждения об универсалиях, очевидно, связаны с общими рассуждениями о критериях существования. И опять же, если мы соглашаемся с тем, что формальная семантика является законным способом онтологического анализа, то вопрос о критериях существования автоматически модифицируется в вопрос о понимании т. н. «экзистенциальных предложений». И тогда мы начинаем исследовать структуру экзистенциальных предложений: выясняем функцию глагола «быть», определяем корректные способы формализации экзистенциальных предложений. Мы можем полагать, что слова «быть» и «существовать» неунивокальны. Если мы с этим не согласны, то перед нами открываются разные возможности интерпретировать глагол «существовать»: мы можем показать, что «существовать» есть только предикат предикатов, либо мы можем продемонстрировать, что «существовать» иногда допустимо трактовать как предикат субъектов. Однако в любом случае нам надо будет продемонстрировать, что «существовать» не функционирует в предложениях как обычный глагол.

Семантический подход позволяет по-новому посмотреть на довольно старые онтологические проблемы. Но есть ли у него недостатки? В частности, позволяет ли он окончательно устранить споры, которые возникают между онтологами? Нам представляется, в первых, что стратегии анализа абстрактных терминов, предлагаемые лингвистическими номиналистами и лингвистическими реалистами,

скорее указывают на невозможность решить спор об универсалиях: если, в конце концов, нам удастся только продемонстрировать, что «абстрактное предложение» принимает одно и то же значение истинности вне зависимости от того, реферирует ли «абстрактный термин» к чему-то или нет, то тем самым вопрос о статусе абстрактных сущностей не решается — нам все еще не ясно, стоит ли включать абстрактные предметы в онтологический перечень.

Интересно, во-вторых, что Тугендхат сам осознавал недостаточность формально-семантического подхода: такой подход, в конце концов, для полного обоснования должен дополняться некой универсальной прагматикой. Вопрос о структуре понимания предложений в действительности более узкий, чем вопрос о структуре понимания в целом: чтобы объяснить, как мы понимаем предложения, нам придется также объяснить, как мы понимаем действия и особенности поведения. Программа формальной семантики, в частности, предложенная Тугендхатом, окажется невыполнимой, если ее не дополнить программой универсальной прагматики. И безусловно, нам надо подкорректировать нашу метаонтологическую установку.

Итак, онтология проясняет структуру реальности. После череды «поворотов» онтологи должны перестать быть наивными. В частности, выяснилось, что следует философствовать посредством языка. Мы можем согласиться, что надо пользоваться формальными методами, но мы можем пересмотреть характер средства.

Вполне можно допустить, что проект Тугендхата столкнулся с трудностями потому, что неверно характеризовал то, посредством чего мы философствуем. Онтолог из Айовы Г. Бергман предложил философствовать не с помощью обыденного языка, а с помощью идеального языка. Философствовать с помощью идеального языка — это значит конструировать такое средство, которое позволяет проявить категориальную структуру реальности и помогает «онтологически фундировать» нашу убежденность в том, что реальность состоит из вещей (понимаемых широко — и как тела, и как сознания), их свойств и отношений. Вопрос об отношениях, кстати, весьма тонок, и не во всякой онтологической системе удастся их адекватно интерпретировать (безусловным примером может служить онтология Аристотеля и его

последователей). Т. н. S-онтологии находят наиболее удачный способ гармоничного сочетания вещей, свойств и отношений: все они оказываются несамостоятельными элементами положений дел.

Нам представляется, что «онтология идеального языка» Г. Бергмана, равно как и формальные онтологии (например, У. Майкснера), оказываются следствием того фундаментального разделения, которое предложил Э. Гуссерль еще в «Логических исследованиях»: по сути, Гуссерль (солидаризуясь, в некоторой степени, с А. Мейнонгом) предложил программу категориального анализа, в рамках которого выясняются формальные характеристики (онтологических) коррелятов «опосредующих сущностей» — актов сознания или выражений языка.

S-онтологии имеют крайне разветвленную сеть категорий, и некоторые из категорий могут показаться лишними (например, «форма мира»). «Чувство реальности» и здравый смысл, кажется, не вполне учитываются теми философами, которые считают себя последователями Г. Бергмана. В немецкой аналитической философии есть онтологи, которые не отказываются от категориального анализа, но пытаются использовать иное средство, чем идеальный язык. Исследование повседневности — тех установок, которые разделяются большинством из нас, — с помощью дескриптивных методов, разработанных П. Стросоном, имеет меньшую возможность оскорбить наше чувство реальности. Категориальная сетка «онтологии повседневности» уже не кажется нам излишне раздутой, а базовый характер получают только те элементы реальности, которые никогда нами под сомнение не ставились.

Однако ссылка на интуитивную достоверность не оказывается тем последним аргументом, который удерживал бы нас от попыток реализовать иной мотив философствования: можно, в конце концов, спросить, а есть ли философии дело до повседневности? Д. фон Вахтер, например, полагает, что в онтологии мы проясняем и эксплицируем не структуру обыденности, а фундаментальные компоненты реальности как таковой. Онтология тогда становится дисциплиной, во многом схожей с эмпирическими науками: в рамках онтологии мы выдвигаем гипотезы, которые отличаются от гипотез конкретных наук своей универсальностью; с помощью этих онтологических гипотез мы пытаемся установить те фундаментальные

элементы реальности, на которые смогут опереться наши лучшие научные теории. С другой стороны, средством проверки результатов онтологического анализа оказываются не интуиции повседневности, а конкретные достижения основных эмпирических наук.

Итак, в рамках немецкой аналитической философии мы встречаем несколько попыток расширить, дополнить и скорректировать «семантический проект онтологии». Для этого онтологи предлагают вернуться к некоторым «исходным очевидностям» и исследовать их иначе, чем только с помощью лингвистического анализа. В связи с этим, однако, мы должны сделать несколько критических замечаний. Во-первых, как нам представляется, исходные очевидности не определяются со всей строгостью, и во многом поэтому возникают эквивокации, не позволяющие сконструировать единую (или единственную) онтологическую систему и предложить единый способ исследования. Во-вторых, попыткам расширить «семантический проект» недостает критической продуманности и основательности: аналитические философы, к сожалению, продолжают недооценивать многочисленные «повороты», случившиеся до них в философии и многократно показавшие, что «исходные очевидности» при сколько-нибудь внимательном их рассмотрении оказываются сложными производными от целого ряда оснований, в отношении которых требуется особое «приведение к очевидности». В связи с этим нам бы хотелось напомнить о том, что Э. Тугендхат не решился, в конце концов, оспорить тот вариант онтологии, который предложил Хайдеггер. Действительно, если формальная семантика, как модифицированная онтология, все-таки узка и требует дополнения прагматикой; далее, если формализации исходных очевидностей принципиально допускают исправления (так как сами очевидности непродуманны и наивно приняты), то есть, если эти системы онтологии нуждаются в дополнительном обосновании; то проект фундаментальной онтологии Хайдеггера оказывается более основательным и универсальным подходом, чем проекты онтологии, предложенные немецкими аналитическими философами. На наш взгляд, дальнейшим усилением программы аналитической онтологии мог бы стать тот вариант «прагматизации» философии, который был предложен Хайдеггером в «Бытии и времени».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Сочинения в четырех томах. М., 1976. Т. 1.
2. *Блохина Н.А.* Метафизика в аналитической философии: очерки истории. Рязань, 2011.
3. *Брентано Ф.* Избранные работы. М., 1996.
4. *Васюков В.Л.* Формальная онтология. М., 2006.
5. *Васюков В.Л.* Формальная феноменология. М., 1999.
6. *Витгенштейн Л.* Философские работы. М., 1994. Ч. 1.
7. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 2009.
8. *Гуссерль Э.* Логические исследования. М., 2011. Т. II. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания.
9. *Дегутис А.Ю.* Онтологическая проблематика в современной аналитической философии // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии. Рига, 1988. С. 205–225.
10. *Драгалина-Черная Е.Г.* Формальные онтологии: аналитическая реконструкция. М., 2000.
11. *Кант И.* Сочинения: В 8 т. М., 1994. Т. 3.
12. *Куайн У.В. О.* С точки зрения логики. 9 логических очерков. М., 2010.
13. *Кюнг Г.* Онтология и логический анализ языка. М., 1999.
14. *Макеева Л.Б.* Язык, онтология и реализм. М., 2011.
15. *Никоненко С.В.* Онтологические и гносеологические основания аналитической философии. СПб., 2005.
16. *Райнах А.* Собрание сочинений. М., 2001.
17. *Соболева М.Е.* Философия как «критика языка» в Германии. СПб., 2005.
18. *Стросон П.Ф.* Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики. Калининград, 2009.
19. *Тugendhat Э.* Введение в аналитическую философию языка. Лекции // Логос 1991–2005. Избранное: В 2 т. М., 2006. Т. 1. С. 258–288.
20. *Фреге Г.* Логика и логическая семантика. Сборник трудов. М., 2000.
21. *Фреге Г.* Основположения арифметики. Логико-математическое исследование о понятии числа. Томск, 2000.
22. *Штуumpf К.* Явления и психические функции // *Лосский Н.О., Радлов Э.Л.* Новые идеи в философии. Сборник 4. Что такое психология? СПб., 1913. С. 50–101.
23. *Юм Д.* Сочинения в двух томах. М., 1996. Т. 1.
24. *Abel G.* Einzelding- und Ereignis-Ontologie // *Zeitschrift für philosophische Forschung*, Bd. 2 H. 2. S. 157–185 (1985).
25. *Allaire E.* The Attack on Substances: Descartes to Hume // *Dialogue*, 3: p. 281–287 (1964).
26. *Armstrong D.M.* A Theory of Universals: Universals and Scientific Realism. Cambridge, 1978.

27. *Armstrong D.M.* A World of States of Affairs. Cambridge, 1997.
28. *Backer L.R.* The Metaphysics of Everyday Life: An Essay in Practical Realism. Cambridge, 2007.
29. *Bacon J.* Universals and Property Instances: The Alphabet of Being. Oxford, 1995.
30. *Benkewitz W.* Bedeutung, Geist und Ontologie: Aspekte der Sprachphilosophie. München, 1990.
31. *Bergmann G.* Logic and Reality. Madison, 1964.
32. *Bergmann G.* Meaning and Existence. Madison, 1960.
33. *Bergmann G.* Realism. A Critique of Brentano and Meinong. Madison, 1968.
34. *Bergmann G.* Strawson's Ontology // The Journal of Philosophy. Vol. 57. № 19. P. 601–622 (1960).
35. *Bergmann G.* The Metaphysics of Logical Positivism. Madison, 1967.
36. *Boghossian P., Peacocke C.* New Essays on the A Priori. Oxford, 2000.
37. *Bradley F.H.* Appearance and Reality. London, 1916.
38. *Brody B.* Identity and Essence. Princeton, 1980.
39. *Burger P.* Was ist eine ontologische Erklärung? // *Metaphysica* Bd. 2, № 2. S. 45–72 (2000).
40. *Burgess J.P., Rosen G.* A Subject with No Object: Strategies for Nominalistic Interpretation of Mathematics. Oxford, 1997.
41. *Campbell K.* Abstract Particulars. Oxford, 1990.
42. *Carl W.* Existenz und Prädikation. München, 1974.
43. *Carl W.* Frege's Theory of Sense and Reference. Cambridge, 1994.
44. *Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (Eds.)* Metametaphysics: New Essays on the Foundation of Ontology. Oxford, 2009.
45. *Chisholm R.* On Metaphysics. Minneapolis, 1989.
46. *Cocchiarella N.* Logic and Ontology // *Axiomathes* Vol. 12. P. 117–150 (2001).
47. *Cocchiarella N.* Quantification, Time and Necessity // *Philosophical Applications of Free Logic*. New York, 1991. P. 242–256.
48. *Dummett M.* Frege: Philosophy of Language. London, 1973.
49. *Dummett M.* Origins of Analytical Philosophy. Cambridge/Mass., 1993.
50. *Frege G.* Grundgesetze der Arithmetik. Bd. 1. Jena, 1893.
51. *Frege G.* Dialog mit Puenjer über Existenz // *Hermes H., Kambartel F., Kaulbach F. (Hg.)* Nachgelassene Schriften und Wissenschaftlicher Briefwechsel. Bd. 1. Hamburg, 1969. S. 60–75.
52. *Glock H.J.* Ontologie — gibt das wirklich? // *Nimtz C. (Hg.)* Argument und Analyse, Paderborn 2001. S. 436–447.
53. *Gram M.S., Klemke E.D. (Eds.)* The Ontological Turn: Studies in the Philosophy of Gustav Bergmann. Iowa, 1974.
54. *Grossmann R.* The Categorical Structure of the World. Bloomington, 1983.
55. *Grossmann R.* The Structure of Mind. Madison, 1965.
56. *Hasenjaeger G.* Einführung in die Grundbegriffe und Probleme der modernen Logik. Freiburg/München, 1962.
57. *Heck R.G. Jr.* Frege's Theorem. Oxford, 2011.
58. *Heil J.* From an Ontological Point of View. Oxford, 2003.

59. *Hintikka J.* Existential Presuppositions and Existential Commitments // Journal of Philosophy. Vol. 56. P. 126–137 (1959).
60. *Hochberg G.* Complexes and Consciousness. Lund, 1999.
61. *Hochberg G.* Logic, Ontology and Language. München/Wien, 1984.
62. *Hochberg G.* Thought, Fact and Reference. The Origins and Ontology of Logical Positivism. Minneapolis, 1978.
63. *Hochberg H.* On the Metaphysics of Negation, Generality and Modality // *Metaphysica* Bd. 2. № 1. S. 21–50 (2000).
64. *Hochberg H., Mulligan K. (Eds.)* Relations and Predicates. Ontos-Verlag, 2004.
65. *Horgan T.* The Case Against Events // *The Philosophical Review*. Vol. 87. P. 28–47 (1978).
66. *Hüntelmann R.* Existenz und Möglichkeit // *Metaphysica Sonderheft* (Bd. 2), 2002.
67. *Husserl E.* Erfahrung und Urteil. Hamburg, 1972.
68. *Jacquette D.* Meinongian Logic. The Semantics of Existence and Nonexistence. Berlin/New York, 1996.
69. *Kanzian C.* Der Verweis auf Intuitionen als Argument in der Ontologie // *Metaphysica* Vol. 4. P. 83–101 (2003).
70. *Kanzian C.* Ding — Substanz — Person. Eine Alltagsontologie. Ontos Verlag, 2009.
71. *Kanzian C.* Ereignisse und andere Partikularien. Vorbemerkungen zur einer mehrkategorialen Ontologie. Paderborn, 2001.
72. *Koerner S.* On Bergmann's Ontology // *Philosophy of Science*. №1. P. 64–71 (1968).
73. *Küng G.* Ontologie und logische Analyse der Sprache. Eine Untersuchung zur zeitgenössischen Universalien Diskussion. Wien, 1963.
74. *Künne W.* Abstrakte Gegenstände. Semantik und Ontologie. Frankfurt a. M., 2007.
75. *Künne W.* Conceptions of Truth. Oxford, 2003.
76. *Lambert K.* On the Philosophical Foundations of Free Description Theory // *History and Philosophy of Logic*. Vol. 8. P. 57–66 (1987).
77. *Langlet B. Monnoyer J.M. (Eds.)* Gustav Bergmann. Phenomenological Realism and Dialectical Ontology. Ontos-Verlag, 2009.
78. *Laycock H.* Words without Objects. Oxford, 2006.
79. *Link G.* Algebraic Semantics in Language and Philosophy. Stanford, 1998.
80. *Lowe E.J.* More Kinds of Being: A Further Study of Individuation, Identity, and the Logic of Sortal Terms. Oxford, 2009.
81. *Martin G.* Wilhelm von Ockham. Untersuchungen zur Ontologie der Ordnungen. Berlin, 1949.
82. *Marty A.* Die "logische", "lokalistische" und andere Kasustheorien. Halle a. S., 1910.
83. *Marty A.* Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie. Halle a. S., 1908.
84. *Maurin A.-S.* Does Ontology Matter? // *Gozzano S., Orilia F. (eds.)* Tropes, Universals and the Philosophy of Mind, 2008. P. 31–56.
85. *Meinong A.* Über Annahmen. Leipzig, 1902.
86. *Meixner U.* Axiomatische Ontologie. Regensburg, 1991.
87. *Meixner U.* Ereignis und Substanz: Die Metaphysik von Realität und Realisation. Paderborn, 1997.

88. *Meixner U.* *Modelling Metaphysics. The Metaphysics of a Model.* Frankfurt a. M., 2010.
89. *Meixner U.* Rezension von Erwin Tegtmeier: Grundzüge einer kategorialen Ontologie // *Deutsche Zeitschrift für Philosophie* 2. S. 416–419 (1993).
90. *Meixner U.* Von der Wissenschaft der Ontologie // *Logos (Neue Folge)* 1. S. 375–399 (1994).
91. *Morscher E.* Ist Existenz immer noch kein Prädikat? // *Australian Journal of Philosophy* 61. P. 163–199 (1982).
92. *Patzig G. (Hg.)* Gottlob Frege. Funktion, Begriff, Bedeutung. Fünf logische Studien. Göttingen, 1986.
93. *Patzig G.* Sprache und Logik. Göttingen, 1981.
94. *Precht P. (Hg.)* Grundbegriffe der analytischen Philosophie. Stuttgart/Weimar, 2004.
95. *Quine W.V. O.* From a Logical Point of View. Cambridge, Mass., 1953.
96. *Quine W.V. O.* Ontological Relativity and Other Essays. New York, 1969.
97. *Reicher M.E. (Ed.)* States of Affairs. Ontos-Verlag, 2009.
98. *Reicher M.E.* Referenz, Quantifikation und ontologische Festlegung. Frankfurt a. M., 2005.
99. *Reinach A.* Zur Theorie des negativen Urteils // *Münchener Philosophische Abhandlungen*, Leipzig, 1911. S. 196–254.
100. *Rojszczak A., Smith B.* Urteilstheorien und Sachverhalte // *Neumaier O. (Hg.)* Satz und Sachverhalt. Sankt Augustin, 2001. S. 9–60.
101. *Rorty R.* Review of Ernst Tugendhat: Traditional and Analytical Philosophy: Lectures on the Philosophy of Language // *The Journal of Philosophy*. Vol. 82. P. 720–729 (1985).
102. *Rosefeldt T.* Singuläre Existenzaussagen // *Philosophie und/als Wissenschaft*, Paderborn 2003. S. 342–355.
103. *Rosefeldt T.* Was es nicht gibt: eine Untersuchung des Begriffes der Existenz. Heidelberg, 2006.
104. *Runggaldier E., Kanzian C.* Grundprobleme der analytischen Ontologie. Paderborn/München, 1998.
105. *Russell B.* Logic and Knowledge: Essays. London, 1956.
106. *Russell B.* Mysticism and Logic. London, 1917.
107. *Salmon N.* Existence // *Philosophical Perspectives* 1. Metaphysics 1987. P. 49–108.
108. *Schnieder B.* Particularised attributes: an Austrian tale // *Textor M. (ed.)* The Austrian Contribution to Analytic Philosophy, 2006. P. 130–158.
109. *Schnieder B.* Substanzen und (ihre) Eigenschaften. Berlin, 2004.
110. *Sellars W.* Essays in Philosophy and its History. Dordrecht, 1974.
111. *Sellars W.* Grammar and Existence: A Preface to Ontology // *Mind*. Vol. 69. № 276. P. 499–533 (1960).
112. *Smith B. (ed.)* Parts and Moments: Studies in Logic and Formal Ontology. München, 1982.
113. *Smith B.* Austrian Philosophy. The Legacy of Franz Brentano. Chicago-LaSalle, 1994.

114. *Smith B.* Sachverhalt // *Ritter J., Gründer K. (Hg.)* Historisches Wörterbuch der Philosophie, Bd. 8. Darmstadt, 1992. S. 1102–1111.
115. *Specht E.K.* Sprache und Sein. Berlin, 1967.
116. *Stegmüller W.* Das Universalienproblem // *Glauben, Wissen, Erkennen.* Darmstadt, 1965.
117. *Stegmüller W.* Hauptströmungen der Gegenwartsphilosophie, Bd. II. Stuttgart, 1979.
118. *Stöcker R.* Was sind Ereignisse? Berlin, 1992.
119. *Strawson P.F.* Individuals. An Essay in Descriptive Metaphysics. London; New York, 1990.
120. *Stumpf K.* Syllabus for Logic // *Rollinger R.* Husserl's Position in the School of Brentano. Dordrecht; Boston; London, 1999. P. 311–338.
121. *Szaif J.* Der Sinn von „sein“. Grundlinien einer Rekonstruktion des Begriffs des Seienden. Freiburg; München, 2003.
122. *Tegtmeier E.* Die Bedeutung Gustav Bergmanns // *Metaphysica* Bd. 0. S. 19–36 (1999).
123. *Tegtmeier E.* Grundzüge einer kategorialen Ontologie. Dinge, Eigenschaften, Beziehungen, Sachverhalte. Freiburg; München, 1992.
124. *Trapp R.W.* Analytische Ontologie. Frankfurt a. M., 1996.
125. *Trettin K.* Ontologische Abhängigkeit in der Tropentheorie // *Metaphysica.* Vol. 2. №1. P. 23–54 (2001).
126. *Trettin K.* Über Prinzipien der Metaphysik // *Metaphysica.* Vol. 4. P. 69–82 (2003).
127. *Tugendhat E.* Philosophische Aufsätze. Frankfurt a. M., 1993.
128. *Tugendhat E.* Vorlesungen zur Einführung in die sprachanalytische Philosophie. Frankfurt a. M., 1976.
129. *Wächter D.* Dinge und Eigenschaften. Versuch zur Ontologie. Dettelbach, 2000.
130. *Wächter D.* How to Turn from Language Back to Things in Themselves // *Ford J. (Ed.)* The Ontic Return. London, 2009.
131. *Wächter D.* Ontologie und Semantologie // *Siebel M., Textor M. (Hg.)* Semantik und Ontologie. Frankfurt a. M., 2004. S. 267–279.
132. *Wessel H.* Definition des Existenzprädikates als Voraussetzung zur Lösung des zeitgenössischen Universalienstreits // *Deutsche Zeitschrift für Philosophie* 26, H. 3. S. 367–377 (1978).
133. *Williams D.C.* The Elements of Being // *Van Inwagen P., Zimmerman W. (Ed.)* Metaphysics: The Big Questions, 1998. P. 40–51.
134. *Wittgenstein L.* Tractatus Logico-philosophicus. London, 1961.
135. *Wolterstorff N.* Bergmann's Constituent Ontology // *Nous.* Vol. 4. № 2. P. 109–134 (1970).
136. *Zalta E.* Abstract Objects. An Introduction to Axiomatic Metaphysics. Dordrecht, 1983.
137. *Zalta E.* Principia Metaphysica, <http://mally.stanford.edu/theory.html> (1999).
138. *Zimmermann R.* Der „Skandal der Philosophie“ und die Semantik: kritische und systematische Untersuchungen zur analytischen Ontologie und Erfahrungstheorie. Freiburg; München, 1981.